N 194

СКАЗАНІЯ

СОВРЕМЕННИКОВЪ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

II.

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННИКОВЪ
О
ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

Изданіе второе.

ЧАСТЬ II.

ЗАПИСКИ ГЕОРГА ПАЕРЛЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.
1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 12 Іюля, 1837 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ГЕОРГЪ ПАЕРЛЕ.

Георгъ Паерле, *Georg Peyerle*, доселѣ извѣстенъ ученому свѣту только по сочиненіямъ Шмидта-Фисельдека и Карамзина: первый помѣстилъ сокращенную выписку изъ рукописи Паерле въ своемъ Опытѣ введенія въ Русскую Исторію *), а второй заимствовалъ изъ оной многія свѣдѣнія, описывая смутное время Самозванцевъ **). Гдѣ хранится подлинникъ, не извѣстно; лучшій списокъ находится въ библіотекѣ Герцога Брауншвейгъ—Волфенбительскаго.

Паерле былъ родомъ изъ Аугсбурга, и сколько можно догадываться по его сочиненію, занимался торговлею въ товариществѣ съ двумя единоземцами своими, Андреасомъ Натаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ. Вмѣстѣ съ ними онъ пріѣхалъ въ Москву за нѣсколько дней до бракосочетанія Лжедимитрія, по приглашенію Секретаря его, Яна Бучинскаго, усердно ста-

---

*) Versuch einer neuen Einleitung in die Russische Geschichte. 1773. Часть I. стр. 317—384.

**) Исторія Государства Россійскаго, том. XI и XII.

равшагося заманить въ Россію купцовъ иноземныхъ. Надѣясь на покровительство пословъ Польскихъ и еще болѣе на грамоту Самозванца, Натанъ, Манлихъ и Паерле привезли въ Москву дорогіе товары, думая сбыть ихъ съ выгодою; но жестоко обманулись: вскорѣ по ихъ прибытіи, народъ возсталъ на обманщика и въ пылу негодованія, хотѣгъ истребить всѣхъ клевретовъ его. Многіе иноземцы, виновные и невинные, были жертвою мести народной; купцамъ Аугсбургскимъ грозила та же участь; видя смерть неизбѣжную, они рѣшились дорого продать свою жизнь и вступили съ чернію въ бой неровный; Бояре, къ счастію, спасли ихъ; укротивъ народъ, они дали слово купцамъ иноземнымъ вознаградить ихъ за потерю имущества и отправить въ отечество. Не вѣря сему обѣщанію, купцы, въ числѣ ихъ и Паерле, искали покровительства пословъ Польскихъ и пробрались, съ опасностію жизни, въ ихъ домъ; вышло однако хуже: пословъ задержали, а съ ними и всѣхъ иноземцевъ, укрывшихся на дворѣ посольскомъ. Тамъ они пробыли около 18 мѣсяцевъ подъ строгимъ надзоромъ; не разъ пытались бѣжать изъ скучнаго плѣна, хо-

тѣли даже силою вырваться изъ Москвы, и только тогда получили свободу, когда Царь Василій Ивановичъ (Шуйскій), заключивъ перемиріе съ Сигизмундомъ III, отпустилъ въ отечество пословъ Литовскихъ.

Томимый скукою неволи, Паерле записывалъ, вѣроятно отъ нечего дѣлать, все, что ни случалось ему видѣть и слышать въ Москвѣ о Димитріи Самозванцѣ и слѣдствіяхъ его дерзкаго предпріятія; потомъ возвратясь на родину, составилъ любопытное для насъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Описаніе путешествія Ганса Георга Паерле, уроженца Аугсбургскаго, съ господами Андреасомъ Натаномъ и Бернгардомъ Манлихомъ младшимъ, изъ Кракова въ Москву и изъ Москвы въ Краковъ, съ* 19 *Марта* 1606 *года по* 15 *Декабря* 1608 *). Это сочиненіе, по содержанію своему, раздѣляется на двѣ

*) Beschreibung der Moscowitterischen Rayse, welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mit Hernn Andreasen Nathan und Matheo Bernhardt Manlichen denn jüngern Ady 19 Martü Aj 1606 von Crachaw aus, angefangen, und was wir wahrhafftiges gehört, gesehen vnd erfahren, alles aufs khürzest beshriben, bis zue vnserer, Gottlob, wider dahirr Ankunft den 15 Decembris Anno 1608. 104 *стр. въ листъ.*

части: въ первой авторъ излагаетъ Исторію Димитрія Самозванца, котораго признаетъ сыномъ Іоанна Грознаго; разсказываетъ мнимое спасеніе его отъ смерти въ Угличѣ, пребываніе въ Польшѣ, войну съ Годуновымъ, воцареніе, бракъ съ Мариною, споры съ Литовскими послами, наконецъ низверженіе съ престола. Во второй части, онъ описываетъ, въ видѣ дневника, осмнадцатимѣсячное заключеніе пословъ Литовскихъ, переговоры ихъ съ Боярами, неустройства въ Москвѣ, волненіе Государства и проч.

Въ сочиненіи Паерле наиболѣе замѣчательны подробности Лжедимитріева похода въ Россію: авторъ описываетъ вѣрно и точно весь путь Самозванца отъ предѣловъ Польши до самой Тулы; всѣ его побѣды и неудачи, всѣ намѣренія и хитрости воинскія, даже мѣста, гдѣ онъ останавливался для ночлега. Не извѣстно, откуда заимствовалъ Паерле сіи любопытныя подробности; но сказанія его такъ опредѣлительны, что, по всѣмъ признакамъ, онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ какой нибудь Польскій Дневникъ, или воспользовался дружбою Яна Бучинскаго, и отъ него узналъ всѣ дѣйствія Самозванца до прибытія его въ Москву. Остальное же — въѣздъ

Марины, свадьбу, пиры, возстаніе народа и свою неволю, онъ разсказываетъ какъ очевидецъ.

Не имѣя ума тонкаго, наблюдательнаго, которымъ плѣняетъ насъ Маржеретъ, не владѣя даромъ повѣствованія, столь очаровательнымъ въ Лѣтописи Мартина Бера, Паерле заслуживаетъ однако вниманія потомства, какъ по многимъ любопытнымъ извѣстіямъ о Лжедимитріи, о пышности двора Московскаго, такъ и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о политикѣ Царя Василія Іоанновича Шуйскаго.

Сочиненіе его переведено мною вполнѣ, безъ малѣйшей перемѣны, не исключая ни погрѣшностей Историческихъ, ни ложныхъ умствованій автора. Два главные недостатка наиболѣе въ немъ замѣтны: неправильное понятіе о Самозванцѣ, котораго Паерле признаетъ сыномъ Царя Іоанна Васильевича, и злоба на Москвитянъ, т. е. Россіянъ. Дѣло о Самозванцѣ въ наше время кончено: неоспоримыя свидѣтельства удостовѣряютъ каждаго, что мнимый Димитрій былъ обманщикъ; а строгіе приговоры иноземцевъ о грубыхъ Москвитянахъ XVI и XVII столѣтій, доказываютъ только большею частью ихъ личность, мщеніе за претерпѣнныя ими въ

Россіи неудачи, за страданія, коимъ они подверглись, вмѣшавшись въ тогдашнія политическія ея потрясенія. Мы знаемъ нашихъ предковъ: знаемъ, что они были не безъ слабостей, даже не безъ пороковъ, свойственныхъ народу малообразованному; но отличались и добродѣтелями возвышенными: непоколебимымъ благочестіемъ, безусловною покорностію властямъ, добрыми семейственными качествами, и особенно безпредѣльною преданностію Царю-Государю, на коей основано величіе и благоденствіе Россіи.

Признавъ излишнимъ указывать въ примѣчаніяхъ на всѣ погрѣшности Автора, очевидныя для всякаго, кто знакомъ съ Русскою Исторіею, я счелъ полезнѣе присовокупить къ его сочиненію: I) Розыскъ о смерти Царевича Димитрія, составленный изъ Государственныхъ актовъ и современныхъ записокъ. Въ сей статьѣ я помѣстилъ все, что говорили современники о смерти Царевича, доселѣ еще необъясненной удовлетворительно. Читатель, сообразивъ сказанія ихъ, съ одной стороны убѣдится въ неосновательности извѣстій Паерле о Димитріи, а съ другой найдетъ довольно пищи къ размышле-

нію. II) Разные документы нашего Архива, поясняющіе сочиненіе Паерле; въ числѣ оныхъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) Манифестъ Лжедимитрія о вступленіи на престолъ. 2) Показаніе Воеводы Сендомирскаго о знакомствѣ его съ Самозванцемъ. 3) Подробный дневникъ Лжедимитріева похода въ Россію. 4) Манифесты Годунова и Шуйскаго о родѣ и племени Лжедимитрія. 5) Письмо Самозванца къ Станиславу Мнишку о покорности Царскаго войска. 6) Донесеніе Яна Бучинскаго о негодованіи Поляковъ на его высокомѣріе. 7) Свадебный обрядъ бракосочетанія Самозванца съ Мариною, и 8) Договоръ его съ Воеводою Сендомирскимъ объ уступкѣ Маринѣ Новагорода и Пскова.

Хотя сіи документы уже напечатаны въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ, изданныхъ Графомъ Румянцовымъ, но какъ они поясняютъ извѣстія Парле, то я счелъ нужнымъ присовокупить ихъ къ его сочиненію.

Николай Устряловъ.

24 Октября,
1831.

ЗАПИСКИ

ГЕОРГА ПАЕРЛЕ,

О

ПУТЕШЕСТВІИ ЕГО ИЗЪ КРАКОВА ВЪ МОСКВУ
И ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ КРАКОВЪ,

съ 19 Марта 1606 года по 15 Декабря 1608.

Переводъ съ Нѣмецкой рукописи.

ЗАПИСКИ

ГЕОРГА ПАЕРЛЕ.

ГЛАВА I.

Исторія Царя Димитрія.

Іоаннъ Великій. Характеръ Ѳеодора. Замыселъ Годунова. Симеонъ спасаетъ Царевича Димитрія. Воевода Сендомирскій. Походъ Димитрія въ Москву. Покореніе Моравска и Чернигова. Осада Новагродека. Басмановъ. Покорность Путивля, Рыльска, Сѣвска. Битва при Новѣгродекѣ. Рѣчь Димитрія. Побѣда. Казаки Запорожскіе. Удаленіе Воеводы Сендомирскаго. Битва Добрынская. Измѣна Казаковъ. Осада Рыльска. Замыселъ Борисовъ отравить Димитрія. Осада Кромъ. Хитрость Запорскаго. Смерть Годунова, жены его и сына. Москва встрѣчаетъ Димитрія. Замыселъ Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Обрученіе съ Мариною. Пріѣздъ ея. Рѣчь В. Сендомирскаго. Свадьба Димитрія, споры съ послами. Смерть его. Убійство Поляковъ.

Въ 1584 году умеръ свирѣпый Мучитель Іоаннъ Васильевичъ, Великій Князь Московскій, который въ 34 лѣтнее правленіе свое превзошелъ Нерона жестокостію и тиранствомъ, Ка-

лигулу злодѣяніями, Еліогабала непотребною жизнію [1]; по смерти сего Государя, именуемаго въ Россіи Великимъ, остались два сына Ѳеодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Ѳеодоръ наслѣдовалъ престолъ, но не имѣлъ вовсе охоты заниматься дѣлами Государственными, и все время свое посвятилъ на служеніе Господу Богу; посему избравъ шурина своего, Бориса Годунова, Правителемъ Великаго Княжества, поручилъ ему власть верховную.

Властвуя именемъ Ѳеодора, Борисъ задумалъ, при удобномъ случаѣ, овладѣть престоломъ: это желаніе съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе въ немъ усиливалось. Онъ предчувствовалъ, что слабый и хилый Ѳеодоръ недолго будетъ царствовать; однакожь опасался неудачи въ своемъ намѣреніи, если воцарится родный братъ Государя, Димитрій, какъ законный наслѣдникъ; посему Годуновъ рѣшился устранить сію преграду: золотомъ склонилъ на свою сторону нѣсколько Москвитянъ, и послалъ ихъ въ городъ Угличъ съ порученіемъ тайно умертвить жившаго тамъ Димитрія; а какъ сіе ужасное дѣло не могло совершиться безъ согласія Димитріева наставника, именемъ Симеона, то злоумышленники старались уговорить и его къ участію въ преступномъ замыслѣ, обѣщая великія богатства за содѣйствіе и грозя неминуемою смертію въ случаѣ сопротивленія. Симеонъ далъ

имъ слово, но въ то же время, одушевленный любовью и преданностію къ своему питомцу, принялъ столь вѣрныя мѣры, что съ помощію Божіею, разрушилъ коварный умыселъ слѣдующимъ образомъ: предъ наступленіемъ ночи, увѣдомивъ обо всемъ юнаго Князя, Симеонъ объявилъ ему, что нѣтъ никакой надежды отвратить убійство, что они окружены злодѣями, которые пресѣкли всѣ пути извѣстить Ѳеодора; но что онъ придумалъ средство, коимъ надѣется, при помощи Божіей, если только Димитрій на оное согласится, избавить его отъ смерти. Получивъ желаемое согласіе, наставникъ, по волѣ Небесъ, взялъ отрока, весьма похожаго лицемъ и видомъ на Димитрія, и въ ту же ночь положилъ его на постель Царевича; убійцы, думая, что время настало и что все устроено согласно съ ихъ намѣреніемъ, прокрались въ комнату и умертвили отрока; Димитрія между тѣмъ Симеонъ спряталъ, и въ слѣдующую ночь отправилъ въ одинъ монастырь, давъ ему наставленіе, что дѣлать и какъ называть себя [2]), самъ же удалился изъ Углича, опасаясь, что коварный Борисъ обвинитъ его предъ Великимъ Княземъ въ смерти Царевича и казнитъ его безъ всякой пощады; онъ тѣмъ болѣе сего страшился, что Государь возвелъ Бориса на высшую степень и во всемъ вѣрилъ ему.

Великій Князь, свѣдавъ о смерти брата,

весьма горевалъ и сокрушался; онъ велѣлъ Борису узнать немедленно, какимъ образомъ и отъ чего умеръ Царевичъ. Борисъ хотя зналъ очень хорошо причину сему, однако донесъ Государю, что Димитрій умертвилъ самъ себя ножемъ въ припадкѣ необыкновеннаго недуга [3]; причемъ утѣшалъ Великаго Князя хитрыми и льстивыми рѣчами, говоря, что сколь ни горестно это несчастіе, но сверьхъ мѣры кручиниться не должно, и что не мудрено, если неосторожный отрокъ самъ себя лишилъ жизни, особенно въ тяжкой болѣзни. Слабоумный Ѳеодоръ легко повѣрилъ и приказалъ казнить всѣхъ служителей своего брата; Борисъ немедленно исполнилъ это повелѣніе весьма охотно, думая тѣмъ удобнѣе скрыть свою измѣну [4]. Вскорѣ послѣ того, при помощи сестры своей, супруги Ѳеодора, тайно отравилъ сего Государя [5], а самъ овладѣлъ престоломъ.

Между тѣмъ Димитрій, ни кѣмъ незнаемый, въ одеждѣ инока переходилъ изъ обители въ обитель, и достигъ наконецъ предѣловъ Польши. Пробывъ нѣсколько времени на границѣ въ Русскихъ монастыряхъ, онъ явился сперва къ благородному господину Адаму Вишневецкому, а потомъ къ знатному вельможѣ Георгу Мнишку, Воеводѣ страны Сендомирской, Правителю Русскаго Львова, Самбора и другихъ: здѣсь, объявивъ, что онъ родный сынъ

Великаго Князя, Іоанна Васильевича, что его 1604
преслѣдуетъ измѣнникъ Борисъ, въ намѣреніи лишить жизни, и что спасенный милостію Бога и помощію своего наставника, онъ долженъ былъ укрыться отъ злодѣя, который, тайно отравивъ его брата Ѳеодора, беззаконно овладѣлъ престоломъ, Димитрій молилъ Воеводу быть ему отцемъ и убѣдить Короля Польскаго къ защитѣ и содѣйствію овладѣть прародительскою Державою. Воевода исполнилъ сіе желаніе; но Король отказалъ въ пособіи, отложивъ дѣло до собранія Сейма [6]. Между тѣмъ Димитрій, убѣждаемый нѣкоторыми Москвитянами поспѣшить пришествіемъ въ предѣлы отечества безъ всякаго замедленія, не хотѣлъ столь долго ожидать Королевскаго отвѣта и просилъ Воеводу собрать тайно столько воиновъ, сколько было можно, объявивъ, что многіе единоземцы обѣщаютъ присоединиться къ нему немедленно, какъ скоро онъ вступитъ въ Россію.

Воевода, исполненный благочестія и страха Божія, такъ тронулся усердною просьбою и жалкимъ положеніемъ Царевича, что не только нашелъ воиновъ, но и самъ рѣшился провождать его до предѣловъ Польши, даже въ страну Московскую.

Такимъ образомъ, собравъ 1100 Польскихъ всадниковъ, да 500 человѣкъ пѣхоты, и снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, Димитрій и

1604. Воевода Сендомирскій отправились съ симъ слабымъ отрядомъ 22 Августа 1604 года изъ Самбора къ Москвѣ 7); усиленные на пути двумя тысячами Казаковъ, приставшихъ къ нимъ подъ начальствомъ нѣсколькихъ Атамановъ, они достигли 26 Октября Московской границы и стройно двинулись на первую Русскую крѣпость Моравскъ 8); за три мили ихъ встрѣтили граждане сего города, привели къ Димитрію связанныхъ Правителей, покорились ему и признали его законнымъ Государемъ страны Московской; не успѣвъ въ тотъ же день вступить съ отрядомъ въ Моравскъ, онъ послалъ туда Польскаго Ротмистра, давъ ему 150 воиновъ, съ повелѣніемъ, занявъ крѣпость и городъ, привести жителей къ присягѣ; это повелѣніе тогда же было исполнено; на утро сопровождаемый Воеводою и всѣми спутниками, онъ вошелъ въ крѣпость и принесъ благодареніе Богу за столь счастливое начало своего предпріятія, не стоившее ни одной капли крови; пробывъ здѣсь двое сутокъ, въ третій день, онъ двинулся въ добромъ устройствѣ къ другой крѣпости, Чернигову, отстоящей отъ Моравска на 12 миль, и выслалъ впередъ 2000 Казаковъ. Еще сей отрядъ на цѣлую милю не дошелъ до города, какъ Черниговцы, узнавъ о приближеніи онаго, составили совѣтъ и начали разсуждать, что имъ дѣ-

лать? Наконецъ положили: связавъ правителей 1604.
сдать крѣпость и покориться Димитрію.

Воеводы Черниговскіе, свѣдавъ о намѣреніи народа, рѣшились обороняться и выстроили 300 стрѣльцовъ съ 20 орудіями. Жители хотѣли принудить ихъ къ покорности, силою; но бывъ отбиты отъ крѣпости, и не имѣя средствъ овладѣть ею, пригласили на помощь 2000 Казаковъ и соединясь съ ними, снова пошли на приступъ: тогда стрѣльцы отворили ворота и впустили гражданъ вмѣстѣ съ Казаками, которые, схвативъ Воеводъ, послали ихъ къ Димитрію. Обрадованный сею вѣстію, онъ немедленно поручилъ Польскому дворянину, Бучинскому, занять городъ и крѣпость; на другой же день самъ вступилъ въ Черниговъ, и съ восторгомъ былъ принятъ жителями, которые признавъ его истиннымъ Государемъ, присягнули ему, какъ вѣрные подданные. Послѣ осьмидневнаго отдыха, онъ двинулся далѣе съ своимъ слабымъ отрядомъ къ третьей крѣпости, Малому Новугродеку [9]

Между тѣмъ Борисъ овладѣлъ Великимъ Княжествомъ и держалъ народъ въ страхѣ и повиновеніи. Когда же по всей Россіи разнеслась молва о Димитріи, и въ Москвѣ узнали о покореніи имъ двухъ крѣпостей, Царь выслалъ противъ него многочисленную рать, и въ то же время чрезъ посла своего, дворянина Огарева [10], извѣстилъ Его Величество Короля Польска-

1604. го, что человѣкъ, называющій себя сыномъ Великаго Князя Іоанна Васильевича, есть не Царевичъ Димитрій, а бѣглый монахъ и измѣнникъ, Гришка Отрепьевъ; почему и просилъ Короля не нарушать взаимной дружбы, не вѣрить обманщику и не подавать ему помощи ни казною, ни людьми. О слѣдствіяхъ сего посольства увидимъ ниже.

Собирая силы для борьбы съ Димитріемъ, Борисъ немедленно отправилъ впередъ Боярина Петра Басманова съ 600 Московскихъ стрѣльцовъ. Сей Воевода, прибывъ къ Новугродеку и узнавъ о приближеніи къ оному Димитрія, созвалъ всѣхъ городскихъ обывателей въ крѣпость и заперъ ее; городъ же приказалъ 200 стрѣльцамъ сжечь до основанія, такъ, что уцѣлѣла одна крѣпость, стоявшая на горѣ. Димитрій, подступивъ къ ней на 4 мили, выслалъ впередъ 200 Казаковъ подъ начальствомъ Яна Бучинскаго; сей отрядъ подошелъ къ самой крѣпости. Москвитяне, увидѣвъ ихъ, начали немедленно палить и бросили вверхъ шапки, означая симъ, что желаютъ вступить въ переговоры. Бучинскій, провождаемый 11 воинами, подъѣхалъ къ стѣнѣ, чтобы узнать, чего они хотятъ? »Чего требуешь ты, спрашивалъ Басмановъ?« »Я присланъ, отвѣчалъ Бучинскій, моимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, сыномъ »блаженной памяти Великаго Князя Іоанна Ва-

»сильевича, Димитріемъ Іоанновичемъ. Небесный 1604.
»промыслъ сохранилъ его отъ смерти, приго»товленной въ Угличѣ измѣнникомъ Борисомъ: »онъ здравствуетъ, и чрезъ меня, слугу своего, »объявляетъ, что если вы, подобно жителямъ »Чернигова и Моравска, покоритесь ему и уда»рите челомъ, какъ законному Государю, то бу»дете помилованы; если же не согласитесь на сіе, »то знайте, что всѣхъ васъ предастъ онъ смер»ти, и мужей и женъ, и старыхъ и малыхъ; »самымъ младенцамъ въ матерней утробѣ не бу»детъ пощады.« На сіе отвѣчалъ Басмановъ: »Го»сударь нашъ и Великій Князь Борисъ теперь »въ Москвѣ: онъ повелитель всей Россіи! Тотъ »же, о комъ говоришь ты, есть измѣнникъ и »негодяй; скоро онъ будетъ на колѣ со всѣми »его клевретами! Спѣши удалиться туда, откуда »пришелъ ты, если хочешь остаться въ жи»выхъ.«

Вмѣстѣ съ симъ Москвитяне снова начали пальбу; но пули ихъ не долетали до отряда Бучинскаго, который, расположивъ оный на горѣ, откуда все въ крѣпости было видно, самъ поскакалъ къ Димитрію съ увѣдомленіемъ о слѣдствіяхъ переговоровъ. Царевичь, узнавъ о неудачѣ, не рѣшился итти впередъ и двое сутокъ простоялъ на одномъ мѣстѣ, совѣтуясь съ Воеводою Сендомирскимъ и другими особами, что надлежало предпринять, ибо крѣпость не сдава-

1604. лась добровольно; наконецъ положили: подступить къ ней на слѣдующее утро,—что и было исполнено. Димитрій, велѣвъ Полякамъ поставить шатры на городскомъ пепелищѣ, отправилъ къ стѣнамъ укрѣпленія нѣсколько дворянъ и преданныхъ ему Бояръ Московскихъ для переговоровъ, обѣщая милость покорнымъ. Но сіи посланные получили тотъ же отвѣтъ, какъ и прежніе.

Нѣсколько дней Димитрій питалъ себя надеждою на добровольную покорность жителей Новагродека и оставался въ бездѣйствіи; наконецъ, видя ихъ непреклонное упорство, болѣе и болѣе возраставшее, слыша только брань и ругательства, онъ приказалъ итти на приступъ; удачи однако не было: слабый отрядъ его, не имѣвшій достаточнаго количества орудій, былъ отбитъ съ потерею 50 воиновъ. Послѣ того, три недѣли онъ не предпринималъ ничего важнаго, потому, что Поляки въ то время готовили горючія вещества, чтобы взорвать крѣпость; но и сіе дѣло кончилось не такъ, какъ надѣялись: шпіоны предостерегли Россіянъ, и потому, когда осаждающіе вышли ночью изъ лагеря въ намѣреніи зажечь крѣпость и уже приблизились къ ней, непріятель открылъ столь сильный огонь, что изъ нихъ около ста человѣкъ пало на мѣстѣ. Поляки, не успѣвъ овладѣть замкомъ ни хитростію, ни силою, съ великою печалію

возвратились въ лагерь и остальное время ночи 1604.
провели въ совѣщаніяхъ, на что имъ рѣшиться? Наконецъ условились съ наступленіемъ дня отправиться во свояси. Димитрій, свѣдавъ о ихъ намѣреніи, весьма огорчился; но сильная горесть не могла поколебать его великодушія: онъ рѣшился ожидать времени, когда счастіе будетъ къ нему благосклоннѣе, и размышлялъ о средствахъ къ безопасному отступленію. Между тѣмъ съ разсвѣтомъ дня, когда Поляки уже хотѣли отъ него удалиться, прискакалъ одинъ Москвитянинъ съ извѣстіемъ, что Путивль, главный городъ Сѣверской области, покорился добровольно и что Воеводъ онаго ведутъ уже какъ плѣнниковъ. Эта радостная вѣсть ободрила унывшихъ: Поляки снова рѣшились остаться въ лагерѣ; вскорѣ привели связанныхъ правителей Путивля и выдали ихъ Димитрію; около полудня другой вѣстникъ увѣдомилъ его, что и Рыльскъ, обширный городъ, отстоящій отъ Путивля на 12 миль, покорился ему вмѣстѣ съ крѣпостію: тогда же привели связанныхъ градоначальниковъ; чрезъ часъ по захожденіи солнца, прибылъ третій вѣстникъ, отъ коего свѣдали, что укрѣпленный Сѣвскъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ и 40 крѣпостей окрестныхъ, всѣ изъявили покорность; около полуночи явились до 100 Москвитянъ, которые выдали Димитрію Сѣвскихъ Воеводъ. Въ слѣдующее утро прика-

1604. залъ онъ привести всѣхъ вышеозначенныхъ сановниковъ и принялъ ихъ весьма благосклонно: они же немедленно поклялись служить ему вѣрно, какъ истинному Государю и законному Наслѣднику Русскаго престола. Въ тотъ же день Димитрій послалъ ихъ съ нѣсколькими Поляками къ Новугродеку для переговоровъ о добровольной сдачѣ; но и сіи посланные возвратились обруганные безъ всякаго успѣха; пылая гнѣвомъ, онъ приказалъ привести всю артиллерію изъ покорившихся крѣпостей, какъ можно поспѣшнѣе; между тѣмъ велѣлъ рыть окопы; когда же, по прошествіи двухъ недѣль, подвезли довольно орудій, тогда открыли по крѣпости пальбу и стрѣляли нѣсколько сутокъ безпрерывно. Осажденные, замѣтивъ непреклонность непріятеля, начали опасаться и бросая вверхъ шапки, давали знать о своемъ согласіи вступить въ переговоры; Димитрій выслалъ нѣсколько Поляковъ съ повелѣніемъ узнать, чего желаютъ Москвитяне, и услышавъ, что они просятъ двухнедѣльнаго перемирія, сначала не хотѣлъ согласиться на сіе условіе, требуя немедленной покорности. Осажденные объявили, что они просятъ перемирія не безъ причины: ибо увѣдомились о скоромъ прибытіи вѣстника съ письмами, изъ коихъ узнаютъ, въ какомъ состояніи находится Москва. Это извѣстіе, говорили Россіяне, и вамъ будетъ полезно: тогда вы лучше може-

те судить, какія предпринять мѣры; если же въ течeніе сего времени, мы не получимъ никакого свѣдѣнія, тогда предадимъ себя милосердію вашего Государя.« Димитрій согласился. Но прежде окончанія двухнедѣльнаго срока, 60,000 воиновъ прибыли изъ Москвы на помощь крѣпости, (она того только и ожидала), и расположились станомъ въ двухъ миляхъ отъ Польскаго лагеря. Простоявъ спокойно пять дней, въ шестой они двинулись на обширную равнину, гдѣ былъ станъ Димитрія. Поляки сначала дрогнули: силы ихъ были ничтожны въ сравненіи съ многочисленнымъ воинствомъ непріятеля, а укрыться отъ него не было никакого средства: но размысливъ, что мужественная битва и смерть на полѣ ратномъ благороднѣе, славнѣе постыднаго бѣгства, они ободрились и выступили изъ лагеря на встрѣчу врагамъ. Димитрій же, неустрашимый и исполненный радости, говорилъ къ нимъ слѣдующимъ образомъ: 1604.

»Наконецъ, мои добрые, вѣрные сподвижни»ки! настало время, когда всемогущій, милосер»дый Богъ разсудитъ меня съ Борисомъ и рѣ»шитъ мое дѣло; что же предпринять намъ? »должны ли мы страшиться, или желать суда »его? Богъ—Судія правдивый и строгій; Онъ лю»битъ правду и смиреніе, ненавидитъ непра»воту и высокомѣріе. Уже Онъ обратилъ гроз»ный взоръ на Бориса: настало время, когда сей

1604. »преступникъ получитъ возмездіе за свои зло»дѣянія! Божій промыслъ вѣдаетъ, какимъ вѣро»ломствомъ онъ присвоилъ мое наслѣдственное »право на Русскую корону, какою смертоносною »измѣною овладѣлъ моею прародительскою Дер»жавою! Я увѣренъ—и никто не будетъ въ томъ »сомнѣваться, — что одинъ Богъ хранилъ меня »до сего времени; пусть Борисъ не признаетъ »Его правосудія и могущества; промыслъ Все»вышняго располагаетъ всѣми дѣлами человѣка »и ничто не совершается безъ воли Божіей. Сей »самый промыслъ, хранившій меня доселѣ отъ »всякаго зла и бѣдствія, избавившій отъ смер»ти, казалось, неизбѣжной, и разрушившій ко»варный, ужасный замыселъ, назначилъ этотъ »день для наказанія злодѣя: все сіе не умъ че»ловѣка устроилъ, а судьбы Всевышняго пред»опредѣлили. Онѣ отвели отъ меня страшный, »убійственный ударъ, въ чемъ будутъ свидѣтель»ствовать самыя стѣны Углича, обрызганныя »кровію невинныхъ, погибшихъ отъ руки смерто»убійцъ, на грудь мою устремленной; но ихъ »кровожадная душа не нашла своей жертвы! »Богъ разрушилъ ихъ замыселъ! Я живъ для »казни преступниковъ! И такъ, мои вѣрные то»варищи! возмемъ оружіе и мужественно, радо»стно---съ нами Божія помощь и благодать---уда»римъ на вѣроломныхъ измѣнниковъ, презираю»щихъ и человѣческое и божественное право!

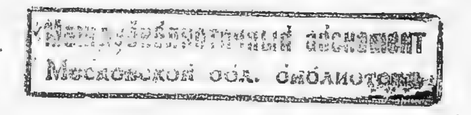
»Не страшитесь множества противниковъ; поле 1604.
»битвы остается не за тѣмъ, кто сильнѣе, но
»кто мужественнѣе и добродѣтельнѣе, чему на-
»ходимъ много примѣровъ въ бытописаніи, и
»что вы сами теперь узнаете собственнымъ
»опытомъ. Меня не обманетъ надежда возвра-
»тить наслѣдіе отцевъ моихъ; а васъ ожидаетъ
»безсмертная слава — изъ всѣхъ наградъ самая
»сладостная! Она утѣшаетъ насъ въ этой кратко-
»временной жизни, по смерти же передаетъ вѣ-
»камъ память нашихъ дѣлъ, и это воспоминаніе
»такъ могущественно, что съ нами, уже мерт-
»выми, потомки будутъ бесѣдовать, какъ съ жи-
»выми. Слава ведетъ человѣка прямо въ небеса!»

По окончаніи сей рѣчи, одушевившей воиновъ новымъ мужествомъ, Поляки немедленно стали въ ряды и приготовились къ битвѣ: когда же приблизились Москвитяне, раздался трубный звукъ и битва началась съ ужаснымъ крикомъ, громомъ, трескомъ. Поляки ударили на толпы непріятеля съ такою яростію, что разорвали его ряды: онъ оробѣлъ, началъ уступать мужеству витязей, покровительствуемыхъ небесами, и наконецъ обратился въ бѣгство. Димитрій, овладѣвъ полемъ битвы, съ веселымъ торжествомъ возвратился въ свой лагерь. Москвитяне лишились 4000 человѣкъ убитыми, кромѣ множества раненныхъ и плѣнныхъ; уронъ Димитрія былъ незначителенъ.

1604. На другой день пришли къ нему на помощь 12,000 Запорожскихъ Казаковъ, съ 14 полевыми орудіями; изъ числа ихъ 8000 были на коняхъ, а прочіе пѣшіе. Димитрій встрѣтилъ ихъ въ довольномъ разстояніи отъ своего лагеря и изъявилъ особенную ласку и признательность; они расположились станомъ также подъ крѣпостію, отдыхали два дня и совѣтовались съ Поляками о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ; тѣ и другіе условились было въ слѣдующую ночь довершить пораженіе непріятеля, который снова собрался недалеко отъ Новагродека, потомъ начать рѣшительную осаду крѣпости, или овладѣть ею приступомъ. Но въ то время пріѣхалъ изъ Польши вѣстникъ съ указами Его Королевскаго Величества къ Воеводѣ и всѣмъ Полякамъ, находившимся при Димитріи. Король, исполняя Борисово желаніе, объявленное посломъ его, о коемъ мы выше упоминали, предписалъ Воеводѣ возвратиться въ отечество немедленно со всѣми Поляками, подъ опасеніемъ потери имущества и самой жизни; Поляки едва узнали о семъ повелѣніи, тотчасъ отправились съ Воеводою во свояси, вмѣсто того, чтобы итти на враговъ, и оставили Димитрія, съ одними Запорожцами. По удаленіи ихъ, Казаки не смѣли напасть на Московскій лагерь и углубясь вмѣстѣ съ Димитріемъ въ Сѣверскую область,

засѣли въ крѣпости Сѣвскѣ, отстоящей на 12 миль отъ Новагродека. 1605.

Въ третій день по отшествіи Воеводы, 400 Польскихъ всадниковъ возвратились къ Димитрію, желая снова служить ему. Пробывъ въ Сѣвскѣ 8 сутокъ, безъ всякаго извѣстія, гдѣ находится Московскій лагерь и что дѣлается въ Новѣгродекѣ, онъ выслалъ 500 Казаковъ, съ повелѣніемъ развѣдать, не слышно ли чего либо о непріятелѣ. Сіи Казаки, не доходя двухъ миль до крѣпости, приблизились къ одной большой деревнѣ и за четверть мили отъ нея встрѣтили въ кустарникѣ 30 Москвитянъ на коняхъ; схвативъ изъ нихъ троихъ, помощію ударовъ и пытки, они свѣдали, что въ сей деревнѣ стояли 4 тысячи непріятелей, а главное войско, оставивъ прежній лагерь при Новѣгродекѣ, расположилось въ 12 миляхъ отъ большой деревни и за нѣсколько дней усилилось 130,000 человѣкъ. Казацкій Атаманъ, увѣдомивъ о семъ Димитрія, немедленно просилъ прислать ему на помощь 100 гусаръ или Польскихъ уланъ, чтобы разсѣять четырехтысячный отрядъ, стоявшій въ деревнѣ; Димитрій отправилъ къ нему 120 всадниковъ съ Польскимъ Хорунжіемъ; но прежде, чѣмъ они подоспѣли, Казаки начали битву съ Москвитянами и уже отступали; однакожь, увидѣвъ Поляковъ, идущихъ на помощь, снова ударили на враговъ, положили около 1200

1605. человѣкъ на мѣстѣ и съ незначительною потерею возвратились въ крѣпость побѣдителями. Димитрій, узнавъ теперь достовѣрно, что непріятель всѣми силами ежедневно подвигается впередъ и уже отстоитъ не болѣе, какъ на 3 мили отъ Сѣвска, собралъ своихъ для совѣта и разсуждалъ, что надлежало предпринять? Долго не знали, на что рѣшиться; Димитрій наконецъ согласился съ мнѣніемъ тѣхъ, которые совѣтовали итти врагамъ на встрѣчу, не дожидаясь ихъ приближенія къ Сѣвску; ибо еслибъ они обложили сію крѣпость, сопротивленіе было бы невозможно, потому что силою не льзя одолѣть столь многочисленнаго войска; они же, имѣя средства преградить всѣ пути, успѣли бы пресѣчь подвозъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, и поморили бы осажденныхъ голодомъ. »Лучше, говорилъ Димитрій, встрѣтитъ ихъ въ полѣ, и въ битвѣ найти славную смерть, или вѣроятнѣе побѣду.« Посему воины его приготовились въ слѣдующее утро выступить противъ непріятеля.

На другой день, по совершеніи Божественной службы, Димитрій повелъ свое войско, состоявшее изъ 14,000 человѣкъ, на лагерь Москвитянъ. Но едва прошелъ онъ половину пути, какъ передовый отрядъ его встрѣтилъ наблюдательный полкъ Москвитянъ, заключавшій до 5000 ратниковъ, и завязалъ съ нимъ

столь жаркое дѣло, что побивъ около 1000 человѣкъ, полонилъ двухъ знатныхъ Бояръ и многихъ воиновъ; прочіе же побѣжали въ лагерь съ великимъ крикомъ. Царскій Воевода, узнавъ о пораженіи сторожеваго отряда, немедленно оставилъ лагерь, расположенный подлѣ большой деревни, вывелъ войско на открытую равнину и устроилъ его къ битвѣ, убѣждая сразиться мужественно. Димитрій вступилъ также на сію равнину, и замѣтивъ, что его дружина слабая начала колебаться при видѣ столь многочисленныхъ враговъ, старался ободрить ее слѣдующими словами: »Мои вѣрные друзья, мои любезные сподвижники! будьте смѣлы и мужественны; надѣйтесь на Бога; Всемогущій съ нами! Вы это уже видѣли: онъ насъ никогда не оставлялъ, онъ неизмѣнный нашъ покровитель. Я твердо увѣренъ, я убѣжденъ, что Богъ-судья безпристрастный, что враги испытаютъ нынѣ его могущество и справедливость, что онъ разсѣетъ и истребитъ ихъ.« Потомъ раздѣлилъ свое воинство на три отряда: первый, въ коемъ онъ самъ находился, состоялъ изъ 400 Поляковъ и 2000 Москвитянъ, (они надѣли на латы бѣлыя рубахи, для различія отъ своихъ единоземцевъ); въ другомъ было 8000 конныхъ Запорожцевъ, въ третьемъ 4000 Казаковъ пѣшихъ. Сей послѣдній отрядъ остановился въ значительномъ разстояніи отъ двухъ первыхъ за горою, 1605.

1605. съ тяжелымъ снарядомъ, для того, чтобы въ случаѣ неудачи, прочіе могли найти опору и орудіями остановить непріятеля.

Когда все было такимъ образомъ устроено, раздался трубный звукъ и битва началась. Димитрій, съ обнаженнымъ палашемъ въ рукѣ, на каремъ аргамакѣ, поскакалъ прямо въ толпы враговъ, въ надеждѣ увлечь за собою дружину. Слѣдуя за нимъ, 400 Поляковъ и 2000 Москвитянъ устремились съ быстротою неимовѣрною. Непріятель, чтобы заманить ихъ подъ картечь, уклонился назадъ на значительное разстояніе, и потомъ раздвинувъ свои ряды, встрѣтилъ нападающихъ залпомъ изъ 14 пушекъ и 16,000 длинныхъ ружей. Тутъ Богъ всемогущій явилъ Димитрію свою необыкновенную, чудесную милость: этотъ ужасный залпъ сразилъ не болѣе 3 человѣкъ и ранилъ только пятерыхъ! Непріятель, не видя болѣе Димитріевыхъ ратниковъ, покрытыхъ дымомъ, и полагая, что всѣ они были побиты, прекратилъ пальбу; между тѣмъ, Димитрій, замѣтивъ, что облака дыма, гонимыя вѣтромъ, ослѣпили Москвитянъ, устремился впередъ съ частію войска своего и надѣлалъ имъ столько вреда, что если бы 8000 Казаковъ немедленно подали помощь, онъ безъ сомнѣнія удержалъ бы за собою поле сраженія; но Казаки измѣнили и разбѣжались; (они были подкуплены Борисомъ за нѣсколько дней, какъ послѣ

открылось). Димитрій, не имѣя средствъ, безъ 1605.
помощи Казаковъ, выдержать сильнаго напора и увидѣвъ, что ему измѣнили, въ бѣгствѣ искалъ спасенія. Враги быстро его преслѣдовали до третьяго отряда, гдѣ находились пѣшіе Казаки, которые, остановивъ ихъ пушечными выстрѣлами, долго, мужественно сражались и многихъ побили; наконецъ, подавленные безмѣрными силами, всѣ были изрублены на мѣстѣ. Димитрій же ускакалъ съ прочими воинами въ Сѣвскъ, и если бы Казаки не удержали на время непріятеля, онъ достался бы живой или мертвый со всѣми остальными воинами въ руки побѣдителей. Въ этомъ сраженіи онъ потерялъ до 3000 человѣкъ [11]). Хотя Москвитяне, довольные побѣдою, возвратились въ лагерь и нѣсколько дней оставались въ бездѣйствіи; однакожъ онъ спѣшилъ удалиться изъ своего убѣжища, опасаясь погибнуть съ слабою дружиною, если враги вздумаютъ осадить крѣпость; на остальныхъ же 8000 Казаковъ не смѣлъ положиться; посему въ ту же ночь удалился съ немногими Поляками въ крѣпость Рыльскъ, на 36 миль отъ Сѣвска, и потомъ въ Путивль, главный городъ Сѣверской области. Казаки, свѣдавъ о скрытномъ удаленіи Димитрія изъ Сѣвска, немедленно пустились по его слѣдамъ; но подъ стѣнами Рыльска ихъ встрѣтили ружейною пальбою и поносными словами, какъ предателей Государя Димитрія

1605. Іоанновича; получивъ такой же отвѣтъ и въ Путивлѣ, они вышли со стыдомъ изъ предѣловъ Московскихъ.

Между тѣмъ непріятель, оставивъ лагерь, приступилъ къ Рыльску и началъ сильную пальбу какъ по городу, такъ и по крѣпости. Димитрій, убѣждаемый осажденными подать помощь, немедленно отправилъ къ нимъ изъ Путивля 1000 Москвитянъ и 5000 Донскихъ Казаковъ [12]): сіи Казаки, въ числѣ 4000 человѣкъ присоединились къ нему въ Путивлѣ; (они составляютъ лучшее войско Великихъ Князей Московскихъ; имѣя длинныя ружья, сражаются на коняхъ и еще гораздо лучше пѣшіе; живутъ за 100 верстъ отъ Путивля на берегахъ Дона). Не доходя двухъ миль до Рыльска, посланные Димитріемъ воины встрѣтили сторожевый отрядъ непріятельскій, разбили его и нѣсколько плѣнниковъ отправили въ Путивль; прочіе же враги, спасшіеся отъ пораженія, бросились въ лагерь и съ ужасомъ объявили своимъ, что изъ Путивля идутъ страшныя силы, отъ коихъ они едва спаслися. Это случилось за 3 часа до разсвѣта. Сія вѣсть поразила непріятеля, по волѣ Небесъ, такимъ ужасомъ, что онъ покинулъ свой лагерь и разбѣжался. Рыльчане, услышавъ необыкновенное волненіе въ станѣ враговъ, думали, что они, по миновании ночи, пойдутъ на приступъ, и бросились на твердыни, чтобы от-

разить ихъ; но съ разсвѣтомъ увидѣли, что не- 1605.
пріятель скрылся, и не могли придумать причины его отступленія: прибытіе вспомогательнаго отряда наконецъ объяснило загадку; тогда осажденные, вмѣстѣ съ симъ отрядомъ, устремились по слѣдамъ непріятеля, настигли его въ бѣгствѣ, побили около 3000 человѣкъ, многихъ взяли въ плѣнъ и потомъ разграбивъ его лагерь, гдѣ нашли 14 орудій со множествомъ съѣстныхъ припасовъ, немедленно обо всемъ увѣдомили Димитрія: такое извѣстіе весьма его обрадовало. Послѣ того около 4 недѣль, никто не зналъ, куда Москвитяне дѣвались; наконецъ прибылъ въ Путивль вѣстникъ съ увѣдомленіемъ, что они стоятъ въ 36 миляхъ и весьма дѣятельно осаждаютъ Кромы, и что на походѣ къ сей крѣпости, безчеловѣчно опустошили всѣ города и села въ Сѣверскомъ Княжествѣ, признавшіе Димитрія, не давая пощады ни старымъ, ни малымъ, ни женщинамъ, ни мущинамъ. Не льзя не подивиться, съ какою радостію сіи невинные люди переносили изтязанія и муки за Димитрія, котораго никогда не видали, считая самую смерть блаженствомъ, если за него гибли! Перо не можетъ выразить, съ какимъ жестокосердіемъ свирѣпствовали Москвитяне въ собственномъ отечествѣ.

Въ сіе время Борисъ подослалъ въ Путивль трехъ Монаховъ съ грамотами къ духовенству и

1605. гражданамъ, требуя, что бы они схватили Димитрія со всѣми приверженцами и отправили бы ихъ въ Москву; за что обѣщалъ наградить ихъ щедро и помиловать за прежнюю измѣну. Монахи, прочитавъ грамоты народу, съ своей стороны убѣждали его не вѣрить тому, кто называетъ себя Димитріемъ, сказывая, что онъ бѣглый чернецъ, а не сынъ блаженной памяти Іоанна Васильевича. »Мы жили вмѣстѣ, говорили они, въ одномъ монастырѣ, и замѣтивъ, что онъ занимается чародѣйствомъ, наказали его какъ старшіе, въ намѣреніи отучить отъ сего дьявольскаго дѣла, а онъ бѣжалъ въ Польшу и выдалъ себя за сына Іоанна Васильевича. Притомъ всякому извѣстно, что истинный Димитрій за нѣсколько лѣтъ скончался въ Угличѣ.« Подобными рѣчами Иноки думали ослѣпить народъ. Но Димитрій тотчасъ провѣдалъ о семъ, приказалъ ихъ поймать и привести къ себѣ; между тѣмъ прежде, нежели ихъ представили, велѣлъ одному Польскому дворянину, именемъ Иваницкому, надѣть свое платье и сѣсть на своемъ мѣстѣ. Монахи, приведенные предъ сего дворянина, были спрашиваемы нѣкоторыми Поляками: »Узнаете ли вы Димитрія?« »Какъ прежде говорили мы народу, отвѣчали они, такъ и теперь повторяемъ, что онъ не тотъ, кѣмъ хочетъ быть.« Желая открыть, не имѣютъ ли они другаго умысла, Димитрій приказалъ ихъ пы-

тать. Двое ни въ чемъ не хотѣли признаться. 1605.
Но третій, уже старецъ, предъ самымъ началомъ истязанія, умолялъ о пощадѣ и просилъ переговорить съ Димитріемъ наединѣ, обѣщаясь открыть все, что ему извѣстно. Сію просьбу немедленно исполнили; представленный Димитрію, Монахъ тотчасъ узналъ его, упалъ ему въ ноги и отъ ужаса не могъ сказать ни слова. Димитрій велѣлъ ему встать и говорить безъ всякаго опасенія, откровенно. »Да будетъ вѣчная хвала и благодарность, воскликнулъ Монахъ, Творцу неба и земли, за милосердое спасеніе моего Всемилостивѣйшаго Государя отъ смерти, въ Угличѣ ему приготовленной! »Ты нашъ законный Царь и наслѣдникъ всей »Русской Державы! Тотъ же, кого мы всѣ трое »видѣли вчера сидѣвшаго на твоемъ мѣстѣ, »былъ не Царевичъ.« Потомъ онъ просилъ, чтобы Димитрій приказалъ другимъ нѣсколько удалиться и тщательно смотрѣть, дабы никто не вышелъ изъ крѣпости. Когда сіе было исполнено и съ Димитріемъ осталось не болѣе 3 особъ, Монахъ продолжалъ: »Всепресвѣтлѣйшій Князь! »да будетъ извѣстно твоей Княжеской милости, »что одинъ изъ моихъ товарищей имѣетъ у »себя разные яды, и самый смертоносный спрятанъ у него въ сапогѣ, между подошвами: кто »хотя нѣсколько прикоснется къ сему яду, тотъ »всѣмъ тѣломъ такъ распухнетъ, что въ девя-

1605. »тый день долженъ лопнуть. Двое изъ твоихъ »Бояръ взялись смѣшать оный съ ладаномъ, ко»торымъ Священникъ долженъ окурить тебя, »Государь, въ церкви; они подкуплены Бори»сомъ, и уже неоднократно, по сему предмету, »пересылали къ нему письма; о чемъ и доношу »Вашему Величеству.«

Димитрій, услышавъ сіи слова, благодарилъ Бога всемогущаго, который столь милостиво оберегалъ его доселѣ отъ погибели, и въ тоже время велѣлъ позвать обвиняемыхъ Бояръ. Они явились и по обычаю ударили челомъ въ землю. Гнѣвно и грозно вскричалъ на нихъ Димитрій: »Вамъ ли, при вашихъ сѣдинахъ, вѣро»ломные злодѣи! быть измѣнниками своему Го»сударю? такъ ли платите мнѣ за Царскую ми»лость, за отеческую любовь мою? уже ли забы»ли вы, коварные злодѣи! то милосердіе, кото»рое оказалъ я вамъ, когда граждане привели »васъ, измѣнниковъ? Я, по своему добродушію, »даровалъ вамъ жизнь и пощаду и ввелъ васъ »въ тайный совѣтъ мой; а вы доносили Борису »о всѣхъ помышленіяхъ моихъ. Но Тотъ, Кто »всегда покровительствовалъ правое дѣло, и те»перь обнаружилъ чрезъ сего Монаха вашу из»мѣну: вы приняли ядъ отъ проклятыхъ лю»дей, чтобы лишить меня жизни. Теперь нѣтъ »милосердія, безбожные преступники! Васъ ожи»даетъ казнь мучительная, въ страхъ другимъ

»подобнымъ измѣнникамъ!« Они во всемъ повинились. Граждане, свѣдавъ объ ужасномъ умыслѣ, просили Димитрія выдать имъ Бояръ, желая сами совершить надъ ними казнь, и получивъ на сію просьбу его согласіе, схватили ихъ, раздѣли до-нага, вывели на площадь, и привязавъ къ столбу, врытому въ землю, разстрѣляли изъ луковъ и пищалей. Два же Монаха, не хотѣвшіе на пыткѣ ни въ чемъ признаться, были заключены въ темницу; а третьяго, за открытіе измѣны, Димитрій осыпалъ милостями. 1605.

Спустя нѣсколько времени, Димитрій получилъ изъ Кромъ извѣстіе, что враги поступаютъ съ своими единоземцами весьма безчеловѣчно и что крѣпость намѣрена покориться непріятелю, если вскорѣ не присланы будутъ Поляки ей на помощь: эта вѣсть весьма его опечалила, особенно потому, что у него не было Польскаго войска, кромѣ сотни тѣлохранителей, и хотя онъ ежедневно ожидалъ прибытія другаго отряда, однакожь не рѣшился отпустить послѣднихъ воиновъ. Между тѣмъ, какъ онъ не зналъ, что дѣлать, Польскіе Хорунжіе отправились въ Путивль и привели съ собою оттуда нѣсколько гусаръ, да около 500 Пятигорцевъ [13], къ великой радости Димитрія, которому никогда подобное вспоможеніе не было столь необходимо, какъ въ сіе время. По двухдневномъ отдыхѣ, сей отрядъ посланъ былъ съ 3 тысячами Москви-

1605. тянъ на помощь Кромскимъ гражданамъ, подъ начальствомъ благороднаго Поляка Запорскаго.

Не доходя 6 миль до Кромъ, Запорскій написалъ отъ имени Димитрія письмо и отправилъ оное въ сію крѣпость съ однимъ Москвитяниномъ, давъ ему наставленіе, какъ должно поступать, если попадется въ руки непріятеля. Этотъ Москвитянинъ, обѣщая оказать важную услугу, изъявилъ готовность пожертвовать за Димитрія самою жизнію и скорѣе перенесть всевозможныя муки, нежели открыть хотя что либо о своемъ Государѣ. Въ трехъ миляхъ отъ Кромъ, онъ былъ схваченъ непріятельскимъ дозоромъ, и на вопросъ, откуда идетъ, смѣло отвѣчалъ: »изъ Путивля, отъ моего Всемилостивѣйшаго Государя, Царя Димитрія Іоанновича, Великаго Князя всей Россіи, съ грамотою въ Кромы.« Услышавъ о письмѣ, враги немедленно переслали его связаннаго къ своимъ Воеводамъ, Князю Голицыну, занимавшему одно изъ первыхъ мѣстъ въ Московскомъ Сенатѣ, и Петру Басманову, храброму защитнику Новагродека. Оба сіи Вельможи, послѣ многихъ распросовъ, на которые посланный отвѣчалъ съ неизмѣнною неустрашимостію, развернули письмо и читали слѣдующее:

»Мы, Димитрій Ивановичъ, Великій Князь »всея Россіи, наслѣдникъ всего Великаго Княже»ства Московскаго, Царь Казанскій, Царь Астра-

ханскій, посылаемъ къ вамъ, любезно-вѣрные 1605.
Кромскіе жители, по просьбѣ и желанію вашему, на помощь 2000 Поляковъ и 8000 Москвитянъ. Мы сами нейдемъ лично къ вамъ съ симъ отрядомъ, потому, что ежедневно ожидаемъ 40,000 Польскихъ воиновъ, которые уже не далѣе 16 миль стоятъ отъ Путивля. Впрочемъ остаемся въ полной надеждѣ, что вы съ симъ отрядомъ, при помощи Бога и справедливости нашего дѣла, не только отразите враговъ, но и причините имъ великое бѣдствіе; въ заключеніе увѣщаваемъ васъ быть намъ столь же вѣрными подданными, какъ и прежде, и не забывать клятвы, которою вы обязались не щадить ни жизни, ни имущества; за что вознаградимъ васъ въ свое время.«

Запорскій, написавъ сію грамоту безъ вѣдома Димитрія, въ надеждѣ устрашить и испугать враговъ, вовсе не ожидалъ, чтобы она произвела столь доброе дѣйствіе, какъ въ самомъ дѣлѣ случилось: Воеводы ужаснулись, увидѣвъ изъ грамоты, сколь сильное войско непріятелей приближается къ ихъ лагерю и сколь многочисленна другая рать, которая вскорѣ прибыть долженствуетъ. Разсуждая другъ съ другомъ, они долго не знали на что рѣшиться, доколѣ всемогущій Богъ чудеснымъ образомъ не озарилъ ума ихъ: убѣжденные долговременнымъ совѣщаніемъ въ невозможности сопротивляться, они

1605. признали за лучшее покориться со всѣмъ войскомъ. »Мы видимъ ясно, говорилъ Басмановъ, »что сей Государь, охраняемый десницею Всемогущаго, назначенъ быть нашимъ Повелителемъ: »сколь долго мы ни преслѣдовали его, какихъ »средствъ ни употребляли мы,—всегда онъ подавлялъ нашу силу, всегда разрушалъ наши »планы! Такъ, онъ долженъ быть законный наслѣдникъ Русскаго престола и Государь нашъ! »Если бы онъ былъ измѣнникъ, какъ мы доселѣ »думали, Богъ не помогалъ бы ему столь чудеснымъ образомъ; посему я считаю за лучшее »ему покориться, когда есть еще время получить его милость.« Съ симъ мнѣніемъ согласился и Голицынъ. Но опасаясь сопротивленія воиновъ, и особенно четырехтысячнаго иноземнаго отряда, состоявшаго изъ людей разнаго племени, наиболѣе изъ Нѣмцевъ, оба Воеводы призвали тайно предводителя сего отряда Лифляндскаго дворянина Розена, показали ему письмо и объявили свое намѣреніе. Розенъ, думая, что они хотятъ только испытать преданность его Борису, сперва не хотѣлъ вѣрить словамъ ихъ; напослѣдокъ убѣжденный въ истинѣ оныхъ, согласился также передаться Димитрію съ своею дружиною. Между тѣмъ, какъ сіи три Военачальника еще разсуждали другъ съ другомъ, сторожевый отрядъ, разбитый на голову, въ совершенномъ безпорядкѣ прибѣжалъ въ лагерь и

съ ужаснымъ крикомъ извѣстилъ о приближенiи непобѣдимой силы Поляковъ. Тогда только главное войско начало вѣрить письму. Послѣ того Басмановъ приказалъ Розену съ его дружиною перейти по мосту черезь Волгу [14], на обширную равнину и выстроиться въ боевый порядокъ; за нимъ долженствовало слѣдовать и прочее войско, заключавшее, по словамъ Москвитянъ, отъ 50 до 60,000 человѣкъ. Замѣтивъ сiе движенiе, Борисовъ братъ, Иванъ Годуновъ, стоявшiй на другой сторонѣ крѣпости съ 90,000 ратью, спрашивалъ, для чего войска переходятъ за Волгу? и получилъ въ отвѣтъ, что Князь Голицынъ и Басмановъ, узнавъ о приближенiи Польскихъ силъ, приказали выстроиться въ боевый порядокъ, что сами они пошли въ обходъ, и что войско ожидаетъ ихъ прибытiя. Оба Воеводы не замедлили явиться. Голицынъ, ставъ на мосту вмѣстѣ съ Басмановымъ, обратился къ другому лагерю и поднявъ вверхъ мнимое письмо Димитрiя, закричалъ громкимъ голосомъ: »Воины! извѣщаемъ васъ, что сiя грамота прислана сыномъ Великаго Князя Iоанна »Васильевича, Димитрiемъ Iоанновичемъ, которого хотѣлъ погубить измѣнникъ Борисъ: Небесное Провидѣнiе спасло его! Мы признаемъ »его нынѣ законнымъ Государемъ и Наслѣдникомъ Великаго Княжества Всероссiйскаго! Кто »хочетъ покориться ему, да перейдетъ на сiю 1605.

1605. »сторону, а кто не хочетъ, тотъ пусть остается измѣнникомъ, подобно Борису и клевретамъ »его!« Все войско взволновалось, началась сѣча и нѣсколько тысячъ пало на мѣстѣ. Одни хотѣли передаться Димитрію, другіе упорствовали; но принявшихъ сторону его было гораздо болѣе: они связали Годунова и другихъ главныхъ Воеводъ.

Кромскіе жители, узнавъ о покорности всего войска Димитрію, отворили и городъ и крѣпость, дозволивъ каждому приходить невозбранно. Враги сдѣлались друзьями. На другой день Басмановъ отправился къ Димитрію въ Путивль съ 4000 человѣкъ, взявъ съ собою Годунова и другихъ плѣнниковъ. Въ 5 миляхъ отъ Кромъ, онъ встрѣтилъ Капитана Запорскаго, который, поразивъ наканунѣ сторожевый отрядъ, отступилъ на 2 мили. Дружина сего послѣдняго была въ наилучшемъ порядкѣ и устройствѣ, но такъ молочисленна, что Басмановъ стыдился своей оплошности и только теперь свѣдалъ о подлогѣ присланной къ нему грамоты. Впрочемъ, прибывъ въ Путивль и явившись къ Димитрію, онъ узналъ Царевича, ударилъ ему челомъ въ землю и молилъ о милосердіи. Димитрій даровалъ оное, и принявъ клятву въ вѣрности, послалъ его въ Кромы, съ повелѣніемъ привести къ присягѣ все войско и объявить Голицыну, чтобы онъ съ Розеномъ немедленно

прибылъ въ Путивль; что и было исполнено. 1605.
Годунова же и другихъ плѣнниковъ Димитрій приказалъ держать подъ стражею.

Вѣсть о покорности всего войска Димитрію такъ перепугала Бориса, что онъ впалъ въ болѣзнь и вскорѣ умеръ [15]); по мнѣнію многихъ, онъ самъ себя отравилъ; по крайней мѣрѣ достовѣрно, что смертъ его была скоропостижная. Димитрій, узнавъ о столь неожиданномъ событіи, оставилъ Путивль и черезъ Кромы направилъ путь къ Москвѣ; въ 36 миляхъ отъ столицы, въ крѣпости Тулѣ, явились къ нему два знатнѣйшіе Боярина и Сенатора Князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій и Князь Василій Ивановичъ Шуйскій: они поднесли ему, какъ законному наслѣднику всего Государства Московскаго, богатые дары, состоявшіе въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, золотѣ, серебрѣ, одеждахъ, и на другой день возвратясь въ Москву, объявили народу, что сей Димитрій есть истинный сынъ Іоанновъ.

Между тѣмъ вдова Борисова приготовила весьма сильный ядъ, которымъ хотѣла отравить и себя и дѣтей своихъ за обѣдомъ; сынъ выпилъ съ нею смертную чашу, не зная, что въ оной было; но дочь (дѣвица рѣдкой красоты) замѣшкала и не успѣла принять отравы, которая уже начала дѣйствовать: мать и сынъ вдругъ поблѣднѣли и упали на землю; тутъ

1605. Царевна догадалась, что это значило, и такимъ образомъ избавилась отъ смерти [16]). Москвитяне, узнавъ о семъ, взволновались, разграбили домъ Борисовъ, а родственниковъ его отчасти побили, отчасти побросали въ темницы, тѣло же Царицы и ея сына похоронили. Послѣ сего Князья Мстиславскій и Шуйскій привели гражданъ къ присягѣ.

На третій день по смерти вдовы Годунова, нѣсколько тысячъ Москвитянъ въ нарядныхъ одеждахъ, вышли изъ столицы на встрѣчу Димитрію, и проводили его въ Царскія палаты. Такимъ обрсзомъ 30 Іюля 1605 года онъ вступилъ на тронъ своихъ предковъ. Вскорѣ послѣ того [17]) Димитрій послалъ нѣсколько знатныхъ Бояръ за своею матерью, жившею въ одномъ монастырѣ, въ 36 миляхъ отъ столицы. 28 Іюля 1605 года она пріѣхала въ Москву: Царь встрѣтилъ ее пышно со многими Князьями, Воеводами и Боярами, почти на полчаса пути отъ города: тамъ онъ слезъ съ коня. Мать и сынъ увидѣли другъ друга съ такою радостію, что не только они, но и многіе изъ присутствовавшихъ при свиданіи ихъ, плакали отъ умиленія [18]). Димитрій проводилъ ее до дворца, и всю дорогу шелъ подлѣ ея кареты съ непокрытою головою. Царица немедленно признала его предъ всѣми гражданами своимъ истиннымъ, роднымъ сыномъ. 31 Іюля онъ былъ короно-

ванъ по Русскому обычаю, какъ Великій Князь 1605.
Московскій и всея России.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ коронаціи, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, началъ разглашать въ народѣ, что Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а измѣнникъ и разстрига. Нѣкоторые граждане донесли о семъ Царю: поступокъ Шуйскаго показался ему весьма страннымъ; измѣнникъ былъ взятъ подъ стражу, найденъ виновнымъ, и какъ Сенатомъ, такъ и народомъ, осужденъ на смерть; его вывели на площадь предъ замкомъ, положили на плаху, и когда палачь уже поднялъ сѣкиру или топоръ, чтобъ отсѣчь ему голову, вдругъ раздался вдали крикъ: »Стой, стой!« Прибѣжалъ изъ дворца чиновникъ и объявилъ, что Великій Князь, по просьбѣ и желанію народа Польскаго [19], даруетъ виновному жизнь. Его сослали въ Сибирь, но еще съ дороги воротили: Димитрій, руководимый врожденною добротою и думая скорѣе милосердіемъ, нежели строгостію заслужить любовь грубыхъ, злыхъ Москвитянъ, довольствовался одною клятвою Шуйскаго — болѣе не замышлять измѣны, и возвелъ его въ прежнее достоинство. Дорого стоила доброму Царю сія милость, какъ увидимъ!

4 Сентября тогоже года, Димитрій отправилъ посломъ Аѳанасія Ивановича [20] къ Его Величеству Королю Польскому съ слѣдующимъ

1605. порученіемъ: во первыхъ объявить Королю Царское привѣтствіе и желаніе быть съ нимъ въ дружбѣ и добромъ сосѣдствѣ; во вторыхъ, увѣдомить Его Величество, что Богъ, вопреки всѣмъ козням врагов и недоброжелателей, помогъ Димитрію взойти на прародительскій престолъ, за что онъ изъявляетъ признательность и благодѣтелю своему Королю Польскому; въ третьихъ, просить Его Величество о дозволеніи благородному господину Георгу Мнишку, Воеводѣ Сендомирскому, пріѣхать въ Москву съ дочерью Панною Мариною, на которой Царь желаетъ жениться. Сверхъ того посолъ долженъ былъ благодарить Короля за его привѣтствіе, объявленное чрезъ Великаго Канцлера Литовскаго, и трактовать о разныхъ дѣлахъ тайныхъ.

Аѳанасій Ивановичъ, исполнивъ сіе порученіе, поздравилъ Короля отъ имени своего Государя съ счастливымъ бракосочетаніемъ [21] Его Величества, и какъ Сигизмундъ, въ знакъ своей радости, согласился исполнить желаніе Димитрія, то посолъ объявилъ, что онъ считаетъ обязанностію присутствовать на свадебномъ празднествѣ Государя Польскаго и представилъ въ даръ огромный сафиръ, весьма красивый лукъ съ стрѣлами, нѣсколько связокъ дорогихъ мѣховъ собольихъ, чернолисьихъ и куньихъ.

20 Ноября 1605 года въ Краковѣ, въ присутствіи Короля, Принца и Принцессы [22], со-

вершилось обрученіе Марины съ Царемъ Рус- 1605.
скимъ, коего мѣсто заступалъ Аѳанасій Ивановичъ. Предъ началомъ обряда, Московскій посолъ подарилъ невѣстѣ, при Королѣ и Польскихъ вельможахъ, 6 связокъ соболей, нѣсколько связокъ мѣховъ чернолисьихъ, рысьихъ и выдровыхъ, 15 золотыхъ монетъ и въ серебряномъ ящикѣ 3 большія алмаза, впрочемъ не высокой цѣны и не лучшаго достоинства; послѣ того Кардиналъ вывелъ ее въ другую комнату и тамъ совершилъ обрядъ обрученія въ присутствіи только Короля, Принца, Принцессы, Воеводы Сендомирскаго и его супруги. Посолъ при семъ случаѣ не снималъ перчатки съ правой руки и не хотѣлъ надѣть невѣстина перстня на палецъ, а принялъ его въ бѣлую тафту и положилъ въ золотой ларчикъ.

Отпраздновавъ бракосочетаніе Короля съ Принцессою Констанціею, дочерью Австрійскаго Ерцгерцога Карла, Марина и отецъ ея, Воевода Сендомирскій, отправились изъ Самбора въ Москву. Въ слѣдъ за ними Король послалъ къ Димитрію, для присутствованія при его бракосочетаніи, благороднаго господина Николая Олесницкаго, Кастеляна Малаговскаго, и съ нимъ Александра Корвина Гонсѣвскаго, Воеводу Велижскаго, Каммергера Двора Его Величества. Какъ скоро Воевода Сендомирскій съ дочерью, Королевскими послами и многими Польскими вель-

1606. можами, вступилъ въ Русскіе предѣлы, нѣсколько тысячъ Москвитянъ выѣхали къ нимъ на встрѣчу и проводили ихъ съ торжествомъ до перваго пограничнаго города Смоленска: тутъ Марина остановилась со многими господами на 8 дней для отдыха; а отецъ ея поѣхалъ въ Москву, пышно былъ встрѣченъ Московскими Боярами и получилъ отъ Великаго Князя въ подарокъ весьма красивую лошадь съ разрѣзанными ноздрями; (такихъ лошадей Русскіе называютъ бахматами [23]); вся сбруя на ней была золотая; стремена и разныя украшенія, слитыя изъ чистаго золота, вѣсили 10,000 червонцевъ. Воеводѣ отвели обширный домъ въ Кремлѣ недалеко отъ Царскаго Дворца.

Въ слѣдующій день (4 Мая 1606 года), Воевода Сендомирскій представлялся Великому Князю въ торжественной аудіенціи: знатные Бояре ввели его въ такъ называемую Золотую палату; тамъ сидѣлъ Димитрій на высокихъ креслахъ изъ чистаго серебра съ позолотою, подъ балдахиномъ; двуглавый орелъ съ распущенными крыльями, вылитый изъ чистаго золота, украшалъ сей балдахинъ; подъ онымъ внутри было распятіе, также золотое съ огромнымъ восточнымъ топазомъ, а надъ креслами находилась икона Богоматери, осыпанная драгоцѣнными каменьями. Всѣ украшенія трона были изъ литаго золота; къ нему вели три ступени; во-

кругъ его лежали 4 льва серебряные, до половины вызолоченные, а по обѣимъ сторонамъ на высокихъ серебряныхъ ножкахъ стояли два грифона, изъ коихъ одинъ держалъ Государственное яблоко, а другой обнаженный мечъ; Димитрій былъ въ дорогой одеждѣ, унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, съ алмазнымъ и рубиновымъ ожерельемъ, на коемъ висѣлъ смарагдовый крестъ; на головѣ имѣлъ онъ Императорскую корону, а въ правой рукѣ драгоцѣнный скипетръ; предъ нимъ, по обѣимъ сторонамъ, стояли по два Князя въ бѣлыхъ кафтанахъ изъ серебряной парчи съ золотыми цѣпями, крестообразно на груди висящими; каждый изъ нихъ держалъ на плечѣ небольшую широкую сѣкиру, съ украшенною золотомъ и драгоцѣнными каменьями рукояткою [24]; близъ трона находился еще одинъ Князь, въ темной, каштановаго цвѣта одеждѣ изъ бархата и золотой парчи, подбитой соболями: обѣими руками онъ держалъ обнаженный мечъ съ золотымъ крестомъ; подлѣ сего Князя стоялъ сынъ Канцлера въ парчевомъ кафтанѣ съ Великокняжескимъ платкомъ; нѣсколько вдали отъ трона, по правую сторону сидѣлъ въ креслахъ, покрытыхъ чернымъ бархатомъ, Московскій Патріархъ въ черной бархатной рясѣ, обшитой по краямъ, на ладонь шириною, жемчугомъ и дорогими каменьями; въ правой рукѣ держалъ онъ свой 1606.

1606. жезлъ Патріаршій (похожій на костыль), съ золотымъ украшеніемъ; подлѣ него стоялъ служка съ крестомъ и серебрянымъ сосудомъ, наполненнымъ святою водою; далѣе отъ Патріарха сидѣли отдѣльно семь Архіепископовъ и Епископовъ; впереди же предъ трономъ, по обѣимъ сторонамъ, находилось множество Бояръ и Царскихъ совѣтниковъ, изъ коихъ одни стояли, а другіе сидѣли; въ сторонѣ отъ нихъ стояли Польскіе Паны и Генералы, пришедшіе въ Россію вмѣстѣ съ Димитріемъ. Помостъ всей залы и скамьи были покрыты Персидскими коврами. Вступивъ въ Золотую палату, Воевода остановился среди оной, нѣсколько времени молчалъ, потомъ поклонился Царю и произнесъ слѣдующую рѣчь:

»Видя своими глазами Ваше Императорское »Величество на семъ тронѣ, не знаю, не болѣе »ли долженъ я удивляться, нежели радоваться? »Могу ли безъ удивленія смотрѣть на того, кто »уже нѣсколько лѣтъ считался мертвымъ, а те»перь окруженъ такимъ величіемъ, кто хотя на»слаждался жизнію, но для многихъ умеръ и »отжилъ для свѣта? Давно уже мы оплакали »эту мнимую кончину; мы проливали слезы со»страданія при вѣсти о гибели невиннаго; а »теперь видимъ Ваше Императорское Величество »на высотѣ счастія и славы! Такъ! прежняя »жизнь Ваша, въ сравненіи съ настоящею, была

»не жизнь, а смерть: Судьба предназначила Вамъ 1606.
»обширнѣйшее Царство, а Вы скитались странникомъ въ земляхъ чуждыхъ! О счастіе! какъ »ты непостоянно, какъ ты играешь смертными! Но что я говорю? Богъ, Богъ Вседержитель, »который правитъ всѣмъ міромъ и въ своемъ »тайномъ, недоступномъ совѣтѣ, однихъ возводитъ на престолы, другихъ низвергаетъ, однихъ возвеличиваетъ, другихъ унижаетъ, Онъ »допустилъ коварному человѣку поднять смертоносную руку на Ваше Императорское Величество и распространить всеобщую молву о Вашей кончинѣ. Но Божія милость и помощь »всегда пребывала съ Вами: злодѣй погибъ, погибъ и сынъ его; а Вы, Государь, владѣете »блистательнымъ трономъ своихъ предковъ! Не »буду говорить, какая радость исполняетъ мое »сердце: ибо можно ли сомнѣваться, чтобы я не »радовался счастію того, чье злополучіе меня »сокрушало? но языкъ не въ состояніи изъяснить »моего восхищенія. И такъ, не находя словъ »для выраженія моего восторга, я могу только »поздравить Ваше Императорское Величество и »въ знакъ неизмѣнной, глубочайшей покорности, съ благоговѣніемъ облобызать ту руку, »которую прежде я жалъ съ нѣжнымъ участіемъ »хозяина къ печальному гостю. Молю Бога всемогущаго даровать Вашему Величеству здравіе »и миръ, во славу Его святаго имени, въ страхъ

1606. »врагамъ Христіанства, въ утѣшеніе всѣмъ Государямъ Европейскимъ; да будете красою и честію сей могущественной Державы! Сердце мое »таетъ въ неизъяснимой радости, когда подумаю, »что за мои попеченія, съ перваго дня свиданія »нашего увѣнчанныя столь счастливымъ успѣ»хомъ, Ваше Величество изъявили намѣреніе »соединиться со мною узами родства близкаго, »кровнаго. Много доблестей я видѣлъ въ Ва»шемъ Величествѣ; однѣ изъ нихъ свойственны »многимъ героямъ; другія удивляютъ болѣе смѣ»лостію, нежели пріятностію и пользою: жить »въ полѣ, бить враговъ въ зимнюю стужу, ког»да люди въ домахъ едва могутъ согрѣться, ког»да самые дикіе звѣри скрываются въ норы и »воюющіе народы по общему праву прекра»щаютъ непріязненныя дѣйствія — все это безъ »сомнѣнія доказываетъ величіе духа; за то герои »съ подобными свойствами и великую награду »получаютъ въ вѣчное воспоминаніе потомства; »посему не удивительно, если кто, желая за»служить безсмертное имя, рѣшается на такія »предпріятія. Но Ваше Величество пріобрѣли »право на такую похвалу, которой ни Поэзія, ни »Исторія не могутъ выразить, и которую одинъ »только здравый умъ постигаетъ: осыпавъ меня »золотомъ и серебромъ, Вы избрали себѣ супру»гою мою дочь; ни громкій титулъ Царя, ни »высокая почесть не измѣнили Вашего намѣре-

»нія. Я не столь самонадѣятеленъ и смѣлъ, 1606.
»чтобъ быть равнодушнымъ къ такому счастію:
»я внѣ себя отъ восторга; однакожъ, если размыслю, какъ воспитана дочь моя, съ какимъ »стараніемъ отъ самой колыбели внушали ей »всѣ добродѣтели, свойственныя ея состоянію, »эта мысль ободряетъ меня, и я смѣло могу »именовать васъ моимъ зятемъ. Не буду говорить, что дочь моя родилась въ Королевствѣ »свободномъ, что отецъ ея занимаетъ не послѣднее мѣсто въ Королевскомъ Совѣтѣ, что въ »нашей странѣ каждый дворянинъ можетъ достигнуть высшей степени достоинства и почестей: одна только добродѣтель украшаетъ и »вельможъ и Царей, ведетъ человѣка прямо въ »небеса и соединяетъ его съ самимъ Богомъ. »Мнѣ остается только молить, чтобы Всевышній благословилъ сей союзъ во славу Его имени, для счастія и благоденствія обширной Державы Русской!«

По окончаніи сей рѣчи, господинъ Воевода поклонился, подошелъ къ Царю и поцѣловалъ его правую руку; то же сдѣлали братъ его Староста Красмотовскій, сынъ его Староста Саноцкій, зять его Князь Константинъ Вишневецкій и Павелъ Мнишекъ, Воевода Луковскій; всѣ они стояли по лѣвую сторону Воеводы, нѣсколько назади; за ними представлялись Царю знатнѣйшіе дворяне.

1606. Чрезъ два дня послѣ сего, 11 Мая 1606 года, прiѣхали въ Москву послы Королевскiе; а за ними имѣла торжественный въѣздъ и невѣста Великаго Князя; пословъ принимали Бояре; ее же встрѣтили слѣдующимъ образомъ: на ружейный выстрѣлъ отъ Москвы, были раскинуты два прекрасные шатра; тамъ стояла присланная Великимъ Княземъ колесница, запряженная десятью бѣлыми конями съ черными пятнами, въ богатой раззолоченной сбруѣ изъ краснаго бархата; каждаго коня велъ особенный конюхъ; колесница была вызолочена внутри и снаружи и обита червленною матерiею; за нею должны были итти сто Нѣмцевъ изъ Великокняжеской Лейбъ-гвардiи, въ платьяхъ шелковыхъ, или суконныхъ каштановаго цвѣта, съ зеленою бархатною обшивкою; по дорогѣ отъ шатровъ до городскихъ воротъ, были выстроены въ два ряда пѣшiе Московскiе стрѣльцы до 1000 человѣкъ, въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою на груди перевязью; сiи стрѣльцы имѣли длинныя ружья, съ красными ложами; недалеко отъ нихъ стояли 2000 конныхъ стрѣльцовъ, одѣтыхъ такъ же точно, какъ и пѣшiе, съ луками и стрѣлами на одной сторонѣ и съ ружьями, привязанными къ сѣдлу на другой; вмѣстѣ съ ними находились 200 Польскихъ гусаръ, съ красными пиками и бѣлыми значками; гусары имѣли сверхъ того литавры

и трубы, у Москвитянъ же не было никакихъ 1606.
музыкальныхъ инструментовъ.

Невѣста Великаго Князя провела двѣ ночи въ двухъ миляхъ отъ Москвы, гдѣ на зеленыхъ лугахъ раскинуты были шатры драгоцѣнные, разставленные такъ искусно, что издали они казались красивымъ замкомъ; отсюда она имѣла торжественное шествіе въ Москву, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, который возвратился къ ней изъ столицы наканунѣ. Впереди ѣхали 1000 Бояръ, вооруженныхъ луками и стрѣлами: сіи Бояре провожали Марину отъ самой границы; за ними слѣдовали 200 Польскихъ гусаръ, служившихъ Воеводѣ Сендомирскому, въ полномъ нарядѣ, съ бѣлыми и красными значками на пикахъ; далѣе знатнѣйшіе дворяне, также сынъ, зять и братъ Воеводы, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, на красивыхъ коняхъ Турецкихъ, коихъ сбруя была украшена золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями; Воевода ѣхалъ, подлѣ кареты своей дочери, на превосходномъ аргамакѣ, въ багряно-парчевомъ кафтанѣ, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; шпоры и стремена были изъ литаго золота съ бирюзовыми накладками; невѣста сидѣла въ каретѣ, обитой зеленою парчею; кучеръ былъ въ зеленомъ кафтанѣ шелковомъ; ее везли 8 бѣлыхъ Турецкихъ коней, выкрашенныхъ отъ копытъ до половины тѣла, красною краскою; сбруя была на

1606. нихъ красная, бархатная съ серебряными вызолоченными застежками; за невѣстою въ 4 каретахъ ѣхали ея женщины въ богатыхъ нарядахъ; а по сторонамъ шли 300 Гайдуковъ весьма красиво одѣтыхъ въ голубыя суконныя платья, съ длинными бѣлыми перьями на венгеркахъ или шапкахъ. Подъѣхавъ къ двумъ шатрамъ, о коихъ выше упомянуто, Марина остановилась; ее встрѣтила Нѣмецкая Гвардія и ввела въ одинъ шатеръ, гдѣ она сѣла въ креслы; тутъ явились къ ней въ парчевыхъ кафтанахъ 300 Бояръ, которые, проводивъ Польскихъ пословъ въ столицу, возвратились для привѣтствія невѣсты своего Государя: остановясь въ 60 шагахъ отъ шатровъ, они слезли съ своихъ коней, горѣвшихъ серебромъ и золотомъ, вступили въ палату, поклонились Маринѣ въ поясъ по обычаю и сказали рѣчь отъ имени своего Государя; потомъ вышли и стали за шатрами, гдѣ ожидали, не надѣвая шапокъ, когда Великая Княгиня сядетъ въ присланную женихомъ ея колесницу. Какъ скоро она отправилась, окруженная Нѣмцами и Московскою гвардіею, которая никого къ колесницѣ не допустила, кромѣ 6 ея лакеевъ, одѣтыхъ въ зеленые бархатные кафтаны, съ золотыми позументами, Бояре сѣли на коней и въ слѣдъ за нею поскакали; на мосту, ведущемъ въ Кремль, стояли 50 барабанщиковъ, да столько же трубачей, кото-

рые производили шумъ несносный, болѣе похожій на собачій лай, нежели на музыку, отъ того, что барабанили и трубили безъ всякаго такта, какъ кто умѣлъ. Невѣсту немедленно отвели въ монастырь Царской матери; тамъ ожидалъ ее женихъ: какъ онъ, такъ и Царица приняли гостью съ неизъяснимою радостію. Марина жила въ этомъ монастырѣ до самаго бракосочетанія. 1606.

На другой день по пріѣздѣ невѣсты, Великій Князь давалъ аудіенцію Польскимъ посламъ, съ тѣми же обрядами, съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ принималъ и тестя своего, Воеводу Сендомирскаго. Приведенные въ аудіенцъ-залу Думнымъ Бояриномъ Микулинымъ, послы сняли шапки, поклонились Димитрію, сказали привѣтствіе и представили Королевскую грамоту. Великій Князь, увидѣвъ, что на сей грамотѣ не было Императорскаго титула, велѣлъ возвратить ее послу Олесницкому, не распечатывая; потомъ сказалъ: »Я властвую самодержавно въ »Государствѣ неизмѣримомъ, надъ многими на»родами, и повелѣваю не только Великими Кня»зьями, но и Королями; нѣтъ мнѣ равнаго ни »на востокѣ, ни на западѣ; одинъ Богъ надо »мною: слѣдовательно я имѣю не менѣе права »на Императорскій титулъ, какъ и древніе Цари »Ассирійскіе, Мидійскіе, Римскіе; всѣ Государи »въ подсолнечной именуютъ меня Императоромъ;

1606. »одинъ только Сигизмундъ III не признаетъ »меня въ семъ достоинствѣ; я не думаю, чтобы »это происходило отъ невѣдѣнія или неосмо»трительности его Министровъ: ибо я и чрезъ »бывшаго здѣсь посланника Польскаго Александ»ра Гонсѣвскаго, Губернатора Велижскаго, и »чрезъ собственнаго посла Аѳанасія, увѣдомлялъ »Короля, сколь не пріятенъ мнѣ его отказъ въ »томъ, чего не оспариваютъ у меня прочіе Го»сударн. Посему онъ не можетъ быть моимъ »другомъ, и я не принимаю его грамоты!« На сіе возразилъ Олесницкій: »Никто не споритъ, что Великій Князь повелѣваетъ многими народами, что Государство его весьма обширно, что власть его неограниченна; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Король Польскій обязанъ былъ называть его Императоромъ; ибо не каждый Государь самодержавный, повелѣвающій страною обширною, имѣетъ право на сей титулъ; въ противномъ случаѣ онаго потребовали бы и восточные Короли: Китайскій, Японскій, Индѣйскій, коихъ области неизмѣримы, какъ теченіе солнца, а власть такъ неограниченна, что подданные считаютъ ихъ Богами; притомъ же неслыханное, необыкновенное дѣло, чтобы въ Москвѣ когда либо царствовалъ Императоръ, въ чемъ сознаются и Бояре, изъ коихъ многіе дожили до сѣдинъ, если Великій Князь спроситъ ихъ мнѣнія; и не только не льзя найти ни одной

грамоты Королей Польскихъ съ такою надписью, 1606.
какой онъ требуетъ; но и самая Исторія не упоминаетъ, чтобы владѣтели Московскіе когда либо носили титулъ Императора; хотя же они часто домогались у Королей Польскихъ имени Королевскаго; однакожь въ семъ требованіи имъ всегда было отказываемо, не говоря уже о титулѣ Императорскомъ. [25] Пусть другіе Государи называютъ Великаго Князя, какъ имъ угодно: Король Польскій руководствуется не обычаемъ, а правомъ. Константинъ Великій раздѣлилъ Имперію на Восточную и Западную; первая досталась Туркамъ, а вторая Нѣмцамъ: когда Великій Князь побѣдитъ Турковъ и возметъ Константинополь, тогда онъ можетъ принять титло Императора. Теперь власть его на югѣ вовсе не извѣстна, а ограничивается только сѣверомъ и частію востока. Что же касается до Александра Гонсѣвскаго, то сей посланникъ и его товарищи обязаны были трактовать единственно о тѣхъ дѣлахъ, которыя поручены имъ Его Величествомъ. Правда Аѳанасій Власьевъ объявилъ требованіе на титулъ Императорскій, и его представленіе поручено разсмотрѣнію Сейма; но никакой Сеймъ не можетъ рѣшить такого дѣла: для сего надобно, чтобы въ совѣтѣ присутствовалъ самъ Папа, намѣстникъ Христа въ здѣшнемъ мірѣ, владыка надъ вселенною, поставленный самимъ Богомъ.« Въ за-

1606. ключеніи своего отвѣта Олесницкій удивлялся, что Великій Князь при имени Короля Польскаго, весьма часто опускалъ титулъ Королевскій, который уже нѣсколько вѣковъ принадлежалъ Его Величеству. »Вижу, сказалъ наконецъ по»солъ, что ты забылъ милости моего Короля »и преданность народа Польскаго; я не хочу »здѣсь долѣе оставаться и требую отпустить »меня немедленно въ Его Величеству: спорить »я не намѣренъ.« Великій Князь долго не соглашался уступить и звалъ къ себѣ Олесницкаго, не какъ посла, а какъ стариннаго знакомаго, коего дружбу онъ испыталъ, странствуя въ Польшѣ. »Для меня очень лестно и пріятно ви»дѣть благосклонность Великаго Князя, возра»зилъ Олесницкій; но теперь я не долженъ и »не могу оставить званія, возложеннаго на ме»ня Королемъ; въ Польшѣ я оказалъ Великому »Князю услугу; здѣсь я также готовъ служить »ему—но да позволитъ онъ въ точности испол»нить волю моего Государя.« Удивленный благоразуміемъ, великодушіемъ и твердостію посла, Димитрій наконецъ объявилъ, что онъ для всеобщей радости и въ угожденіе гостямъ своимъ Полякамъ, пріѣхавшимъ на свадьбу его, забываетъ унизительное оскорбленіе; но впредь никогда не приметъ грамоты съ подобною надписью и свидѣтельствуется Богомъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, что не онъ будетъ виновни-

комъ бѣдъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ 1606.
несогласія. Послѣ сего принялъ Королевскую грамоту, далъ послу свою руку, а при вопросѣ о здравіи Короля, снялъ корону и нѣсколько приподнялся съ своего мѣста. Олесницкій отвѣтствовалъ съ низкимъ поклономъ, что Его Величество, по милости Божіей, находится въ добромъ здоровьи; послѣ сего сказалъ торжественно: »Его Королевское Величество, узнавъ »отъ Московскаго посла Аѳанасія Власьева о »восшествіи Великаго Князя на престолъ прародительскій, радуется столь счастливому окончанію предпринятаго имъ дѣла и желаетъ ему »царствовать мирно и благополучно; Государь »Польскій не менѣе радуется бракосочетанію »Великаго Князя, въ надеждѣ, что этотъ союзъ »утвердитъ навсегда согласіе между обоими на»родами; для сего охотно дозволяетъ Воеводѣ »Сендомирскому проводить дочь его въ Москву. »Его Величество присутствовалъ самъ, вмѣстѣ »съ сыномъ и сестрою своею Принцессою »Шведскою, также со многими знатными вель»можами, при началѣ столь вожделѣннаго брака; »для окончанія же онаго посылаетъ, вмѣсто се»бя, свего посла—Пана Олесницкаго.« За симъ посломъ говорилъ Александръ Гонсѣвскій, Воевода Велижскій: »Его Величество, узнавъ отъ »посла Аѳанасія Власьева о намѣреніи Великаго »Князя избавить всѣхъ плѣнныхъ злополучныхъ

1606. »Христіанъ изъ Татарской неволи, весьма радует-
»ся столь Богоугодному предпріятію и убѣж-
»даетъ Государя Московскаго привести оное въ
»исполненіе какъ можно поспѣшнѣе; съ своей
»же стороны Король не оставитъ употребить
»всѣ мѣры для лучшаго успѣха; посему же-
»лаетъ знать, какое онъ можетъ оказать посо-
»собіе?« На сію рѣчь отвѣчали послу, что бу-
детъ назначено время и мѣсто для условій съ
Королемъ Польскимъ. Такъ кончилась аудіенція;
пословъ проводили въ ихъ домъ съ честію.

18 Мая, въ четвертокъ, совершилось брако-
сочетаніе Димитрія весьма пышно и торжествен-
но: Царь, или Великій Князь, былъ одѣтъ поч-
ти такъ же, какъ и во время аудіенціи; въ од-
ной рукѣ онъ имѣлъ скипетръ, въ другой держа-
ву: подлѣ него шли съ правой стороны Воевода
Сендомирскій, съ лѣвой одинъ изъ Сенаторовъ,
именемъ Мстиславскій. Цесарева была въ Рус-
скомъ платьѣ и въ сапогахъ съ высокими каб-
луками; она сіяла въ золотѣ, жемчугѣ и драго-
цѣнныхъ каменьяхъ, такъ что не видно было
ни матеріи на платьѣ, ни сафьяну на сапогахъ.
Головный уборъ ея состоялъ также изъ золота,
жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которые,
будучи переплетены волосами, по обычаю знат-
ныхъ Полекъ, представляли небольшую корону.
Ее провожала супруга Князя Мстиславскаго; впе-

реди несли на золотомъ блюдѣ Императорскую 1606.
корону; а сзади шли Польскія дамы.

Въ такомъ порядкѣ женихъ и невѣста сперва вступили въ аудіенцъ-залу и сѣли на тронѣ, другъ подлѣ друга; въ тоже время велѣно было позвать Королевскихъ пословъ, бывшихъ въ другой комнатѣ, въ такъ называемой Золотой палатѣ, гдѣ умеръ Борисъ; когда они явились съ знатнѣйшими Польскими дворянами, Великій Князь немедленно велѣлъ своему Сенатору Григорію Ивановичу Микулину изъявить благодарность Его Королевскому Величеству за дозволеніе Сендомирскому Воеводѣ привезти въ Москву свою дочь и за присылку вмѣсто себя благородныхъ пословъ. Какъ скоро Польскіе вельможи заняли мѣста, вошелъ въ залу Патріархъ, неся на головѣ въ золотомъ блюдѣ Императорскую корону: Великій Князь принялъ ее и поцѣловалъ. Послѣ того всѣ встали и отправились въ церковь для коронаціи. Панъ Малаговскій велъ Великаго Князя за правую руку; а Панъ Гонсѣвскій шелъ впереди, между двумя Боярами, изъ коихъ одинъ несъ скипетръ, а другой державу. Вся дорога отъ палатъ до самой церкви была покрыта червленнымъ бархатомъ, въ два полотна. Какъ скоро новобрачные и вся свита вступили въ храмъ, немедленно заперли оный отъ тѣсноты; тамъ почти по срединѣ, устроенъ былъ амфитеатръ, вышиною въ полтора чело-

1606. вѣка; на немъ стояли трое кресель; среднія, окованныя серебромъ съ позолотою и украшенныя бирюзою и смарагдами, приготовлены были для Великаго Князя; стоявшія по правую сторону для Патріарха, а по лѣвую для Великой Княгини; и тѣ и другія были окованы серебромъ съ вызолоченными украшеніями. Господа послы Польскіе стали предъ амфитеатромъ, ожидая, что имъ укажутъ мѣста, гдѣ могли бы они сѣсть; но какъ ожиданіе ихъ было тщетно, то они сами потребовали кресель: Великій Князь велѣлъ имъ сказать, что по Русскому обычаю въ церквахъ не сидятъ, и что самъ онъ сидитъ только по случаю коронованія. Послы, постоявъ нѣсколько времени, отошли въ сторону и сѣли. Между тѣмъ начали служить Литургію по Русскому обряду; по окончаніи же оной, принесли на золотомъ блюдѣ Царское украшеніе, которое Патріархъ повѣсилъ на Царевну; за симъ подали также на золотомъ блюдѣ ожерелье, въ коемъ сіяли 6 большихъ смарагдовъ: Патріархъ возложилъ оное на плеча Царевны, а на голову надѣлъ Императорскую корону и поцѣловалъ ея руку, или широкій рукавъ ея одежды; за Патріархомъ подходили къ ней всѣ духовныя особы; Сенаторы, цѣловавшіе руку ея и присягнувшіе въ вѣрности еще въ понедѣльникъ и вторникъ, принесли теперь обѣтъ преданности и покорности.

Не излишнимъ будетъ упомянуть, какимъ 1606. образомъ Царь, въ продолженіе сего обряда, хотѣлъ показать посламъ свое величіе: подозвавъ знатнѣйшаго Сенатора, Ивана Васильевича Шуйскаго [26], онъ велѣлъ подставить себѣ скамейку и положить на нее свои ноги; то же приказалъ сдѣлать и брату его Дмитрію Шуйскому; потомъ выслалъ ихъ обоихъ съ какимъ-то повелѣніемъ; вмѣсто ихъ подозвалъ другихъ знатныхъ Бояръ и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; выславъ и сихъ, призвалъ снова другихъ Князей. Такъ онъ подзывалъ и высылалъ своихъ вельможъ нѣсколько разъ. Всѣ они должны были исполнять такія порученія, какихъ наши Государи не даютъ и послѣднему дворянину. Видя сіе послы и другіе Польскіе вельможи, благодарили Бога Всемогущаго за тѣ права, коими онъ наградилъ ихъ отечество. По окончаніи коронованія, Великій Князь вошелъ въ Царскіе врата, находящіеся между двумя алтарями, и тамъ совершилъ молитву; Великая же Княгиня молилась въ отдѣльномъ небольшомъ придѣлѣ по своему обряду. Потомъ они стали между двухъ алтарей [27], гдѣ обвѣнчалъ ихъ Патріархъ со многими церемоніями; при чемъ наиболѣе то было замѣчательно, что Первосвятитель взялъ жениха и невѣсту за руки, обвелъ ихъ кругомъ три раза, потомъ взялъ стаканъ съ краснымъ виномъ, и выпивъ изъ него спачала

1606. самъ, давалъ пить трижды Великому Князю и Великой Княгинѣ; послѣ того поставилъ стаканъ на землю предъ Великимъ Княземъ, который растопталъ его ногами: Русскіе говорятъ, что сіи церемоніи представляютъ бракъ Галилейскій; но это слишкомъ старо. Наконецъ вышли изъ храма. Когда Великій Князь переступалъ чрезъ порогъ, Мстиславскій бросилъ народу изъ золотаго сосуда, подлѣ него стоявшаго, нѣсколько золотыхъ монетъ, цѣною въ 1, 5, 10 и даже 20 червонцевъ; бросали ихъ и Польскимъ посламъ и ихъ свитѣ; ни одинъ Полякъ не бралъ ихъ; Москвитяне же кидались за монетами, не исключая самыхъ знатныхъ Бояръ, въ числѣ коихъ былъ Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Между тѣмъ господа послы откланялись Великому Князю и уже вечеромъ возвратились въ свой домъ.

Въ слѣдующій день былъ свадебный праздникъ; это случилось въ пятницу, къ неудовольствію Москвитянъ, которые считали такое обстоятельство худымъ предзнаменованіемъ: ибо сей день язычники посвящали Венерѣ. Пословъ звали на обѣдъ; но они не хотѣли пріѣхать потому, что имъ назначено было не такое мѣсто, какое имѣлъ Аѳанасій Власьевъ, который, по особенной милости Короля, на свадьбѣ Его Величества сидѣлъ за Королевскимъ столомъ съ Императорскими, Королевскими и Княжескими

послами, чего прежде никогда не бывало: ибо 1606.
Москвитяне всегда обѣдали за особенными столами. Послы требовали той же почести; Димитрій отказалъ имъ, говоря, что Король, посадивъ за своимъ столомъ пословъ Королевскихъ и Княжескихъ, не могъ не дать мѣста за онымъ и его послу; но что сей произвольный поступокъ не можетъ служить закономъ для Двора Московскаго. Послы весьма разумно возражали на такое мнѣніе; однакожь сочли за лучшее уступить высокомѣрію и упорству Великаго Князя, заботясь болѣе о дѣлахъ общественной пользы, нежели о пустыхъ обрядахъ, которые могли повредить главной цѣли ихъ посольства.

Послѣ сего Гонсѣвскій занялъ обыкновенное мѣсто съ прочими гостями; Панъ же Олесницкій, какъ главный посолъ, посаженъ былъ, вопреки обычаю и приличію, за отдѣльнымъ столомъ, недалеко отъ Великаго Князя, по правую его сторону. Хотя по волѣ Его Королевскаго Величества, послы должны были сидѣть, во время торжественнаго обѣда, подлѣ Великаго Князя за его столомъ; но это повелѣніе не могло быть исполнено: часто случается, что Короли возлагаютъ на своихъ пословъ такія обязанности, которыя бываютъ несогласны съ обстоятельствами времени и мѣста; посему весьма было бы нужно давать имъ волю дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, чтобы отъ слиш-

1606. комъ строгаго наблюденія мелочей, предписываемыхъ Королями, дѣла важныя не оставались безъ успѣха: и по бурному морю искусный кормчій проведетъ свой корабль. Не даромъ хвалятъ Римлянъ, которые, отправляя пословъ, говорили имъ, что всѣ ихъ дѣйствія должны клониться ко благу Республики.

Великій Князь давалъ обѣдъ въ аудіенцъ-залѣ; среди оной находилась высокая колонна, а подлѣ нея стоялъ огромный столъ, покрытый золотою и серебряною посудою; сверхъ того предъ залою лежали кучи серебряныхъ сосудовъ, изъ коихъ нѣкоторые были величиною съ наши ведра, котлы и боченки; въ концѣ залы стоялъ столъ Великаго Князя, который сидѣлъ за нимъ съ Великою Княгинею: они были въ Польскихъ платьяхъ, сіявшихъ отъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ; на головахъ имѣли короны. По правую сторону Великаго Князя, вблизи его, былъ отдѣльный столъ, приготовленный для Пана Олесницкаго; прочіе же господа и гости съ нѣкоторыми Московскими Боярами сидѣли по обѣимъ сторонамъ Димитрія, за длинными узкими столами; Панъ Гонсѣвскій занималъ первое мѣсто. На столахъ не было ни ложекъ, ни тарелокъ; сперва подали водки и весьма вкуснаго бѣлаго хлѣба; потомъ разставили разныя блюда съ кушаньями, большею частію съ пастетами, но худо приготовленными; въ числѣ ихъ находился огро-

мный пирогъ, наполненный небольшими рыбами; кушанья подавали не вдругъ, а одно за другимъ: ихъ было очень много; но всѣ безъ вкуса, отчасти отъ излишняго количества масла, отчасти отъ меда, которымъ Москвитяне замѣняютъ сахаръ. Подавали также множество напитковъ, особенно же разныхъ сортовъ меда, напитка, приготовляемаго изъ вишенъ, сливъ, сока винограднаго и проч. 1606.

Димитрій нѣсколько разъ пилъ за здоровье пословъ и гостей, при веселыхъ звукахъ разныхъ инструментовъ, на коихъ весьма пріятно играли Польскіе музыканты, прибывшіе съ Великимъ Княземъ изъ Польши; Московскіе музыканты стояли на дворѣ и производили страшный громъ и трескъ своими барабанами. Трудно повѣрить, какъ много при семъ случаѣ было золотыхъ сосудовъ; чаши и бокалы сіяли въ рубинахъ, сафирахъ, гіяцинтахъ, кораллахъ и жемчугахъ: весь столъ горѣлъ отъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ! Было также много разнаго сорта закусокъ, лимонныхъ корокъ, колачей, яблокъ, орѣховъ и проч. За столомъ прислуживали около 150 молодыхъ Бояръ, одѣтыхъ въ парчевые кафтаны; каждому изъ нихъ, въ награду за усердіе и вѣрность, самъ Великій Князь, по окончаніи обѣда, далъ по нѣскольку сушеныхъ сливъ. Въ сей день откланялись Царю послы, отправленные имъ въ Персію [28].

1606. На другой день Великая Княгиня пригласила пословъ Его Величества на обѣдъ въ свои комнаты; гдѣ они пировали по обычаю Польскому; при семъ случаѣ Панъ Олесницкій поднесъ ей отъ имени Короля разные подарки, и напомнилъ, какъ она должна поступать въ отношеніи къ Королю и своему отечеству. Этотъ день провели очень весело, въ пляскахъ и разныхъ забавахъ; но радость человѣка не продолжительна: скоро смѣняетъ ее горькое горе!

27 Мая, въ субботу рано утромъ, открылся страшный мятежъ; знатнѣйшіе Московскіе Бояре, составивъ заговоръ, вломились во Дворецъ, чтобы умертвить Димитрія. Нѣмецкая гвардія, стоявшая при воротахъ въ числѣ 30 человѣкъ, была прогнана (прочіе солдаты находились въ своихъ домахъ, гдѣ велѣлъ имъ остаться, именемъ Великаго Князя, одинъ изъ заговорщиковъ); послѣ того Бояре разломали двери въ покояхъ Великокняжескихъ и ворвались въ оные; Димитрій, свѣдавъ о такой измѣнѣ, бросился въ комнаты своей супруги, разсказалъ ей о бунтѣ и давъ совѣтъ, какимъ образомъ спасти себя, быстро побѣжалъ изъ одной комнаты въ другую, наконецъ выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для свадебнаго празднества; отсюда хотѣлъ спрыгнуть на другія, но оступился и упалъ съ ужасной высоты, среди небольшаго двора; тутъ увидѣвъ нѣсколько стрѣльцовъ, бывшихъ

на стражѣ, онъ умолялъ ихъ спасти его жизнь, 1606.
за что обѣщалъ имъ щедрую награду. Всѣ стрѣльцы дали клятву умереть за него. Между тѣмъ измѣнники не зѣвали, быстро его преслѣдовали по всѣмъ комнатамъ, выламывали двери; наконецъ увидѣли жертву среди стрѣльцовъ и многочисленною толпою бросились по лѣстницамъ на дворъ. Стрѣльцы сначала твердо стояли за Великаго Князя и нѣсколько отогнали крамольниковъ. Но Василій Ивановичь Шуйскій, зачинщикъ и глава всего заговора, собравъ своихъ товарищей, убѣждалъ ихъ мужественно довершить начатый подвигъ: »ибо, говорилъ онъ, »мы имѣемъ дѣло не съ такимъ человѣкомъ, ко»торый могъ бы забыть малѣйшую обиду; »только дайте ему волю, онъ запоетъ другую »пѣсню: предъ своими глазами, погубитъ насъ »въ жесточайшихъ мукахъ! Такъ! мы имѣемъ »дѣло не просто съ коварнымъ плутомъ, но съ »свирѣпымъ чудовищемъ; задушимъ, пока оно »въ ямѣ! Горе намъ, горе женамъ и дѣтямъ на»шимъ, если сія бестія выползетъ изъ пропа»сти!« Тутъ завопили въ толпѣ: »Пойдемъ въ »Стрѣлецкую слободу; истребимъ семейства бля»диныхъ дѣтей, если они не хотятъ выдать из»мѣнника, плута, обманщика [29]!« Какъ скоро стрѣльцы услышали сіи угрозы, тотчасъ забыли клятвенное обѣщаніе — спасти Димитрія и оставили его (любовь къ женѣ и дѣтямъ всегда

1606. сильнѣе Царскихъ сокровищъ). Бояре же бросились на Великаго Князя, избили его жестоко, и неоднократно спрашивали, точно ли онъ сынъ Іоанна Васильевича? »Отведите меня къ матери, »отвѣчалъ Димитрій, и ее спросите; если она »отречется отъ меня, тогда дѣлайте, что хотите.« »Она отрекается отъ тебя!« воскликнулъ Голицынъ, бывшій въ числѣ главныхъ заговорщиковъ, »и говоритъ торжественно, что ты не »сынъ ея, а обманщикъ!« Съ симъ словомъ Голицынъ разсѣкъ ему голову саблею; это еще болѣе остервенило прочихъ бунтовщиковъ; наконецъ одинъ изъ нихъ, именемъ Григорій Воейковъ [30]), подскочилъ къ Димитрію и выстрѣлилъ въ него: онъ упалъ и тутъ же испустилъ духъ. Вмѣстѣ съ нимъ убитъ вѣрный слуга его Петръ Басмановъ, главный вождь Русской арміи: трупы ихъ—нагіе, безобразные, были брошены на площадь предъ замкомъ: тамъ они лежали трое сутокъ.

Великая Княгиня, между тѣмъ, заперлась съ своими женщинами въ одной комнатѣ; туда ломилась чернь; но одинъ благородный Полякъ, именемъ Осмольскій, смѣло, мужественно отражалъ толпу, до тѣхъ поръ, пока не пришли два Боярина, которые прогнали чернь и спасли благородныхъ Полекъ отъ насилія [31]). Осмольскій однако былъ застрѣленъ; пуля, поразивъ его на вылетъ пробила стѣну и ранила благородную

вдову Хмѣлинскую, которая умерла чрезъ нѣсколько дней отъ сей раны. 1606.

После того убійцы излили злобу на музыкантовъ Великаго Князя: 16 человѣкъ умертвили, а многихъ изуродовали; не убили же сихъ послѣднихъ только потому, что считали ихъ уже мертвыми; потомъ вломились въ домъ главнаго повара Великой Княгини, Адама Горскаго, умертвили многихъ служителей и разграбили все имѣніе его. Воеводу же Сендомирскаго они не тронули потому, что съ нимъ было много людей вооруженныхъ, и только увѣдомили его о смерти Димитрія. »Я не знаю »ничего, что случилось, отвѣчалъ Воевода, но »подумайте, что вы дѣлаете? Я никого не »трону; если же меня оскорбятъ, буду защи»щаться до послѣднихъ силъ, до послѣдняго »человѣка!« Измѣнники приняли мѣры, чтобы Поляки во время смятенія не подоспѣли на помощь къ Великому Князю и не разстроили бы ихъ замысла: для сего ночью перегородили огромными деревьями ту улицу, гдѣ расположена была Польская конница; били въ набатъ во всѣхъ церквахъ и вездѣ кричали, что Поляки рѣжутъ Бояръ въ Кремлѣ и хотятъ овладѣть столицею. Чернь, многочисленными толпами, съ яростію бросилась на постоялые дворы иноземцевъ, особенно же въ Никитскую улицу, гдѣ жили придворные чины Великаго Князя и Ве-

1606. ликой Княгини. Поляки спрашивали у мятежниковъ, что имъ надобно? они же издали кричали: »Отдайте оружіе, если хотите остаться живыми!« Нѣкоторые, ничего не вѣдая и вовсе не подозрѣвая злаго умысла, выдали свои ружья и сабли; но тотчасъ были схвачены, раздѣты до-нага и изрублены въ мелкіе куски. Другіе же, размысливъ, что все равно—пасть ли въ битвѣ, или отдать себя въ руки безумной черни, рѣшились обороняться и сражались мужественно до послѣдняго издыханія. Рѣзня была страшная; вся Никитская улица покрылась трупами и кровью: никогда, ни въ какой битвѣ не погибало вдругъ такъ много юныхъ дворянъ Польскихъ, даже и во время трехлѣтней войны Стефана Баторія съ Россіею. Надобно замѣтить, что сіи Поляки были размѣщены далеко одинъ отъ другаго: изъ этого видно, съ какими мыслями принимали Москвитяне своихъ гостей; сверхъ того за нѣсколько дней до мятежа, всѣмъ купцамъ строго было запрещено продавать иностранцамъ порохъ и свинецъ, для того, чтобы веселые гости безпрестанными выстрѣлами не потревожили народа и не нарушили общаго спокойствія; это было только предлогомъ; въ душѣ Русскихъ скрывались иные замыслы!

Умертвивъ многихъ, мятежники приступили къ дому Князя Вишневецкаго; но были отбиты его людьми. Князь, видя, что разъярен-

ная чернь снова стремится на дворъ его съ луками, пищалями и двумя пушками, собралъ своихъ людей, съ геройскою храбростію бросился въ средину непріятелей, взялъ одну большую пушку, множество злодѣевъ положилъ на мѣстѣ собственнымъ ихъ оружіемъ, и только тогда прекратилъ битву, когда Василій Шуйскій, въ знакъ переговоровъ бросивъ вверхъ шапку, предложилъ ему миръ и безопасность, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ оставить его невредимымъ, только съ условіемъ, чтобы Поляки отдали все свое оружіе. Князь согласился исполнить сіе требованіе; самъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ и немногими изъ своихъ людей отправился на постоялый дворъ; но едва онъ удалился, чернь напала на безоружныхъ служителей его, оставленныхъ въ домѣ для надзора за вещами, побила ихъ всѣхъ до одного, а имущество разграбила. 1606.

Отсюда она спѣшила къ дому Сигизмунда Тарло, гдѣ, кромѣ жены сего Пана и благородной вдовы Герботины, были многіе знатные Поляки съ своими служителями, какъ то: Любомирскій, Панъ Іорданъ и другіе; чернь бросилась на дворъ, но не смѣла вломиться въ покои, ибо видѣла, что находившіеся тамъ господа и служители, имѣя довольно ружей, приготовились къ упорному сопротивленію; посему она кричала: »Отдайте ружья, если дорогà вамъ жизнь; мы не

1606. »хотимъ вашей крови, а желаемъ только возста»новить въ городѣ спокойствіе; когда же не вѣ»рите нашимъ словамъ, мы готовы присягнуть, »что вы останетесь невредимы.« Поляки не знали, что дѣлать; наконецъ, по просьбѣ женщинъ, выдали свое оружіе; Москвитяне, получивъ оное, принялись сперва за бывшихъ на дворѣ служителей, обобрали ихъ до послѣдней рубахи и прибили до полусмерти; когда же господа напомнили имъ клятвенное обѣщаніе, они еще болѣе разъярились, и умертвили несчастныхъ; послѣ того разграбили нижній этажъ дома, коней увели, экипажи изломали въ куски, всю посуду похитили; потомъ ворвались въ верхніе покои, не давая пощады никому, самимъ женщинамъ: супругу Тарло и госпожу Герботину не только обобрали до чиста, но били кулаками безъ милосердія; все же золото, серебро, дорогія платья и другія вещи, найденныя въ домѣ, раздѣлили между собою (въ общемъ дѣлѣ и добыча общая!); при семъ случаѣ благородная Панна Варвара Дульская лишилась всего имѣнія своего; сама же она, по особенной благости Небесъ, находилась въ другомъ домѣ, гдѣ не было мятежниковъ.

Между тѣмъ Павелъ Тарло и Баалъ, друзья юные, благонравные, мужественные, не хотѣли отдать своего оружія, и при помощи 15 слугъ сражались долго, какъ герои, съ многочисленны-

ми толпами; наконецъ Баалъ былъ убитъ; друга же его Тарло спасъ хозяинъ дома, полюбившій сего юношу за кротость и благонравіе. Въ то же время погибли Петръ Домарацкій и Станиславъ Борза, люди съ прекрасною душею. Жалостнѣе была участь достопочтеннаго Франциска Помацци: сей мужъ благочестивый совершалъ божественную службу, когда святотатцы, выломавъ двери, схватили его при самомъ алтарѣ, сильнымъ ударомъ сшибли съ ногъ и сорвали съ него святительскія ризы; потомъ совлекли съ алтаря покровъ и похитили дароносицу; брата же Помацціева, бывшаго въ военной службѣ, связали и умертвили; послѣ того снова обратились къ святителю[1]; нанесли ему нѣсколько тяжкихъ ранъ и только тогда укротили свою ярость, когда увидѣли, что онъ уже при послѣднемъ издыханіи; они оставили его въ бореніи съ смертію, впрочемъ не изъ состраданія, а отъ увѣренности, что жертва ихъ не воскреснетъ; не доставало одного удара для прекращенія тогда же его жизни. Онъ испустилъ духъ на третій день. 1606.

Паны Стадницкіе, жившіе вмѣстѣ на одномъ дворѣ, узнавъ о бунтѣ, немедленно вооружились для обороны и отворивъ двери, ожидали непріятелей: чернь, видя ихъ рѣшительность, не посмѣла ворваться въ домъ и удалились; она также не тронула двора посольскаго, который

1606. находился недалеко отъ дома Стадницкихъ; впрочемъ всѣ искавшіе покровительства въ домѣ пословъ, не взирая на право народное, находились въ явной опасности потерять жизнь, и уже готовились встрѣтить мужественно неминуемую смерть, когда прибыли два Боярина и освободили ихъ отъ бѣды.

Павелъ Мнишекъ, староста города Лукова, жившій противъ дома посольскаго, также остался невредимъ, но не потому, что Москвитяне хотѣли пощадить его, а потому, что они опасались свиты посольской, которая могла подать помощь. Станиславъ Мнишекъ, староста Саноцкій, спасся инымъ средствомъ: мятежники неоднократно порывались напасть на него; но видя, что онъ окруженъ конными и пѣшими воинами, прибывшими съ нимъ изъ Польши, не рѣшились на битву и оставили его въ покоѣ. Съ нимъ заключилъ Шуйскій такой же договоръ, какъ и съ Княземъ Вишневецкимъ; только не могъ отобрать отъ него оружія и приставилъ къ дому посильную стражу изъ стрѣльцовъ, совѣтуя Полякамъ быть смирными и спокойными. Панъ Староста хотѣлъ было пробиться сквозь толпы черни, чтобы соединиться съ отцемъ своимъ Воеводою Сендомирскимъ; но единоземцы отсовѣтовали ему сіе намѣреніе.

Іоаннъ Мнишекъ, Староста города Красны, былъ спасенъ отъ смерти своимъ хозяиномъ,

со всѣми людьми, кромѣ его духовника, Іоанна 1606.
Сандеція, который рано утромъ пошелъ къ Помаццію, былъ схваченъ на дорогѣ Москвитянами и обобранъ до чиста; впрочемъ не потерялъ жизни: его спасли Нѣмцы, коихъ языкъ онъ разумѣлъ. Польскіе воины, служившіе Великому Князю, узнавъ о смерти сего Государя, немедленно сѣли на коней и выѣхали въ чистое поле; тамъ они заключили съ Москвитянами договоръ, по коему могли вытти изъ Россіи; но потеряли все свое имѣніе. Дружина же Воеводы Сендомирскаго, при самомъ началѣ волненія, схватила оружіе и приготовилась къ битвѣ; но увидѣвъ, что на нее навели пушки, удалилась на большой дворъ, гдѣ обыкновенно стояла, и тамъ заключила договоръ съ Русскими. Много можно было бы разсказывать, какъ Москвитяне разбивали постоялые дворы, грабили, рѣзали безъ милосердія Поляковъ, обманутыхъ лестью и ложными клятвами; но для краткости прекратимъ нашу повѣсть. Во время смятенія погибло Поляковъ около 600 человѣкъ, а Москвитянъ слишкомъ 1000; сихъ послѣднихъ пало бы гораздо болѣе, если бы они коварнымъ обѣщаніемъ мира не выманили оружія у своихъ гостей, которые, отдавъ оное, гибли беззащитными жертвами.

Обнаженный трупъ Димитрія, какъ выше сказано, брошенъ былъ на площадь; тамъ издѣ-

1606. валась надъ нимъ чернь: положивъ на брюхо маску, вымазанную нечистою грязью, Москвитяне кричали: »вотъ твой Богъ!« Иные вонзали въ тѣло ножи и бросали оное съ одного мѣста на другое. Наконецъ, по прошествіи трехъ сутокъ, одинъ купецъ выпросилъ у Бояръ позволеніе похоронить Димитрія за городомъ, отчасти изъ состраданія, отчасти въ намѣреніи прекратить безстыдныя надъ нимъ забавы площадныхъ торговокъ; но и въ могилѣ ему не было покоя: въ народѣ разнеслась молва, что ночью тамъ виденъ огонь и раздается веселая музыка; для сего чрезъ восемь дней вырыли трупъ изъ могилы, сожгли въ пепелъ, и зарядивъ огромную пушку, выстрѣлили имъ въ тѣ ворота, коими онъ вступилъ въ Москву, чтобы и праха его не оставалось.

ГЛАВА II.

Дневникъ Георга Паерле.

Причина путешествія автора въ Москву. Опасность его во время мятежа. Стараніе Бояръ прекратить волненіе. Соединеніе съ Литовскими послами. Избраніе Шуйскаго Царемъ. Перенесеніе мощей Св. Димитрія. Споры пословъ съ Боярами во дворцѣ. Рѣчь Мстиславскаго. Отвѣтъ посольскій. Заключеніе пословъ. Молва о Димитріи. Послы выдаютъ Боярамъ многихъ Поляковъ. Походы Шуйскаго на мятежниковъ. Приступъ ихъ къ Москвѣ. Спасеніе столицы. Неволя Поляковъ. Назначеніе Королемъ новыхъ пословъ. Походъ Шуйскаго на Тулу. Отправленіе иноземныхъ купцовъ въ отечество. Прибытіе новыхъ пословъ Королевскихъ. Извѣстія изъ Польши. Возвращеніе Шуйскаго. Аудіенція вновь прибывшихъ пословъ. Наглость повара. Смѣлость Гонсѣвскаго и товарища его. Свиданіе ихъ во дворцѣ съ послами. Переговоры и неудовольствія.

1606.

Разскажу теперь, что случилось со мною и спутниками моими, Андреасомъ Натаномъ и Матвѣемъ Бернгардомъ Манлихомъ младшимъ, также съ переводчикомъ Натановымъ Себастіаномъ Лефелемъ и служителемъ его Яковомъ де Ви, гражданами Краковскими.

Виновникомъ нашего путешествія въ Москву былъ тайный совѣтникъ Димитрія, Янъ Бучинскій: онъ вручилъ Натану грамоту, за своеручною Великаго Князя подписью и за большою его печатью, такого содержанія, что вся-

1606. кій купецъ, который повезетъ въ Россію, на свой страхъ, добрые и красивые товары, во всѣхъ областяхъ Московскаго Государства будетъ принятъ съ особенною ласкою, за все проданное Царю получитъ немедленно плату изъ его казны, на обратномъ же пути найдетъ продовольствіе и помощь.

Пріѣхавъ въ Смоленскъ, первый пограничный городъ, мы предъявили тамошнему Воеводѣ грамоту Великаго Князя и тотчасъ получили въ довольномъ количествѣ съѣстные припасы. Здѣсь мы опять увидѣли Яна Бучинскаго; онъ просилъ Натана убѣдительно не дожидаться Королевскихъ пословъ (принявшихъ насъ подъ свое покровительство), ссылаясь на Царское повелѣніе отправить насъ какъ можно скорѣе въ Москву, чтобъ мы успѣли пріѣхать туда прежде Цесаревы. И такъ, во имя Божіе, мы пустились въ дорогу съ людьми Бучинскаго, изъ коихъ одни были на коняхъ, а другіе ѣхали въ повозкѣ. Воевода же Смоленскій далъ намъ приставовъ или коммиссаровъ, для снабженія насъ на пути всѣмъ необходимымъ. Въ Москвѣ насъ помѣстили на дворѣ Бучинскаго, извѣстномъ подъ именемъ Склинскаго [32]; среди онаго находился небольшой бѣлый домъ, крытый соломою. Во время бунта, когда свирѣпая чернь устремилась на дворъ, мы, въ числѣ 32 человѣкъ, заперлись въ семъ домѣ и разломавъ кры-

шу, рѣшились дорого продать свою жизнь; мятежники, увидѣвъ наше намѣреніе, не смѣли вступить въ битву, а бросились сначала въ кухню, отворили ее съ робостію и похитили всю нашу мѣдную посуду; потомъ ворвались въ покои братьевъ Бучинскихъ и въ наши комнаты, гдѣ также все разграбили; мы же, стрѣляя издали, не могли ихъ остановить. Между тѣмъ, слуга нашего хозяина, родомъ Москвитянинъ, пришедшій вмѣстѣ съ прочими изъ города, просилъ насъ убѣдительно не стрѣлять, если народъ насъ самихъ не тронетъ, увѣряя, что всѣ наши вещи должны быть отнесены во дворецъ, и намъ будутъ отданы. И такъ по его совѣту, мы прекратили пальбу. Къ несчастію не всѣ наши заперлись въ бѣломъ домѣ: Яковъ де Ви, думая, что опасность не велика, остался въ комнатахъ: тамъ напали на него Москвитяне, и когда онъ хотѣлъ обороняться, два сильные злодѣя выхватили у него саблю; онъ было бѣжать, но уже поздно; его догнали, и тою же саблею разсѣкли ему плечо, а при второмъ ударѣ разрубили голову до самой бороды: бѣдный де Ви тутъ же испустилъ духъ... Да умилосердится надъ нимъ Всемогущій, и да вознаградитъ его страданіе въ день Страшнаго суда! Разграбивъ всѣ комнаты, расхитивъ и коней нашихъ, чернь обратилась наконецъ на насъ, и уже хотѣла выломать желѣзныя двери въ нашемъ убѣжищѣ: 1606.

1606. мы дали сквозь оныя два сильные залпа изъ мушкетовъ и принудили ее, при помощи Всевышняго, отступить; между тѣмъ явился Димитрій Шуйскій: онъ просилъ насъ не стрѣлять и отворить двери, увѣряя съ клятвою, что насъ никто не тронетъ; мы однакожь не вѣрили, и чтобы узнать, чего онъ хочетъ, спустили изъ окна по веревкѣ одного молодаго дворянина, хорошо разумѣвшаго Русскій языкъ. »Я присланъ отъ Сенаторовъ, говорилъ Шуйскій, увѣдомить васъ, что если вы будете мирны и спокойны, народъ васъ не тронетъ. Разстрига, (такъ величалъ онъ убіеннаго Димитрія), получилъ достойное возмездіе, и вы должны благодарить Бога за свое спасеніе. Что же касается до вашихъ вещей, о коихъ вы такъ заботитесь, будьте спокойны: вы получите вознагражденіе; а для вашей безопасности, я оставлю одного Боярина, который не дозволитъ черни никакого насилія.« Сказавъ сіе, Шуйскій поскакалъ въ Кремль. Такимъ образомъ спасъ насъ милосердый Богъ, вопреки злобѣ убійцъ, которые желали омыть свои руки въ крови невинной.

Вскорѣ послѣ того, около вечера, прибыли два Боярина, съ требованіемъ, чтобъ мы отдали имъ свое оружіе; сначала мы не согласились. Бояре стали увѣрять насъ страшною клятвою, что это дѣлается единственно для успокоенія народа, который до тѣхъ поръ не смирится, до-

колѣ не увидитъ себя безопаснымъ, и сверхъ 1606.
того показали списокъ многихъ знатныхъ господъ, исполнившихъ такое требованіе; убѣжденные симъ, мы наконецъ, по взаимномъ совѣщаніи, согласились на его просьбу, но съ условіемъ, чтобы намъ дали одного Боярина въ заложники для лучшей безопасности; это условіе тотчасъ было исполнено. Между тѣмъ, мы спрятали въ сѣно четыре топора и четыре сабли. Двое сутокъ насъ томили голодомъ; въ третій день, поздно вечеромъ, прислали намъ корову и нѣсколько куръ; мы тотчасъ ихъ закололи и приготовили пищу, которая показалась намъ вкуснѣе самыхъ лакомыхъ обѣдовъ во время путешествія; запивали же ее квасомъ, то есть кислымъ напиткомъ изъ воды, муки и хлѣба. 4 Іюня, наши приставы отлучились; мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, и перешли не безъ опасности въ посольскій домъ.

20 Мая, въ понедѣльникъ, часа чрезъ два по восхожденіи солнца, снова раздался во всемъ городѣ и въ крѣпости колокольный звонъ и громъ барабановъ. Не зная ничего о происходившемъ въ городѣ и ожидая себѣ новыхъ бѣдъ, мы полагали, что злодѣи хотятъ умертвить остальныхъ иноземцевъ; но мы скоро успокоились: Москвитяне сказали намъ, что въ колокола звонятъ въ знакъ радости, по случаю избранія Государемъ Князя Василія Шуйскаго (глав-

1606. наго зачинщика и виновника мятежа). Вскорѣ пріѣхали изъ крѣпости два Боярина, которые объявили посламъ, что всѣ чины Государства провозгласили Шуйскаго Великимъ Княземъ, что опасность теперь миновала, и что Царь, помиловавъ пословъ и всѣхъ Поляковъ, намѣренъ возвратить имъ все утраченное, а самихъ отправить въ отечество.

1 Іюня пришли къ посламъ два другіе Боярина Игнатьевичъ и Татищевъ [33]): они требовали, именемъ Московскаго Сената, списка всѣмъ особамъ, которыя во время мятежа укрылись въ посольскомъ дворѣ, объявивъ притомъ, что Царь въ слѣдующее воскресенье допуститъ ихъ къ рукѣ своей, а на будущей недѣлѣ дозволитъ отправиться въ Польшу.

2 Іюня всѣхъ Поляковъ, находившихся въ Москвѣ, исключая самыхъ знатныхъ Пановъ и людей бывшихъ въ посольской свитѣ, также слугъ Бучинскаго, отослали въ Польшу, назначивъ каждому для пропитанія не болѣе 2 крейцеровъ на день.

3 Іюня явились назначенные къ посламъ приставы или коммиссары, съ требованіемъ Великаго Князя и Бояръ выдать имъ всѣхъ людей, которые, во время бунта и послѣ онаго, пришли на дворъ посольскій; когда же послы хотѣли знать, для чего они нужны? приставы объявили, что Великій Князь, движимый мило-

сердіемъ, велѣлъ отвести Поляковъ въ прежніе 1606.
ихъ домы, снабдить въ довольствѣ всякими припасами, и потомъ одаривъ щедро золотомъ, серебромъ, платьями, отпустить во свояси. Услышавъ о такомъ предложеніи, всѣ Поляки, въ числѣ ихъ и многіе Паны, молили пословъ явить имъ Королевскую защиту и не выдавать ихъ злодѣямъ Москвитянамъ. »Мы согласимся, говорили они, питаться крошками съ посольскаго стола, только бы не ѣсть хлѣба Великокняжескаго!« Послы исполнили ихъ желаніе, и послѣ сильныхъ споровъ съ приставами, удержали всѣхъ людей, искавшихъ покровительства въ домѣ посольскомъ.

4 Іюня, въ воскресенье, послы ожидали, что ихъ допустятъ, какъ было сказано, къ Царской рукѣ, но тщетно: въ городѣ было страшное волненіе; народъ возсталъ на стрѣльцовъ, Бояръ и Великаго Князя, обвиняя всѣхъ ихъ, какъ измѣнниковъ, въ умерщвленіи истиннаго Государя Димитрія. Великій Князь, при помощи Бояръ, скоро прекратилъ ропотъ черни, увѣривъ ее, что убитъ не Димитрій, а плутъ и обманщикъ, что истинный Царевичъ погибъ въ Угличѣ, и что народъ увидитъ своими глазами его нетлѣнныя, чудотворныя мощи, которыя уже везутъ въ столицу. Между тѣмъ Бояре достали мальчика лѣтъ 13 или 14, сына какого-то бѣдняка, перерѣзали ему горло, продержали

1606. трупъ его нѣсколько дней въ землѣ, потомъ вынули, привезли въ Москву, и показывая оный народу, говорили черни: »Вотъ истинный Димитрій! нѣсколько лѣтъ тѣло его лежало въ »землѣ, но все еще нетлѣнно и невредимо!« Грубая, безсмысленная чернь повѣрила и успокоилась [34]).

5 Іюня, одинъ изъ пословъ, Староста Гонсѣвскій, Капитанъ Велижскій, ѣздилъ во дворецъ къ родному брату Великаго Князя, Дмитрію Ивановичу Шуйскому, съ просьбою исходатайствовать посламъ у Государя дозволеніе возвратиться со всѣми ихъ людьми и Поляками въ отечество.

6 Іюня, послы были приглашены во Дворецъ; ихъ провожали туда многіе Бояре; когда они вступили въ золотую палату, гдѣ собралось до 14 или 15 Московскихъ вельможъ, одинъ изъ Бояръ, сдѣлавъ обыкновенный поклонъ, прочиталъ предъ послами бумагу слѣдующаго содержанія:

»За нѣсколько предъ симъ лѣтъ, по смерти нашего Великаго Князя Ивана Васильевича, остались два сына: старшій изъ нихъ, Θеодоръ, вступилъ на престолъ и господствовалъ надъ нами съ вожделѣннымъ благополучіемъ, въ страхѣ Божіемъ; а младшій, Димитрій Ивановичъ, еще юный лѣтами, получилъ въ удѣлъ отъ своего отца три отдѣльныя Княжества [35]) и

жилъ въ городѣ Угличѣ; но въ послѣдствіи, за 1606.
наши грѣхи, по волѣ Всемогущаго, Борисъ Годуновъ погубилъ сего Царевича, а самъ овладѣлъ престоломъ Россійскаго Государства. Къ Борису прислалъ Король вашъ Сигизмундъ посломъ Льва Сапѣгу, Канцлера Литовскаго, съ товарищемъ: сей посолъ, заключивъ перемиріе между нашимъ Государствомъ и вашимъ Королемъ на двадцать лѣтъ, утвердилъ оное клятвою. Между тѣмъ одинъ изъ нашихъ Монаховъ, именемъ Гришка сынъ Богдановъ Отрепьевъ, за колдовство и чародѣйство присужденный Святыми отцами и Епископами къ лишенію живота, бѣжалъ отъ казни при помощи дьявольскаго искусства, удалился въ Польшу и тамъ, предъ Королемъ вашимъ и предъ всею Польскою Короною, выдалъ себя за Князя Димитрія Ивановича: мы же, Бояре, свѣдавъ о такомъ плутовствѣ, послали къ Сенату, для уличенія обманщика, письма съ родственникомъ его Смирнымъ Отрепьевымъ, а для большаго удостовѣренія, нашъ Патріархъ и Епископы дали знать о семъ вашему Архіепископу и Епископамъ. Но Сигизмундъ и его Совѣтники, уловленные обманщикомъ, вскорѣ забыли условія мирнаго договора, въ слѣдствіе коихъ Польша не должна была помогать ни людьми, ни деньгами, ни совѣтомъ, никакому врагу Россіи: Король далъ обманщику и войско, и деньги, и

1606. добрыя наставленія; онъ послалъ въ наши предѣлы Воеводу Сендомирскаго со многими Поляками. Когда же измѣнникъ явился съ Польскими войсками въ Княжествѣ Сѣверскомъ, чернь, всегда и вездѣ неразумная, признала его законнымъ наслѣдникомъ Русскаго престола, и выдала ему Градоначальниковъ и Воеводъ, такъ, что все Княжество Сѣверское покорилось Самозванцу. Вскорѣ послѣ того Государь нашъ Борисъ умеръ, а онъ обманщикъ, при помощи Короля, овладѣлъ всею страною Русскою. Этого мало: онъ хотѣлъ всѣхъ насъ, Бояръ, истребить, Русскую Вѣру искоренить, а супругу Великаго Князя Ивана Васильевича, мать истиннаго Димитрія, принуждалъ признать себя сыномъ своимъ. Хотя же Великая Княгиня сначала, отъ страха, назвала его своимъ сыномъ, но въ послѣдствіи не могла долѣе обманывать другихъ, и намъ, Боярамъ, объявила, что онъ не сынъ ея, а плутъ и обманщикъ, умоляя насъ, чтобъ мы не дозволяли господствовать надъ собою бродягѣ. Убѣжденные какъ ея рѣчами, такъ и многими другими причинами, также и внушеніемъ Св. Духа, мы умертвили злодѣя. При семъ случаѣ погибли нѣкоторые изъ Поляковъ, пришедшихъ съ Воеводою Сендомирскимъ, за то, что они раздражили народъ наглыми поступками, оскорбляя женъ, отнимая ихъ у мужей, и проч; но это случилось безъ

нашего вѣдома: слѣдовательно не мы виновны въ ужасномъ кровопролитіи, а вашъ Король и ваши единоземцы, которые нарушили мирныя условія. Теперь же, по милости Божіей, какъ свѣтскіе, такъ и духовные чины избрали Государемъ всея Россіи Василія Ивановича Шуйскаго. Какъ разумный и добрый Царь, онъ оплакиваетъ безбожное смертоубійство и повелѣваетъ объявить вамъ, что всѣ ваши единоземцы, оставшіеся въ живыхъ, могутъ отправиться со всѣмъ имуществомъ въ свое отечество. Король же вашъ поступилъ вопреки правиламъ Христіанства; о чемъ да будетъ вамъ извѣстно!« 1606.

Такъ говорилъ Бояринъ Мстиславскій; когда онъ кончилъ свою рѣчь, послы отошли въ сторону, поговорили другъ съ другомъ, и послѣ взаимныхъ совѣщаній, Панъ Гонсѣвскій, разумѣвшій лучше своего товарища языкъ Русскій, отвѣчалъ Боярамъ: »Мы слышали и поняли вашу рѣчь; просимъ сообщить намъ ее письменно, чтобъ мы могли дать удовлетворительный отвѣтъ; а между тѣмъ, считаемъ долгомъ объяснить слѣдующее: Всемилостивѣйшій Государь нашъ, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, получилъ извѣстіе, что по кончинѣ Великаго Князя Ивана Васильевича, остался юный сынъ Димитрій Ивановичъ, коему отецъ при жизни своей пожаловалъ Княжество Углицкое съ двумя другими; потомъ разнеслась молва, что Царевичъ тай-

1606. но умерщвленъ Борисомъ, къ великой горести всѣхъ Поляковъ: мы оплакивали сію кончину изъ Христіанскаго состраданія. Вскорѣ послѣ того, пришелъ къ намъ изъ Москвы тотъ, кого вы не признаете Димитріемъ: сей человѣкъ благоразумными рѣчами и разными тѣлесными признаками, увѣрялъ насъ, что онъ есть истинный Димитрій Ивановичъ, что всемогущій Богъ спасъ его отъ сѣтей Борисовыхъ, что этотъ коварный измѣнникъ, отравивъ Царя Ѳеодора и завладѣвъ Русскою Державою, истребляетъ многія знаменитыя семейства, отчасти тайною смертію, отчасти ссылкою въ вѣчную неволю, и тиранствуетъ надъ своими подданными. О тиранствѣ Борисовомъ разсказывали намъ и другіе единоземцы ваши; даже отъ васъ самихъ, господа Бояре! мы неоднократно слыхали единогласныя жалобы на его свирѣпость и вѣроломство. Впрочемъ ни Король, ни Королевскіе чины не повѣрили словамъ того, кто называлъ себя Димитріемъ: онъ скитался странникомъ въ жалкомъ положеніи, изъ одного мѣста въ другое, доколѣ не пришли къ нему въ Польшу многіе Москвитяне изъ разныхъ городовъ вашихъ и не провозгласили его торжественно своимъ Государемъ. Его Величество хотя и симъ не убѣдился; однакожь съ другой стороны не могъ не размыслить, что правосудный и милосердый Богъ неоднократно разрушалъ ковы злоумыш-

ленниковъ, устроивавшихъ гибель дѣтямъ Великихъ Государей, какъ свидѣтельствуетъ о семъ бытописаніе, и возводилъ невинныхъ на прародительскіе престолы. Борисъ, между тѣмъ, сильно оскорбилъ нашего Всемилостивѣйшаго Государя: задержавъ, вопреки правамъ народнымъ, пословъ Королевскихъ, онъ послалъ войско на предѣлы Польши, разорилъ Прилуки, городъ Князя Вишневецкаго, а жителей онаго, числомъ до 300, старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей, повелѣлъ умертвить безъ пощады; другой отрядъ его, занявъ пограничную область нашу на 8 миль до самаго Велижа, все предалъ огню и мечу; многія иныя мѣста испытали подобную же участь. Король, встревоженный слезами своихъ подданныхъ и раздраженный Борисомъ, послалъ къ вамъ, господа Бояре! нѣсколько писемъ съ увѣдомленіемъ, что послѣ такого кровопролитія, между обоими Государствами не можетъ быть ни дружбы, ни мира. Посему Его Величество, считая себя необязаннымъ исполнять требованія вѣроломнаго сосѣда, забывшаго любовь и доброе расположеніе народа Польскаго, не хотѣлъ ни умертвить Димитрія, ни заключить его въ темницу, ни прислать въ Москву, какъ желалъ того Борисъ: это требованіе было бы конечно исполнено, если бы Князь Московскій поступалъ съ Короною Польскою, какъ сосѣдъ доб- 1606.

*

1606. рый и правдивый. При всемъ томъ Король нашъ, одушевляемый Христіанскимъ благочестіемъ, не хотѣлъ нарушить утвержденнаго клятвою мирнаго договора, и за Димитрія не рѣшился начать войны съ Борисомъ, а предоставилъ Царевича въ волю Божію, размысливъ, что если Господь спасъ его жизнь чудеснымъ образомъ, то онъ же подастъ ему и средства взойти на престолъ прародительскій 56). Посему ни Польша, ни Литва не дали Димитрію ни одного Хорунжія: на него смотрѣли, какъ на бѣднаго странника; люди же благочестивые, знатные и не знатные, давали ему милостыню изъ Христіанскаго сострадания. Болѣе всѣхъ сжалился надъ нимъ благородный Панъ Воевода Сендомирскій: сей добрый и сострадательный Вельможа такъ полюбилъ Димитрія, что призналъ его законнымъ наслѣдникомъ Русскаго престола и рѣшился, по просьбѣ бывшихъ при немъ Москвитянъ, проводить его съ небольшимъ отрядомъ до вашихъ предѣловъ, но не далѣе; тамъ, говорили ему Москвитяне, вся страна Русская покорится Царевичу; если же сего не будетъ, Панъ Воевода можетъ возвратиться въ отечество, не нарушая мирнаго трактата. Еще за нѣсколько миль до границы, встрѣтили Димитрія жители вашего города Моравеска съ хлѣбомъ-солью; въ то же время покорились ему и граждане Черниговскіе. Столь яв-

ная помощь небесная свидѣтельствовала оче- 1606.
видно, что Димитрій былъ истинный Царевичъ. Между тѣмъ, вы прислали письмо къ нашему Сенату, Архіепископамъ и Епископамъ; но ваши единоземцы, бывшіе съ Димитріемъ, узнавъ о семъ, немедленно извѣстили насъ съ своей стороны, что въ тѣхъ письмахъ нѣтъ ни слова правды, и что они присланы къ намъ не Боярами и не Духовенствомъ, а Борисомъ. Посему Его Величество не давалъ помощи ни той, ни другой сторонѣ, ожидая окончанія дѣлу отъ правосудія Божія. Когда же Димитрій осадилъ Новгродекъ и встрѣтилъ въономъ упорное сопротивленіе, а Борисъ увѣдомилъ Короля нашего, чрезъ дворянина Огарева, что сей человѣкъ есть Самозванецъ Гришка Отрепьевъ, и просилъ не нарушать мира вспомоществованіемъ обманщику; Его Величество отправилъ къ Воеводѣ Сендомирскому и ко всѣмъ бывшимъ при Новгродекѣ Полякамъ, универсалъ, съ повелѣніемъ подъ смертною казнію возвратиться немедленно изъ Московскихъ предѣловъ и оставить Димитрія. Панъ Воевода и бывшіе съ нимъ Поляки тотчасъ исполнили Королевскую волю, покинули Димитрія съ одними Донскими Казаками и другими вашими единоземцами, а сами вышли изъ Россіи. При всемъ томъ, и послѣ удаленія Поляковъ, города Русскіе, одинъ за другимъ, покорялись Ца-

1606. ревичу. Мы не можемъ не удивляться, что по смерти Борисовой, давшей вамъ свободу дѣйствовать произвольно, вы не захотѣли просить отъ нашего Государя ни помощи, ни совѣта, въ чемъ онъ безъ сомнѣнія не отказалъ бы, и сами собою признали Димитрія законнымъ наслѣдникомъ престола, ввели его въ Москву, посадили на тронъ и короновали Царскою короною; супругу же Борисову и сына его умертвили.«

»Сами вы, господа Бояре, и многіе изъ вашихъ единоземцевъ, говорили неоднократно, что намъ было бы невозможно дать Царя землѣ Русской, и что вы добровольно возвели Димитрія на престолъ. Не вы ли также присылали къ намъ посла Аѳанасія Ивановича благодарить Короля и Польскую Корону за оказанныя ему благодѣянія? Не вы ли просили о заключеніи съ нимъ вѣчнаго мира, и о дозволеніи Воеводѣ Сендомирскому привезти въ Москву дочь его Марину, для бракосочетанія съ Великимъ Княземъ? Его Величество съ удовольствіемъ принялъ вашу просьбу, надѣясь чрезъ этотъ бракъ примирить Московскую Державу съ Короною Польскою и общими силами одолѣть врага всему Христіанству: убѣжденный вашими собственными свидѣтельствами, что Димитрій былъ истинный Царевичъ, онъ охотно дозволилъ Воеводѣ ѣхать въ Москву, и вашъ посолъ,

именемъ Димитрія, обручился съ его дочерью. 1606.
Сверхъ того, чрезъ другаго посла, вы благодарили Воеводу Сендомирскаго за участіе его въ судьбѣ вашего Государя, томившагося въ изгнаніи. И такъ по вашей просьбѣ, по вашему желанію, Панъ Воевода, не взирая на преклонныя лѣта, привезъ въ Москву свою дочь; а Его Величество отправилъ насъ сюда, для присутствія при бракосочетаніи и для заключенія вѣчнаго мира между обоими столь сильными Государствами. Ваши знатнѣйшіе Сенаторы, Князь Василій Мосальскій и Михайло Нагой встрѣтили Воеводу и дочь его на границѣ и проводили ихъ до Москвы; предъ столицею вы приняли невѣсту Димитрія, какъ Великую Княгиню; въ послѣдствіи присягнули ей, какъ вѣрные подданные, и наконецъ вашъ Патріархъ короновалъ ее торжественно, безъ всякаго спора. Мы же, послы, сообразно древнему обыкновенію, пріѣхали сюда съ приличными почестями, при вашемъ присутствіи исправили свое посольство, и съ вами, въ одной комнатѣ, разсуждали о войнѣ съ врагами Христіанства; а чтобы Государь вашъ не былъ истинный Димитрій, того мы отъ васъ не слыхали: даже, когда нѣкоторые изъ нашихъ единоземцевъ изъявили сомнѣніе касательно рода Великаго Князя, вы свидѣтельствовались Богомъ и всѣмъ міромъ, что онъ Государь истинный, закон-

1606. ный; теперь же, умертвивъ его, вы говорите, что онъ былъ обманщикъ, забывъ Бога, міръ, свою собственную совѣсть!«

»Мы не можемъ надивиться, что вы, господа Бояре, столь разумные люди, какъ мы полагали, сами себѣ противорѣчите! Вы называете Короля и Корону Польскую виновниками всего зла, между тѣмъ, какъ вы сами во всемъ виноваты: не вы ли доказывали, что не Король нашъ возвелъ Димитрія на престолъ, что сей человѣкъ есть природный Москвитянинъ? Лишь только онъ появился на Русской границѣ, ваши единоземцы признали его Государемъ, встрѣтили съ хлѣбомъ-солью, сдали ему города, крѣпости, оружіе, проводили его до самой Москвы и короновали: тутъ онъ вамъ не понравился; вы узнали свою ошибку, и Божій гнѣвъ поразилъ его! Мы не участвовали въ цареубійствѣ и не имѣли причины оплакивать смерть сего человѣка, поступившаго столь нагло и гордо съ нашимъ Государемъ; если же мы сокрушались, то потому только, что многіе знатные вельможи Польскіе, подданные Его Величества, не оскорбившіе ни чѣмъ ни васъ, ни его, не воевавшіе, вопреки словамъ вашимъ, съ Россіею, погибли жалостною смертію, сонные, въ постеляхъ....И вы еще говорите, что миръ нарушенъ нами! Вмѣсто того, чтобы оплакивать наше горе, наше бѣдствіе, вы гово-

рите непристойныя рѣчи, которыя еще бо- 1606.
лѣе растравляютъ наше печальное сердце! Богъ, награждающій добродѣтель, Богъ наказующій злодѣйство, отмститъ убіеніе нашихъ братій, погибшихъ, по словамъ вашимъ, отъ рукъ черни! Наконецъ мы считаемъ долгомъ сказать, что если вашъ Государь немедленно отпуститъ Воеводу Сендомирскаго и насъ, пословъ, со всѣми Поляками въ отечество, возвративъ имъ все имущество, мы постараемся убѣдить Его Величество не разрывать заключеннаго предъ симъ на нѣсколько лѣтъ мирнаго договора; если же, вопреки всякой справедливости, наблюдаемой не только Христіанскими Государями, но и язычниками, Турками, Татарами, мы будемъ задержаны, къ неудовольствію Короны Польской, знайте, что въ такомъ случаѣ Его Величество обратитъ свой гнѣвъ не на чернь, которую вы обвиняете, а на вашего Великаго Князя, и на васъ самихъ, господа Бояре! Страшная вражда запылаетъ между обоими народами, и вы, какъ виновники, дадите за нее отвѣтъ правосудному Богу!«

Такъ говорилъ Панъ Гонсѣвскій; рѣчь его изумила Москвитянъ; они посматривали другъ на друга, и легко можно было замѣтить, что посольскій отвѣтъ имъ оченъ не понравился. Наконецъ всталъ одинъ Бояринъ и говорилъ весьма ласково посламъ, что всему виною былъ

1606. измѣнникъ, обманувшій и Короля, и Поляковъ, и всѣхъ Москвитянъ; потомъ, указавъ на престарѣлаго вельможу, Михайла Нагаго, роднаго брата Царицы, сказалъ: »Спросите его, кто былъ Димитрій, истинный ли Царевичь, или нѣтъ? О желаніи же вашемъ возвратиться въ отечество, мы доложимъ Царю и увѣдомимъ васъ, какое онъ дастъ рѣшеніе.« Тѣмъ кончилась бесѣда.

9 Іюня пришли къ посламъ приставы, съ увѣдомленіемъ, что Великій Князь отправляетъ ихъ послами къ Его Королевскому Величеству; приставами же назначены другіе сановники, которыхъ они привели съ собою.

11 Іюня послы цѣлый день не видали своихъ приставовъ: они явились уже вечеромъ, извиняясь въ отсутствіи тѣмъ, что должны были все время находиться во Дворцѣ, вмѣстѣ съ Боярами. Потомъ, снявъ шапки, сказали торжественно: »По неизрѣченной благости правосуднаго Бога, заступленіемъ Херувимовъ и Серафимовъ, всѣ чины могущественной Русской Державы, покланяющіеся Св. Троицѣ, возложили сего дня Царскую корону на милосердаго Царя и Государя, Василія Ивановича Шуйскаго, къ великой радости всего Государства Московскаго. Мы увѣрены, что и вы порадуетесь нашему счастію; Бояре же не успѣли дать вамъ отвѣта.« Послы отвѣчали, что имъ весьма прі-

ятно слышать такое извѣстіе, что теперь они 1606.
надѣются тѣмъ скорѣе возвратиться въ отечество, и не удивляются молчанію Бояръ, зная, какими заботами они обременены.

15 Іюня пришли къ посламъ два знатные Боярина, Михайло Татищевъ и Василій Телепневъ, Дьякъ. Татищевъ, сказавъ посламъ рѣчь, почти въ такомъ же смыслѣ, какъ и Мстиславскій, наполненную упреками Королю Польскому, коего они считали виновникомъ всего несчастія, показалъ списокъ договора, заключеннаго Димитріемъ съ Воеводою Сендомирскимъ: симъ договоромъ Димитрій обязался дать Воеводѣ огромныя суммы денегъ, жениться на его дочери и подарить ей въ вѣно Новгородъ и Псковъ; потомъ Татищевъ показалъ письмо Королевское къ Димитрію, когда онъ былъ уже на престолѣ: въ этомъ письмѣ было сказано, что Великій Князь обязанъ престоломъ дружбѣ Его Величества и помощи народа Польскаго. Сверхъ того представили буллу Папскую, присланную съ Легатомъ: Его Святѣйшество убѣждалъ Димитрія не забыть даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія, выстроить въ Москвѣ Католическія церкви. Къ сему Бояринъ присовокупилъ, что у нихъ есть много подобныхъ писемъ, которыя отправлены съ посломъ къ Его Величеству, также къ Польской Коронѣ и Великому Княжеству Литовскому 37). »Посему сказалъ Тати-

1606. щевъ, Царь Государь и Боярская Дума повелѣли объявить, что вы должны оставаться здѣсь со всѣми Поляками, доколѣ не возвратится нашъ посолъ и не привезетъ объясненія: иначе мы васъ не выпустимъ.«

Послы отвѣчали на сіе Боярамъ: »Слышавъ рѣчь Мстиславскаго, мы уже объяснили, можно ли приписывать всю вину Его Королевскому Величеству и народу Польскому: болѣе разсуждать о семъ предметѣ считаемъ излишнимъ. Что же касается до заключеннаго прежнимъ вашимъ Государемъ съ Воеводою Сендомирскимъ договора, мы думаемъ, что сей договоръ болѣе васъ уличаетъ, нежели насъ: Его милость Панъ Воевода согласился выдать свою дочь только тогда, когда свидѣтельство вашихъ единоземцевъ увѣрило его, что Димитрій былъ истинный Царевичъ, законный наслѣдникъ Русскаго престола: а согласившись на бракъ, онъ долженъ былъ устроить свои дѣла какъ можно лучше. Слѣдовательно заключенныя имъ условія ни сколько не удивительны; притомъ же Димитрій самъ предложилъ оныя, и все дѣло шло чрезъ ваши руки: когда Воевода пріѣхалъ въ Москву, и Димитрій, созвавъ Государственный Совѣтъ, спрашивалъ васъ, какимъ образомъ устроить участь его супруги, чтобъ она, въ случаѣ его преждевременной кончины, имѣла средства жить прилично ея сану, вы, Бояре,

совѣтовали закрѣпить за нею, кромѣ Новагорода 1606.
и Пскова, многіе другіе города, даже соглашались признать ее не только Великою Княгинею, но и наслѣдственною Государынею: вы клялись ей въ вѣрности и били челомъ! Грамота Папская равнымъ образомъ ничего не доказываетъ: развѣ впервые вы слышите подобныя предложенія? Всегда, при заключеніи трактатовъ о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею, обѣ стороны договаривались, чтобы Поляки въ Россіи, а Россіяне въ Польшѣ, имѣли право вступать въ бракъ, наниматься въ службу, производить торговлю, и чтобы намъ дозволено было въ знатнѣйшихъ городахъ вашихъ строить Римско-Католическія церкви и монастыри. Папа же, намѣстникъ Христа и глава Католической вѣры, обязанный по званію своему распространять Божіе имя и слово во всѣ концы міра, узнавъ о намѣреніи вашемъ навсегда примириться съ Польшею, счелъ полезнымъ въ число нашихъ условій включить вышеозначенное, чтобы тѣмъ болѣе утвердить вѣру Христіанскую и чтобы тѣмъ легче, при тѣсной дружбѣ обоихъ народовъ, одолѣть закоренѣлаго врага Христіанскаго имени. Наконецъ вы ссылаетесь на грамоту Его Величества, въ коей сказано, что бывшій Государь вашъ обязанъ короною дружбѣ Королевской и содѣйствію народа Польскаго: но развѣ не ваши послы,

1606. Князь Датсовъ [38]), Аѳанасій и другіе, приписывали сію честь нашему Государю и благодарили его за дружеское вспоможеніе Димитрію? Слѣдовательно вы поступаете недобросовѣстно, обвиняя въ другихъ то, что сами прежде хвалили! А насъ, пословъ Его Величества, удерживая какъ бы въ темницѣ, вы дѣйствуете вопреки закону Христіанскому вопреки всѣмъ правамъ народнымъ, кои уважаютъ самые Турки и Татары.«

Татищевъ, выслушавъ рѣчь посольскую, говорилъ и спорилъ нѣсколько времени; между прочимъ сказалъ: »Мы получили извѣстіе, что все Польское и Литовское дворянство возстало на Короля, Ханъ Крымскій вторгнулся въ Королевство съ безчисленнымъ войскомъ, Карлъ Шведскій овладѣлъ Литвою, а Король вашъ выступилъ лично на Татаръ.« »Кому что нравится, тотъ и мечтаетъ о томъ!« отвѣчали послы. Бояре откланялись, и возвратясь во дворецъ, донесли обо всемъ Великому Князю.

16 Іюня, послы отправили къ Боярамъ письмо, съ жалобою на свою неволю. Въ слѣдующій день Боярская Дума отвѣтствовала на сіе письмо, что присланный Его Королевскимъ Величествомъ къ блаженной памяти Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу посломъ, Литовскій Канцлеръ Левъ Сапѣга, не заставъ сего Государя въ живыхъ, не хотѣлъ исправить

своего порученія предъ наслѣдникомъ его, Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ, и ожидалъ отъ своего Короля Стефана новыхъ инструкцій. Послы возразили на сіе, что тотъ случай не льзя сравнивать съ настоящимъ: ибо Левъ Сапѣга еще въ Можайскѣ узналъ о смерти Іоанновой; и когда объявлено было, что Ѳеодоръ велѣлъ проводить его въ Москву, онъ просилъ дозволенія послать въ Польшу курьера за Королевскимъ повелѣніемъ. 1606.

Но всѣ просьбы пословъ остались тщетными: они должны были ожидать отвѣта Королевскаго. Трудно описать, въ какомъ горестномъ положеніи находились всѣ мы, какъ бы заключенные въ темницу! Одно только утѣшало насъ: надежда увидѣть отечество, какъ скоро возратятся Московскіе послы съ отвѣтомъ Его Величества.

18 Іюня, Великій Князь и Бояре дозволили посламъ отправить въ Польшу одного дворянина съ нѣсколькими людьми, для увѣдомленія родныхъ и знакомыхъ о ихъ здоровьи и разныхъ дѣлахъ. Панъ Малаговскій назначилъ для сей посылки Гофмейстера своего Барановскаго, съ 30 особами, и далъ ему письма къ Королю, женѣ, дѣтямъ и знакомымъ. Бояре обѣщали не задерживать гонца, какъ скоро онъ привезетъ отвѣтъ, и допустить его къ посламъ немедленно. Между тѣмъ, не взирая на всѣ старанія

1606. Москвитянъ утаить, что у нихъ дѣлается, дошли до насъ разныя вѣсти, коимъ впрочемъ мы не всегда вѣрили. Замѣчательны наиболѣе слѣдующія:

Носилась въ Москвѣ всеобщая молва, что убитъ не Димитрій, а одинъ изъ Нѣмецкихъ тѣлохранителей, родомъ изъ Праги, весьма на него похожій. Димитрій же, провѣдавъ о заговорѣ, тайно бѣжалъ, по невозможности предупредить мятежъ, готовый вспыхнуть, и удалился въ Княжество Сѣверское, гдѣ народъ принялъ его по прежнему, какъ законнаго Государя; разсказывали, что онъ уже собралъ многочисленное войско и шелъ на Москву. Одни вѣрили сему; другіе же говорили намъ, что Димитрій дѣйствительно умерщвленъ, что мы своими глазами могли видѣть трупъ его, лежавшій на площади трое сутокъ, и что многія иныя доказательства удостовѣряютъ въ его смерти. Мы не знали, чему вѣрить: одни говорили, что онъ убитъ, другіе, что онъ живъ, и въ доказательство сего представляли даже письменныя свидѣтельства.

Тогда же нѣкоторыя особы дали намъ знать, что Бояре не признаютъ пословъ послами: ибо они пріѣхали къ Самозванцу; посему намъ совѣтовали быть осторожными, чтобы чернь, раздраженная Поляками, и еще подстрекаемая надеждою грабежа, не вломилась ночью въ нашъ

домъ и не оскорбила бы насъ. Послы, хотя 1606.
утѣшали себя народнымъ правомъ, однакожь, не довѣряя коварнымъ, вѣроломнымъ Москвитянамъ, учредили изъ насъ добрую стражу, стоявшую день и ночь на караулѣ.

15 Іюля наши приставы привели до 30 коней и сообразно древнему обычаю, проводили пословъ во дворецъ, гдѣ одинъ изъ Сенаторовъ сказалъ имъ: »Великій Князь и всѣ Бояре удивляются, что вы не хотите выдать тѣхъ людей, которые укрываются въ вашемъ домѣ. Его Царское Величество желаетъ единственно помѣстить ихъ въ прежнихъ домахъ и снабдить всѣмъ необходимымъ. Если же вы долѣе будете упорствовать, берегитесь, чтобы не было вамъ стыдно! Мы просимъ васъ убѣдительно исполнить волю Великаго Князя.« Послы отвѣчали на сіе: »Не знаемъ, для чего требуютъ отъ насъ нашихъ братьевъ, которые едва спасли жизнь отъ кровожадныхъ рукъ вашихъ и пришли къ намъ нагіе, израненные. Если Великому Князю угодно дать имъ приличное содержаніе, намъ кажется, онъ могъ бы исполнить свою волю столь же удобно въ нашемъ домѣ, какъ и внѣ онаго. Право защищаетъ насъ отъ всякаго посрамленія: ибо сіи люди не силою приведены къ намъ, а сами пришли по доброй волѣ.« Послы готовы были отдать жизнь за своихъ братьевъ; но размы-

1606. сливъ, что сія жертва не принесетъ никакой пользы ихъ отечеству, и что силу одолѣть не возможно, согласились исполнить требованіе Бояръ, которые обѣщали содержать Поляковъ прилично ихъ званію, и по заключеніи мира, возвратить ихъ посламъ, удовлетворивъ всѣ убытки. Имена ихъ записали, и послы возвратились изъ дворца.

21 Іюля явились на посольскій дворъ нѣсколько Бояръ и наши приставы; за ними вели лошадей для принятія тѣхъ особъ, которыхъ они требовали: ихъ было 120 человѣкъ, въ числѣ коихъ находились многіе дворяне: два Пана Стадницкихъ, Панъ Рогановскій, престарѣлый Стеенбахъ и другіе. Распростившись съ послами и поблагодаривъ ихъ за всѣ оказанныя благодѣянія, сіи особы молили именемъ Бога, не покидать ихъ въ злой землѣ и не забыть о нихъ, когда приступятъ къ мирнымъ переговорамъ. Послы обѣщали не предпринимать ничего вреднаго для своихъ собратій; Сенаторовъ же просили, собразно съ волею Великаго Князя, обходиться съ ними, какъ съ Христіанами, и дать имъ приличное содержаніе. Послѣ сего вышеозначенныя лица простились съ горькими слезами; Іезуитъ Саницкій далъ имъ благословеніе; всѣ видѣвшіе сію разлуку плакали неутѣшно. Бояре хотѣли посадить благородныхъ особъ на приведенныхъ лошадей, которыхъ прислалъ,

говорили они, изъ милости Великій Князь; послы не согласились на сіе, и велѣли маршалку отвезти ихъ на собственныхъ повозкахъ. 1606.

Вскорѣ послѣ сего, мы узнали, что Москвитяне сильно вооружаются; мы получали свѣдѣнія большею частію отъ стрѣльцовъ, стоявшихъ у насъ на стражѣ; но вѣсти были несогласны: одни разсказывали, что Великій Князь готовится къ войнѣ съ Турками; другіе же говорили, что какой-то знатный Воевода или Князь, по убіеніи Димитрія, бѣжалъ въ страну Сѣверскую, объявилъ тамъ о смерти его, поклялся жертвовать для блага народнаго самою жизнію, и распустивъ молву, будто бы приверженцы Шуйскаго хотятъ истребить Сѣверянъ, которые первые признали Димитрія, убѣдилъ ихъ возстать на Великаго Князя, а себя провозгласить Государемъ. Иные увѣряли, что самъ Димитрій, коего Шуйскій и Бояре считали мертвымъ, появился въ Сѣверскомъ Княжествѣ, что жители тамошніе снова покорились ему и вознамѣрились оружіемъ возвести его на тронъ. Нѣкоторые наконецъ сказывали намъ, что Сѣверская страна возстала на Бояръ за убіеніе Димитрія и самовольное избраніе Василія Ивановича Шуйскаго Великимъ Княземъ, безъ вѣдома тамошнихъ гражданъ, которые хотѣли возвести на престолъ другаго Князя, имѣвшаго на оный болѣе права. Такимъ образомъ, отъ разно-

*

1606. гласія вѣстей, мы не могли узнать ничего опредѣлительнаго. Видно было однакожь, что Москвитяне боролись съ врагомъ сильнымъ и опаснымъ: ибо, сколько разъ мы ни спрашивали ихъ, кто кого одолѣваетъ, всегда они отвѣчали: *Воры,* т. е. мятежники. Бояре, разбитые на берегахъ Оки, должны были отступить къ столицѣ, куда ежедневно приходили толпы раненныхъ, избитыхъ, изуродованныхъ.

1 Ноября, приставы требовали отъ насъ, именемъ Великаго Князя и всѣхъ Бояръ, нашего оружія, увѣряя, что сіе дѣлается для общей безопасности пословъ и народа. »Мы боимся, говорили они, чтобы вы не вздумали взяться за оружіе, и не дали повода къ страшному кровопролитію«. Послы отвѣчали имъ: »Скорѣе умремъ въ этомъ домѣ, чѣмъ согласимся на такое безчестіе! Не думаете ли выманить у насъ оружіе тѣмъ же коварствомъ, какъ отняли нашихъ братьевъ, чтобы послѣ поступать съ нами какъ вамъ захочется? О народѣ же не безпокойтесь: мы не трогались съ мѣста и не употребляли противъ васъ оружія, когда вы убивали нашихъ единоземцевъ; тѣмъ менѣе теперь захотимъ дѣйствовать непріязненно. Сверхъ того, мы пріѣхали сюда послами: требуемъ, чтобы насъ и отправили какъ пословъ, а не плѣнниками. Вы можете пересказать наши слова Великому Князю и Боярамъ.« Бояре, видя

непреклонную твердость пословъ, запретили 1606.
всѣмъ купцамъ своимъ, подъ тѣлеснымъ наказанiемъ, продавать Полякамъ оружiе, желѣзо, свинецъ, сѣру, порохъ, и велѣли строго наблюдать за ними.

26 Ноября, въ воскресенье, во время обѣдни, ударили въ набатъ: народъ взволновался и бросился къ Кремлю съ ружьями и пищалями. Не зная, что случилось, мы немедленно взялись за оружiе, стали по мѣстамъ подъ начальствомъ своихъ Ротмистровъ, и приготовились мужественно отразить насилiе. Между тѣмъ явились приставы: они убѣждали пословъ быть покойными и ничего не опасаться; когда же спросили, отъ чего волнуется народъ, они отвѣчали, что предъ городомъ показалась толпа самой ничтожной черни, непослушной Великому Князю, и что для усмиренiя оной посылаютъ теперь войско. Мы однако скоро убѣдились, что Бояре имѣли дѣло не съ чернiю, а съ сильнымъ войскомъ, которое обложило Москву, и не взирая на частыя вылазки осажденныхъ, стояло предъ нею цѣлыя пять недѣль, такъ, что въ городѣ уже начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно въ хлѣбѣ, коего мѣра, стоившая прежде 1 грошъ, продавалась по 3 и по 4 гроша. Положенiе столицы было бы еще хуже, если бы Великiй Князь и Бояре, безсильные въ битвахъ, не уловили въ свои сѣти на-

1606. чальника мятежниковъ, именемъ Пашкова [39]). Сей Воевода, обманутый коварными рѣчами и обѣщаніями Бояръ, измѣнилъ своему дѣлу, далъ слово Великому Князю расположить своихъ товарищей такъ, чтобы Москвитяне могли, окруживъ ихъ, побить на голову, и сдержалъ обѣщаніе. Мятежники, замѣтивъ измѣну, обратились въ бѣгство: 5000 лучшихъ воиновъ спаслись; прочіе же, въ числѣ нѣсколькихъ тысячь, были изрублены, лагерь ихъ разграбленъ и сожженъ, а Пашковъ пришелъ въ Москву. Такимъ образомъ сія столица избавилась отъ осады. Въ послѣдствіи многіе Москвитяне говорили, что если бы Пашковъ не оставилъ своихъ товарищей, жители столицы приняли бы его сторону, и что они уже готовы были предаться ему. Это весьма вѣроятно: ибо въ народѣ, утомленномъ осадою, царствовалъ раздоръ.

Вотъ все, что испытали мы и что случилось въ Москвѣ, въ продолженіе нашего плѣна до конца Декабря сего 1606 года. Боже милосердый! дай намъ встрѣтить и провести новый годъ радостно и счастливо!

1 6 0 7 годъ.

Мы встрѣтили новый годъ весьма непріятною перемѣною, которая увеличила тягость нашей неволи: Москвитяне не стали присылать намъ быковъ и назначили отпускать говядину, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ столицѣ нѣтъ рогатаго скота, что его надобно пригонять за сто миль, и что жестокая стужа сего не дозволяетъ. Послы запретили брать приносимое мясо, опасаясь, чтобы не прислали намъ стервы. И такъ цѣлыя 6 недѣль мы оставались безъ говядины: каждый кормилъ самъ себя чѣмъ могъ и какъ умѣлъ; это пощеніе было бы сносно, если бы насъ не посѣтили разныя болѣзни: жестокая головная боль, кашель, ломъ въ членахъ; многіе умерли отъ недуговъ; оставшіеся въ живыхъ терпѣливо переносили страданія, ожидая отъ Бога своего спасенія. 1607.

6 Марта, приставы доставили посламъ письмо отъ старосты Оршинскаго, который увѣдомлялъ ихъ, что Польское Королевство наслаждается миромъ, что Его Величество уже отправилъ пословъ въ Москву, и что ихъ съ часу на часъ ожидаютъ на границѣ. Легко вообразить, какъ обрадовало насъ это извѣстіе: мы узнали истинное положеніе дѣлъ въ Польшѣ и увѣрились, что насъ не забыли, какъ прежде намъ казалось.

1607. 20 Марта, Русскіе послы возвратились изъ Польши въ Москву. Бояре дали знать о семъ посламъ Королевскимъ съ увѣреніемъ, что они помнятъ свое обѣщаніе вступить въ переговоры, или отпустить ихъ, пословъ, въ отечество.

Между тѣмъ, ежедневно доходили до насъ вѣсти, что Воры (мятежники) засѣли въ городахъ Тулѣ и Калугѣ, что они обороняются упорно, что подъ Калугою отъ нечаянныхъ вылазокъ ихъ, днемъ и ночью, погибаетъ много народу, что Царское войско потеряло нѣсколько орудій, отбитыхъ и увезенныхъ мятежниками, и что съ каждымъ днемъ многіе города и крѣпости принимаютъ ихъ сторону, частію силою, частію добровольно.

22 Марта, приставы увѣдомили пословъ, что слуга ихъ Дульскій возвратился изъ Польши въ Россію; а 30 Марта онъ самъ пришелъ къ посламъ и вручилъ имъ письма. Когда же спросили, отъ чего онъ такъ замедлилъ прибытіемъ, Дульскій отвѣчалъ, что Бояре держали его въ дорогѣ около 12 недѣль, стараясь и ласками, и угрозами выманить у него письма и разныя вещи; но что онъ никакъ не соглашался исполнить ихъ требованія; сверхъ того слуга сей объявилъ, что, по милости Небесъ, рокошъ (раздоръ дворянства съ Королемъ) кончился благополучнѣе, чѣмъ ожидали, хотя не льзя было не опасаться бѣдственныхъ послѣдствій: ибо съ

обѣихъ сторонъ вооружилось до 180,000 человѣкъ. 1607.

Послы отправили къ Думнымъ Боярамъ письмо, въ коемъ было сказано, что какъ Его Величество назначилъ въ Москву другаго посла, то они должны быть отправлены въ отечество; но получили въ отвѣтъ, что скоро переговоры Великаго Князя съ Королемъ Польскимъ кончатся къ общему удовольствію. И такъ, сколько ни старались послы просьбами и угрозами открыть себѣ путь въ отечество, всѣ усилія ихъ оставались тщетными.

Между тѣмъ въ Россіи свирѣпствовала война междоусобная; Великій Князь отступилъ отъ Калуги и осадилъ Тулу; мятежники съ своей стороны также оставили Калугу, почти до основанія разрушенную, и заперлись въ Тулѣ, которая имѣла прочныя укрѣпленія. Наши приставы, разсуждая съ послами о сей войнѣ, говорили откровенно, что въ продолженіе внутреннихъ раздоровъ, Шуйскій потерялъ болѣе 100,000 человѣкъ. Эти слова насъ очень удивили: прежде приставы не смѣли молвить слова безъ вѣдома Великаго Князя, и тѣмъ менѣе сказать что либо не въ похвалу ему.

11 Мая, Шуйскій выступилъ изъ Москвы со всѣмъ дворянствомъ и многими гражданами: онъ отправился подъ Тулу, чтобы, взявъ сію крѣпость, покорить потомъ другіе города мя-

1607. тежные; предпріятіе казалось не труднымъ: ибо въ войскѣ его было по крайней мѣрѣ 150,000 человѣкъ; вышло напротивъ: засѣвшіе въ Тулѣ мятежники оборонялись упорно и мужественно. Посему Великій Князь велѣлъ ополчиться всѣмъ Москвитянамъ, которые только могли держать оружіе; самъ возвратился въ Москву, а за нимъ пришло и все войско, которое собирали въ окрестностяхъ столицы, на пространтствѣ 100 или 200 миль, цѣлыя шесть недѣль; потомъ въ Кремлѣ переписали оное и вооружили. При составленіи переписи, каждому ратнику даютъ копѣйку, которую онъ долженъ возвратить по окончаніи похода: такъ узнаютъ число воиновъ [40]. Кто не видалъ своими глазами этого войска, тотъ не повѣритъ, что за народъ собралъ Шуйскій: оно состояло большею частію изъ Татаръ Казанскихъ, которые не только не умѣли стрѣлять, но и ружья никогда въ руки не брали. Видя такую армію, мы увѣрились, что Великій Князь имѣлъ дѣло не съ простыми поселянами.

Купцы, жившіе съ нами на одномъ дворѣ, представили посламъ, что они терпятъ большіе убытки, товары ихъ не продаются и легко могутъ испортиться отъ долговременной увязки, сами же они не имѣютъ средствъ къ пропитанію; почему и просили пословъ исходатайствовать имъ у Великокняжескаго брата, Князя

Дмитрія, вѣрныхъ проводниковъ, съ коими они 1607.
могли бы, какъ торговцы, возвратиться въ Литву, на родину. Послы обѣщали исполнить ихъ желаніе и велѣли самимъ подать просьбу Князю Дмитрію Шуйскому. Но просители долго не могли достигнуть своей цѣли: когда согласились на ихъ желаніе господа послы, отказали Бояре; когда же Бояре согласились, заупрямились послы: обѣ стороны дѣйствовали наперекоръ одна другой; послѣ долговременнаго прѣнія, пришли наконецъ два Боярина, Дьякъ или Вице-Канцлеръ и Корсакъ [41]), которые спрашивали пословъ, отъ имени Князя Дмитрія и всей Боярской Думы, угодно ли имъ согласиться на отправленіе челобитчиковъ, объявивъ притомъ, что Бояре готовы удовлетворить просьбѣ сихъ послѣднихъ. Послы сначала не согласились. »Это значитъ, говорили они, что Бояре долго думаютъ держать насъ здѣсь! Купцы пріѣхали съ нами; должны и выѣхать вмѣстѣ, а не прежде.« Бояре клялись Христомъ-Богомъ, что чрезъ нѣсколько недѣль, послы могутъ отправиться: ибо съ каждымъ днемъ ожидаютъ въ Москвѣ прибытія новыхъ пословъ Королевскихъ. Эта клятва прекратила споръ: купцамъ велѣно готовится въ дорогу.

10 Августа ихъ перевели съ посольскаго двора на *купецкій* дворъ, гдѣ торгуютъ иноземцы: тамъ они пробыли 8 дней, могли закупить

1607. все, что было имъ угодно; наконецъ отправились въ Литву.

25 Сентября, мы видѣли комету: каждую ночь она являлась, чрезъ часъ по захожденіи солнца, на сѣверѣ, и стремилась къ востоку; скрывалась за 2 или за 3 часа до разсвѣта. Впрочемъ не болѣе 11 ночей ее было видно. Время покажетъ, что она предвѣщаетъ. Помилуй насъ, Боже милосердый!

25 Октября въѣхали въ Москву новые послы Королевскіе. Бояре строго приказали караульнымъ стрѣльцамъ наблюдать, чтобы никто насъ не увѣдомилъ о ихъ прибытіи; нашлись однако люди, которые насъ извѣстили. Господа послы сперва не вѣрили сему: и прежде имъ сказали, что пріѣхалъ посолъ Польскій, когда прибылъ Шведскій посланникъ; желая удостовѣриться въ этой молвѣ, они приказали своему трубачу, какъ скоро настанетъ вечеръ и все успокоится, дать сигналъ звукомъ трубы: отвѣта однако не было. Пріѣхавшіе Поляки, имѣя квартиру въ дальнемъ разстояніи отъ посольскаго двора, не разслушали сигнала. Это случилось въ воскресенье. На другой день, также вечеромъ, затрубили уже трое вмѣстѣ: новые послы тотчасъ отвѣчали трубнымъ звукомъ; тогда, наконецъ, мы убѣдились, что насъ не обманули.

Въ сей же день получено извѣстіе о покореніи Тулы, принужденной къ сдачѣ недостат-

комъ съѣстныхъ припасовъ; простымъ рат- 1607.
никамъ Великій Князь даровалъ жизнь, а двухъ главныхъ мятежниковъ отправилъ въ Москву плѣнниками. Ихъ привезли торжественно 20 Октября: главный назывался Ѳедоровичемъ потому, что онъ выдавалъ себя за сына Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича; товарищъ его и Воевода былъ Болотниковъ [42].

Народъ толпился по улицамъ, когда ввозили ихъ въ городъ; двое изъ нашихъ видѣли торжество Москвитянъ, когда ходили въ рынокъ для закупки разныхъ вещей; приставы и стрѣльцы провели ихъ въ толпу народную посмотрѣть на измѣнниковъ, только тайно, и повидимому съ великимъ опасеніемъ, а въ самомъ дѣлѣ водили ихъ для того, чтобы они пересказали посламъ, какъ удачно идутъ дѣла Великаго Князя. Послы, однако, тотчасъ догадались, что не сіи два плѣнника были виновниками страшнаго мятежа и войны кровопролитной, а другіе люди; Бояре же радуются и торжествуютъ, только для того, чтобы ослѣпить чернь и увѣрить пословъ въ силѣ Великаго Князя, успѣвшаго управиться съ врагами и мятежниками: т. е. имъ хотѣлось заставить Поляковъ быть уступчивѣе и миролюбивѣе. Когда же мы спросили стрѣльцовъ, совершенно ли прекратилась въ Россіи война междоусобная, нѣкоторые изъ нихъ сказали за тайну, что имъ сіе не извѣстно, и что главный

1607. бунтовщикъ, единственный виновникъ всему злу, бѣжалъ въ Польшу, гдѣ собравъ силы, если можно, опять придетъ въ Россію. Каждый день приносили намъ новыя вѣсти, но большею частію невѣроятныя.

8 Ноября, приставы принесли открытое письмо на Русскомъ языкѣ отъ недавно прибывшихъ пословъ Польскихъ Стенцеля Витовскаго и Яна Соколенскаго: они увѣдомляли Пановъ Гонсѣвскаго и Олесницкаго, что Его Величество съ супругою, юнымъ Принцемъ и Принцессою пользуются вожделѣннымъ здравіемъ, что Королевство наслаждается миромъ и спокойствіемъ, что жены, дѣти, и знакомые ихъ, господъ пословъ, также находятся въ добромъ здоровьи; касательно же прочихъ дѣлъ, они теперь не упоминаютъ, надѣясь при личномъ свиданіи объясниться объ оныхъ словесно. Это письмо весьма насъ обрадовало: мы надѣялись скоро вырваться изъ неволи. Господа послы тотчасъ написали отвѣтъ по-Русски[1], и просили приставовъ исходатайствовать дозволеніе у Князя Дмитрія доставить оное вновь пріѣхавшимъ посламъ: приставы обѣщали исполнить сію просьбу.

10 Ноября, Великій Князь возвратился въ Москву со многими Боярами и другими сановниками; лошадей подъ ними было до 2000. Его встрѣтили Бояре и знатнѣйшіе купцы. Онъ сидѣлъ одинъ въ колесницѣ, покрытой краснымъ

шарлахомъ и запряженной цугомъ въ 4 бѣлыя 1607.
лошади. Недалеко отъ дворца, онъ слѣзъ съ колесницы и шелъ пѣшкомъ между Боярами, встрѣтившими его у Кремлевскаго моста. Въѣздъ былъ не пышный; только звонили въ колокола, и то не ладно. Лучше всего встрѣтили Великаго Князя наши послы, которые едва завидѣли его вдалекѣ, тотчасъ велѣли играть на трубахъ и бить въ барабаны: наша музыка не умолкала, пока онъ не вошелъ во дворецъ.

12 Ноября Великій Князь опять выѣхалъ изъ Москвы въ монастырь, именуемый Св. Троицею. Въ тотъ же день пришли къ посламъ приставы съ увѣдомленіемъ, что Царь отправился только на нѣсколько дней для богомолья, и что по возвращеніи своемъ, онъ немедленно приступитъ къ переговорамъ, и отпуститъ пословъ съ честію.

17 Ноября. Царь, совершивъ набожное путешествіе, возвратился въ Москву.

20 Ноября приставы извѣстили насъ, что Великій Князь назначилъ сей день для пріема новыхъ пословъ Королевскихъ, и обѣщали дать намъ знать, чѣмъ кончится аудіенція. Мы видѣли пословъ, когда они ѣхали во дворецъ: наши послы привѣтствовали ихъ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ; мы же, въ изъявленіе радости, махали имъ шапками. Впереди пословъ несли торжественно дары Королевскіе: зо-

1607. лотой столикъ съ образомъ Богоматери и нѣсколько серебряныхъ вызолоченыхъ сосудовъ; Король прислалъ сверхъ того 4 красивыя Турецкія лошади. Аудіенція происходила такимъ образомъ: сначала сказалъ Панъ Стенцель Витовскій:

»Всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ третій, Божіею милостію, Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Самогитскій, Волынскій, Подольскій, Подляхскій, Лифляндскій, Эстляндскій, Наслѣдникъ Шведскій, Готѳскій, Вандальскій, Герцогъ Финляндскій и прочая — Василію Ивановичу, Божіею милостію Великому Князю всея Руси, Князю Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и многихъ иныхъ земель обладателю, посылаетъ свой поклонъ и привѣтствіе. Всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, Вамъ, Великій Князь Василій Ивановичъ! повелѣлъ сказать: Вы извѣстили Его Величество, письменно и словесно, чрезъ посла Вашего Князя Григорія Константиновича Волконскаго, Старосту Телетевскаго и Дьяка Андрея Иванова, что Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, бѣжавшій изъ Москвы въ Польское Королевство и тамъ выдавшій себя за сына Великаго Князя Ивана Васильевича, за Димитрія

Углицкаго, увѣривъ Короля въ истинѣ словъ 1607.
своихъ, получилъ какъ отъ Его Величества, такъ и Польскихъ вельможъ, войско, деньги и всякое вспоможенie; что Государь нашъ, вопреки мирному договору и клятвенному обѣщанiю, послалъ съ нимъ въ предѣлы Московскie, въ Княжество Сѣверское, знатнѣйшихъ Совѣтниковъ своихъ, Георга Мнишка, Воеводу Сендомирскаго, Михайла Раданскаго, Старосту Острокскаго, и многихъ другихъ Пановъ Польскихъ и Литовскихъ; что Гришка, опустошивъ Русскую землю и проливъ множество крови, овладѣлъ престоломъ Московскимъ, а дочь Воеводы Сендомирскаго взялъ за себя; что вы, Великiй Князь, вступивъ послѣ того на престолъ, оказали во время бунта защиту подданнымъ Его Величества, не давъ народу ихъ убить, а имѣнie разграбить; что всѣ они отпущены въ Литву и Польшу, исключая главныхъ виновниковъ зла, поссорившихъ Москву съ Польшею, и пословъ Его Величества Николая Олесницкаго, Кастеляна Малаговскаго, и Александра Корвина Гонсѣвскаго, Камергера и Секретаря Его Величества, Старосту Велижскаго, и что, по совѣту и приговору Бояръ, Вы рѣшились отправить къ нашему Государю пословъ, для увѣдомленiя обо всемъ этомъ Польское Правительство. Сверхъ того Вы желали, чтобы Король назначилъ сановниковъ для разсужденiя о тѣхъ дѣлахъ, кото-

1607. рыя подробно изложены Вашими послами.«

»Его Величество, Всемилостивѣйшій Государь нашъ, продолжалъ Панъ Соколенскій, въ качествѣ посла Великаго Княжества Литовскаго, повелѣлъ сказать вамъ, Василій Ивановичъ! Когда какой-то Москвитянинъ явился въ странѣ Польской и назвалъ себя Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ, сыномъ Ивана Васильевича и законнымъ наслѣдникомъ Государства Московскаго, толпы единоземцевъ Вашихъ бросились къ нему изъ Русскихъ городовъ и крѣпостей, признали его истиннымъ Государемъ, служили ему и оказывали Царскія почести, хотя онъ былъ еще бѣднымъ странникомъ. Наши, видя сіе, повѣрили не столько словамъ его, сколько свидѣтельству преданныхъ ему Москвитянъ, и по Христіанскому состраданію, оказали ему всевозможныя ласки и вспоможеніе. Между тѣмъ онъ послалъ въ Россію своихъ приверженцевъ разсказать о себѣ въ разныхъ мѣстахъ и развѣдать, что думаютъ прочіе Москвитяне и признаютъ ли его своимъ Государемъ; когда же увѣрился, что всѣ готовы покориться ему, онъ убѣдилъ Георга Мнишка, Воеводу Сендомирскаго, проводить его съ небольшею дружиною, — а не съ войскомъ, до Русскихъ предѣловъ, сказывая, что тамъ всѣ присягнутъ ему добровольно. Его Величество ничего не зналъ о семъ, не помогалъ Димитрію ни войскомъ, ни казною, и даже

строго, съ гнѣвомъ, приказалъ Воеводѣ возвратиться изъ Россіи, лишь только свѣдалъ о его поступкѣ [43]). Панъ Воевода немедленно исполнилъ Королевское повелѣніе: всѣ Поляки оставили Димитрія, исключая сотни Казаковъ и другихъ своевольниковъ. Вскорѣ послѣ того, сами Москвитяне провозгласили его своимъ Государемъ, возвели на престолъ, короновали, присягнули ему, однимъ словомъ, поступили такъ, какъ всегда поступаютъ подданные. Можете ли вы обвинять теперь нашего Всемилостивѣйшаго Государя и нашихъ единоземцевъ въ нарушеніи мира? Народъ Московскій самъ началъ, самъ и кончилъ! Возведенный вами на престолъ, Димитрій прислалъ къ Его Королевскому Величеству Аѳанасія Власьева, для заключенія вѣчнаго союза противъ язычниковъ и всѣхъ враговъ Христіанскаго имени; а Государь нашъ отправилъ къ нему Старосту Велижскаго, для довершенія сего дѣла и для условія, какимъ образомъ одолѣть общаго врага Христіанства. Между тѣмъ, по словамъ вашимъ, Димитрія не стало.... Если онъ не былъ истиннымъ сыномъ Великаго Князя Ивана Васильевича, зачѣмъ же вы признали его Государемъ, возвели на престолъ и короновали? Въ этомъ трудно обвинить подданныхъ Его Королевскаго Величества! Да нельзя упрекать и васъ, Москвитяне: все было дѣломъ Божіяго промысла! Его десница все 1607.

*

1607. устроила: иначе какъ могло случиться, чтобы Москвитяне сами своего единоземца провозгласили Государемъ, возвели на тронъ, посадили, короновали, явили всѣ знаки преданности и умертвили? Все это извѣстно одному Богу, Коего дѣла непостижимы! Но въ то же время, въ самой столицѣ, когда наши единоземцы покоились глубокимъ сномъ, полагаясь на увѣренія въ дружбѣ и пріязни, вы предали злой смерти многихъ подданныхъ Его Величества, совершенно невинныхъ, а имѣніе и добро ихъ расхитили; Воеводу же Сендомирскаго, дочь его, друзей его, и многихъ другихъ подданныхъ Королевскихъ, пріѣхавшихъ сюда по просьбѣ покойнаго Государя, вы заключили въ темницы и доселѣ держите какъ плѣнниковъ. Этого мало: вы задержали самихъ пословъ Королевскихъ, чего не дѣлаютъ ни язычники, ни варварскіе народы! Въ слѣдствіе сего, Король, Всемилостивѣйшій Государь нашъ, прислалъ насъ сюда, объявить Вамъ, Великому Князю Ивану Васильевичу, отъ имени Его Величества, всей Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, чтобы послы Королевскіе, Панъ Николай Олесницкій, Кастелянъ Малаговскій, и Панъ Александръ Корвинъ Гонсѣвскій, Староста Велижскій, также Георгъ Мнишекъ, Воевода Сендомирскій, дочь его и всѣ пріятели, вступившіе въ Россію не врагами, а друзьями, по просьбѣ и желанію

прежняго Государя Вашего, равнымъ образомъ всѣ подданные Его Величества и нѣсколько знатныхъ купцовъ изъ областей Императора Рудольфа II, брата и шурина Королевскаго, въ особенности же Андреасъ Натанъ и его товарищи, чтобы всѣ сіи лица были отправлены въ Польшу немедленно, съ честію и вѣрными проводниками; за убытки же, ими понесенные, Король требуетъ вознагражденія, а за смерть своихъ подданныхъ, расправы и наказанія виновниковъ. А какъ сверхъ того, въ прежнее время, многіе купцы Польскіе и Литовскіе, задержанные въ Москвѣ, лишились своихъ товаровъ, какъ и въ нынѣшнемъ случаѣ, (съ Вашего ли вѣдома или нѣтъ, Король оставляетъ сіе безъ изслѣдованія); то мы надѣемся, что согласно съ справедливостію, за всѣ товары, взятые у сихъ людей въ казну при прежнихъ Великихъ Князьяхъ Иванѣ Васильевичѣ, Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Ѳеодовичѣ и Димитріи Ивановичѣ, вы заплатите цѣну оныхъ и вознаградите убытки; этого требуетъ самая справедливость: ибо въ областяхъ Королевскихъ трое Московскихъ купцовъ, на основаніи мирнаго договора, торгуютъ свободно, безъ всякой обиды.» 1607.

»Всемилостивѣйшій Государь! (сказалъ въ заключеніе первый посолъ, Панъ Витовскій) товарищъ мой объяснилъ главную цѣль нашего прибытія: мы просимъ отпустить въ оте-

1607. чество пословъ Королевскихъ, Воеводу Сендомирскаго съ его дочерью и друзьями, также всѣхъ подданныхъ Его Величества и купцовъ иноземныхъ, со всѣмъ добромъ ихъ и товарами. Сверхъ того намъ велѣно, прежде всякихъ переговоровъ, объясниться съ великими послами Его Величества и съ Воеводою Сендомирскимъ; посему, да будетъ намъ позволено переговорить съ ними о необходимыхъ дѣлахъ, и потомъ условиться съ вашими совѣтниками.« Сказавъ сіе, послы представили подарки, и возвратились на свой дворъ.

Между тѣмъ у насъ случилось слѣдующее: принесли въ нашу кухню весьма негодной баранины и одного барана до крайности тощаго; поваръ взялъ его, закололъ и съ досады повѣсилъ на воротахъ, на улицу. Приставы, увидѣвъ сіе, тотчасъ поскакали во Дворецъ и тамъ объявили, что на посольскомъ дворѣ презираютъ кормъ Великокняжескій, что за воротами посольскими виситъ баранъ для насмѣшки. (Послы вовсе ничего не знали о поступкѣ повара.) Вскорѣ они возвратились съ увѣдомленіемъ, что на другой день утромъ пріѣдутъ къ посламъ два Боярина отъ Великаго Князя: мы обрадовались этому извѣстію, надѣясь узнать, какъ приняты новые послы Королевскіе.

21 Ноября, явились съ приставами два Боярина Андрей * * * и Чепчуговъ, которые ска-

зали посламъ, что Великій Князь весьма не до- 1607.
воленъ ихъ насмѣшками, что никакой посолъ не долженъ оказывать такой невѣжливости Его Царскому Величеству. Удивленные послы отвѣчали, что они вовсе ничего не знаютъ о висѣвшемъ за воротами баранѣ, и что если сіе дѣйствительно случилось, то совершенно безъ ихъ вѣдома и приказанія, въ чемъ призывали свидѣтелемъ самого Бога. »Зачѣмъ не сказали вы намъ прежде, говорили они приставамъ, если вы видѣли то, о чемъ донесли Боярамъ? тогда вы узнали бы, съ нашего ли согласія это сдѣлано. Мы вовсе не участвовали въ семъ дѣлѣ; виновникъ будетъ наказанъ; а Великій Князь, мы надѣемся, извинитъ насъ и не вмѣнитъ сего случая намъ въ насмѣшку или невѣжливость.« Бояре объявили сверхъ того: »Новые послы представили свои вѣрющія грамоты, въ коихъ ни слова о васъ не сказано; они присланы не къ вамъ, а къ Великому Князю для переговоровъ; посему вамъ надобно ждать, когда оные кончатся и дѣла будутъ приведены въ порядокъ.« »Если дѣйствительно такъ, отвѣчали послы, и намъ здѣсь дѣлать нечего, мы хотимъ возвратиться къ Его Королевскому Величеству. Если же, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ, намъ будетъ отказано въ семъ требованіи, клянемся нашимъ Богомъ, что мы отправимся въ путь, сами собою, торжественно, и въ случаѣ

1607. какого либо насилія, скорѣе умремъ, нежели останемся въ неволѣ. Мы рѣшились непремѣнно исполнить свое намѣреніе: скажите объ этомъ Великому Князю!« Бояре возвратились во Дворецъ; а Великій Князь, между тѣмъ, далъ повелѣніе отпускать намъ въ половину менѣе, противъ прежняго, съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Это еще болѣе убѣдило пословъ привести въ дѣйствіе задуманное предпріятіе: призвавъ приставовъ, они сказали имъ, что завтре, рано утромъ, ѣдутъ въ Польшу, ибо видятъ, что ихъ уже не признаютъ послами, о чемъ просили объявить Боярамъ; а насъ убѣждали примириться съ Богомъ и быть готовыми вырваться изъ темницы, или испить смертную чашу, если Москвитяне захотятъ употребить силу. Мы были согласны; всю ночь провели въ молитвѣ и пріобщились Св. Таинъ.

22 Ноября, за два часа до разсвѣта, послы приказали укладывать вещи и запрягать лошадей. Ночевавшій тогда въ нашемъ домѣ приставъ, увидѣвъ, что мы сбираемся въ путь, просилъ у пословъ дозволенія повидаться и переговорить съ ними; послы согласились; приставъ приходитъ къ намъ и видитъ всѣхъ насъ вооруженными съ головы до ногъ: это его чрезвычайно перепугало; онъ молитъ пословъ оставить ихъ намѣреніе, увѣряя, что отъ сего добра не будетъ, и произойдетъ страшное кровопролитіе.

»Вы можете дѣлать, что вамъ угодно, отвѣчали послы; мы ѣдемъ! Если же станете насъ удерживать силою, мы проложимъ путь оружіемъ, и охотнѣе погибнемъ, чѣмъ останемся въ этой темницѣ!« Видя, что дѣло пошло не на шутку, приставъ просилъ по крайней мѣрѣ подождать отзыва Бояръ, и ускакалъ во дворецъ. Мы же стали по мѣстамъ подъ начальствомъ назначенныхъ Капитановъ, ожидая, чѣмъ кончится тревога. 1607.

Вскорѣ явились всѣ наши приставы: ихъ было трое; съ ними пришелъ одинъ гражданинъ, который сказалъ посламъ: »Граждане Московскіе поручили мнѣ просить васъ оставить ваше намѣреніе; всѣ мы оплакиваемъ упорство ваше, предчувствуя, что отъ него возгорится война между Россіею и Польшею; мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ, что необузданная чернь найдетъ случай къ грабежу; а если вы вздумаете обороняться, ударятъ въ набатъ и начнется страшное кровопролитіе.« Послы возразили на сіе: »Не мы начнемъ! Если насъ не будутъ удерживать, мы ни однимъ словомъ не оскорбимъ гражданъ, не тронемъ послѣдней собаки; если же народъ рѣшится употребить силу, станемъ обороняться до послѣдней капли крови: мы пріѣхали послами, хотимъ и выѣхать также. Извѣстите гражданъ о нашемъ отвѣтѣ!« Москвитянинъ обѣщалъ все пересказать народу и донести самому Великому Князю; между тѣмъ про-

1607. силъ пословъ на минуту успокоиться, раскланялся и уѣхалъ. Вскорѣ послѣ того, пришелъ сановникъ отъ Великокняжескаго Канцлера; онъ заговорилъ было гордо и дерзко; послы тотчасъ его остановили: »Кто прислалъ тебя?« спросили они. »Великій Канцлеръ.» «Знаетъ ли Великій Князь?» «Нѣтъ.« »Такъ нечего съ тобою и время терять, если ты пришелъ не отъ Государя! сказали послы; мы пріѣхали къ Великому Князю, а не къ Канцлеру. Извѣсти о семъ того, кто прислалъ тебя, и скажи, что если чрезъ часъ не явятся къ намъ два Думные Боярина съ отвѣтомъ Великаго Князя, мы садимся въ повозки и отправляемся. Пусть узнаютъ о семъ граждане!« Съ этимъ словомъ, послы вышли къ воротамъ; за ними пошли и мы, имѣя въ рукахъ ружья, сѣкиры, пистолеты, также и знатнѣйшіе дворяне, вооруженные саблями. Каждый изъ насъ приготовился къ битвѣ; послы запретили намъ стрѣлять, доколѣ не дадутъ платкомъ сигнала; особенно же удерживали гайдуковъ, коихъ было до 20 человѣкъ. Москвитяне, собравшіеся у воротъ многочисленными толпами, увидѣвъ нашихъ въ грозномъ вооруженіи, сначала испугались; однакожъ направили на насъ свои длинныя ружья и тѣмъ еще болѣе раздражили Поляковъ; мы взвели курки и хотѣли палить: приставы бросились въ средину между обѣими сторонами, умоляя пословъ, ради

Бога, успокоиться на минуту, и дождаться Боярскаго отвѣта; послы съ трудомъ укротили своихъ людей, но въ то же время объявили народу, что побудило ихъ къ отъѣзду (народъ впрочемъ отъ испуга ничего не слыхалъ), и отошли отъ воротъ со всею свитою, ожидая, что скажутъ Бояре. Чрезъ нѣсколько минутъ прискакалъ изъ дворца нашъ приставъ, съ увѣдомленіемъ, что за нимъ ѣдутъ два Думные Боярина: въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ пріѣхалъ дворецкій Артамонъ Михайловъ съ главнымъ секретаремъ, и объявилъ посламъ отъ имени Великаго Князя, что Царь не замедлитъ отпустить ихъ въ отечество съ другими послами и будетъ содержать ихъ по прежнему; въ удостовѣреніе же сего, призываетъ въ свидѣтели самого Бога. Послы, выслушавъ клятвенное обѣщаніе Великаго Князя, долго совѣтовались другъ съ другомъ; наконецъ возвратились въ домъ, и все успокоилось. Такъ, благодаря Всевышнему, кончилось это смятеніе! Намъ стали отпускать съѣстныхъ припасовъ вдоволь и еще лучше прежнихъ. 1607.

23 Ноября, послы призвали приставовъ, и Панъ Олесницкій сказалъ имъ: »Благодаримъ Промыслъ Всевышняго, располагающаго дѣлами и поступками людей, за благополучное окончаніе вчерашняго предпріятія нашего! Благодаримъ и Великаго Князя, давшаго обѣщаніе отпустить насъ въ отечество. Просимъ у него дозволенія

1607. повидаться съ послами Его Королевскаго Величества; если же сіе не возможно, по крайней мѣрѣ, да будетъ имъ дозволено доставить намъ письма, которыя они привезли изъ Польши. Сверхъ того намъ нужно купить лошадей и разныя необходимыя вещи для дороги.« Приставы съ своей стороны также благодарили Бога, все кончившаго благополучно; о желаніи же пословъ обѣщали донести Государю, и съ тѣмъ уѣхали во дворецъ.

2 Декабря, Великій Князь угощалъ во дворцѣ вновь прибывшихъ пословъ Королевскихъ; пиръ продолжался 4 часа съ половиною.

5 Декабря, господа послы и всѣ мы получили позволеніе закупить лошадей; въ свиданіи же съ новыми послами отказано; только обѣщано прислать немедленно письма, о коихъ мы просили.

8 Декабря, посламъ доставлено тайно письмо отъ новыхъ пословъ, которые увѣдомляли ихъ о бывшей аудіенціи, и тѣмъ очень обрадовали: наши господа послы удивлялись только, что они должны вести переговоры; но каждый легко могъ разрѣшить загадку: нашимъ посламъ извѣстнѣе было положеніе всѣхъ дѣлъ въ Россіи.

22 Декабря, новые послы опять были во дворцѣ; Бояре хотѣли знать содержаніе ихъ посольства: послы хотя могли бы начать переговоры безъ Пановъ Малаговскаго и Гонсѣвскаго,

но рѣшительно отказали въ требованіи Бояръ, 1607.
объявивъ, что по волѣ Короля, они не приступятъ ни къ какому разсужденію безъ своихъ товарищей. »Мы можемъ объяснить только нѣкоторыя условія наши: если великіе послы Королевскіе съ Воеводою Сендомирскимъ, дочерью его и родными, также всѣ подданные Его Величества, прибывшіе въ Москву на свадьбу прежняго вашего Государя, а не для войны, равнымъ образомъ всѣ торговцы, по сему же случаю къ вамъ пріѣхавшіе, если всѣ сіи особы не будутъ немедленно отправлены къ предѣламъ Польскимъ, съ честію и въ довольствѣ, да будетъ вамъ извѣстно, что Государь нашъ намѣренъ оружіемъ выручить ихъ изъ неволи. Теперь дѣлайте, что хотите!«

Великій Князь, узнавъ отъ Бояръ, что говорили послы, закипѣлъ гнѣвомъ, тотчасъ приказалъ возвратить имъ подарки и сказать, что они могутъ ѣхать обратно къ своему Королю, если не хотятъ объявить, за чѣмъ пріѣхали. »Мы поднесли дары Великому Князю, отвѣчали послы, не для того, чтобы намъ возвращали ихъ, или чтобы насъ отдаривали: мы представили оные изъ одной дружбы и добровольно. Если же Великому Князю сіе не угодно, пусть будетъ такъ! Мы готовимся къ отъѣзду.« Свитѣ приказано было собираться въ путь; цѣлую ночь мы укладывали всѣ вещи, и къ утру послы

1607. были готовы отправиться. Когда донесли о семъ Великому Князю, онъ прислалъ нѣсколько Бояръ объявить посламъ, что Государь жалуетъ ихъ своею милостію, и что завтра они могутъ во дворцѣ приступить къ совѣщаніямъ съ великими послами. Коней отложили.

25 Декабря, наши послы получили приглашеніе въ слѣдующій день пожаловать во дворецъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ съ Боярами. Приставы нарядились въ парчевые кафтаны (сіи кафтаны выдаются имъ на торжественные случаи изъ казны, куда по минованіи надобности, опять возвращаются), и проводили пословъ до Золотой палаты: тамъ они были приняты Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ и многими знатными Боярами, которые отъ имени Великаго Князя объявили, что Государь жалуетъ ихъ и дозволяетъ имъ переговорить съ новыми послами. Наши господа поблагодарили Бояръ и чрезъ четверть часа увидѣли своихъ единоземцевъ: свиданіе было самое радостное. Послы говорили другъ съ другомъ около 4 часовъ; наши узнали, между прочимъ, о бывшемъ въ Польшѣ великомъ несогласіи между Королемъ и дворянствомъ: раздоръ дошелъ до того, что обѣ стороны вступили въ битву; около 600 человѣкъ пало на мѣстѣ сраженія; виновники вражды спаслись бѣгствомъ въ чужія страны; а въ Королевствѣ водворилось спокойствіе. Раз-

сказывали намъ много и другихъ вѣстей. Мы 1607.
же описывали свою неволю, скуку, горесть, бѣдствіе и проч. Великій Князь, между тѣмъ, приказалъ поднести намъ разныхъ напитковъ, дорогихъ медовъ и Нѣмецкаго пива. Послы, наговорившись вдоволь, подозвали знатнѣйшихъ Бояръ и объявили, что они кромѣ представленной грамоты, имѣютъ еще другую—вѣрительную, и что въ переговорахъ должны участвовать, согласно съ волею Короля, всѣ послы, и прежніе и вновь прибывшіе. Бояре сказали о семъ Великому Князю, который велѣлъ отвѣчать, что онъ согласенъ на такое предложеніе и что назначено будетъ время и мѣсто для поднесенія упомянутой грамоты. Послы откланялись и возвратились въ свои домы.

29 Декабря, приставы объявили нашимъ посламъ, что въ слѣдующій день они увидятъ очи Великаго Князя, и должны представить грамоту, но безъ участія новыхъ пословъ. Наши не согласились: начались споры, прѣнія, посылки къ Боярамъ. Наконецъ явился Михайло Борисовичь Сукинъ съ Дьякомъ Андреемъ, и объявилъ, что какъ новые послы уже представили свои грамоты, а прежніе тогда не присутствовали на аудіенціи, то и не льзя начинать конченнаго дѣла. Наши никакъ не хотѣли отступить отъ своихъ инструкцій, и ссылаясь на обѣщаніе Великаго Князя, объявили рѣшительно, что

1608. безъ товарищей они своей грамоты не представятъ.

Такъ провели мы 1607 годъ; чѣмъ все это кончится, одно время откроетъ. Боже милосердый! ради Христа Спасителя, прекрати наши страданія, разсѣй нашу скуку, горесть, и даруй намъ ту свободу, которою въ отечествѣ мы наслаждались!

1608.

1 Января. Наши господа послы отправили къ Великому Князю и Боярамъ письмо, коимъ увѣдомляя, что безъ участія своихъ товарищей, согласно съ волею Короля, они не могутъ представить вѣрительной грамоты, ни приступить къ какимъ либо совѣщаніямъ, просили убѣдительно размыслить, сколь бѣдственныя слѣдствія должны произойти отъ упорства Бояръ. »Не ждите, сказано было въ письмѣ, третьяго посольства: оно не принесетъ вамъ ничего добраго! Мы предостерегаемъ васъ въ послѣдній разъ: не станемъ болѣе писать къ вамъ; будемъ ждать, пока самъ Король насъ не освободитъ.«

Съ сихъ поръ Великій Князь и Бояре изыскивали всѣ пути, какимъ бы образомъ убѣдить новыхъ пословъ къ переговорамъ, безъ участія прежнихъ. Для сего звали ихъ опять во дво-

рецъ; послы сперва не соглашались; наконецъ рѣшились узнать, чего хотятъ Москвитяне, и поѣхали. Бояре, указавъ имъ на то мѣсто Королевской грамоты, гдѣ было сказано: »Государь Московскій можетъ вѣрить всѣмъ словамъ и дѣйствіямъ пословъ Его Королевскаго Величества« говорили, что это разумѣется только о послахъ вновь прибывшихъ, что о прежнихъ великихъ послахъ въ сей грамотѣ вовсе не упомянуто, и что Государь удивляется, почему послы, имѣя полномочіе, не хотятъ приступить къ переговорамъ. »Такъ! отвѣчали послы, въ Королевской грамотѣ сказано, что вы должны вѣрить всѣмъ нашимъ словамъ и дѣйствіямъ; но вамъ уже извѣстно наше первое предложеніе: согласитесь на оное! иначе мы не станемъ ничего дѣлать.« Тѣмъ и кончилась конференція: послы возвратились въ свой домъ.

8 Января, Бояре пришли къ нашимъ посламъ, стараясь хитрыми и льстивыми рѣчами убѣдить ихъ къ начатію переговоровъ; но и въ этомъ не успѣли 44).

КОНЕЦЪ

ЗАПИСКАМЪ ГЕОРГА ПАЕРЛЕ.

РОЗЫСКЪ

О

СМЕРТИ

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ

УГЛИЦКАГО,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ИЗЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ АКТОВЪ И

СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

РОЗЫСКЪ
О
СМЕРТИ
ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ УГЛИЦКАГО.

Разсматривая любопытнѣйшій періодъ нашей Исторіи—смутное время Самозванцевъ, мы видимъ, что всѣ событія сего періода были слѣдствіями несчастной кончины девятилѣтняго отрока, Царевича Димитрія. Вотъ главное звѣно, соединяющее необозримую цѣпь дѣяній, славныхъ и безславныхъ, коими ознаменовано въ Россіи первое десятилѣтіе XVII вѣка! Сколь ни достопамятно однако это событіе, до сихъ поръ оно остается загадкою для потомства; нѣтъ сомнѣнія, что Царевичъ погибъ въ Угличѣ 15 Мая 1591 года, девяти лѣтъ отъ роду: въ этомъ удостовѣряютъ свидѣтельства неоспоримыя *);

*) Свидѣтельства Бера и Петрея. См. I часть Сказ. соврем. о Димитр. Самозв. стр. 102—105 и прим. 84.

но еще не рѣшено, кто былъ виновникомъ его кончины. Съ одной стороны, общій голосъ приписываетъ ее Борису Годунову; съ другой, многія обстоятельства оправдываютъ сего знаменитаго мужа.

Исторіи, казалось бы, давно уже надлежало разрѣшить столь важный вопросъ, отъ коего зависитъ слава и безславіе одного изъ величайшихъ древнихъ нашихъ вѣнценосцевъ; но до сихъ поръ мы теряемся въ однѣхъ догадкахъ, и не утомляя себя изслѣдованіями, вѣримъ на слово краснорѣчивымъ разсказамъ новѣйшихъ Бытописателей, не всегда подкрѣпленнымъ доказательствами. Читатель размышляющій вѣроятно пожелаетъ узнать, почему приписываютъ Годунову смерть Царевича, и вообще какія мы имѣемъ свидѣтельства о семъ событіи.

Для такого ума любопытнаго, соберемъ все, что говорятъ о смерти Димитрія современники, и обратимъ вниманіе его во 1) на показанія тѣхъ лицъ, которыя были въ Угличѣ во время смерти Димитрія: сіи показанія заключаются въ актахъ Государственныхъ, Углицкомъ розыскѣ и въ грамотахъ Царицы, Димитріевой матери; во 2) на извѣстія современныхъ писателей Русскихъ, и въ 3) на сказанія иноземцевъ. Предложимъ все дѣло словами свидѣтелей, съ немногими замѣчаніями, но безъ рѣшительнаго съ своей стороны приговора, ко-

торый, разумѣется, не можетъ имѣть вѣса, когда и Карамзинъ не успѣлъ разгадать истину *).

I.

АКТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ.

Въ Государственномъ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ хранится въ подлинникѣ *Слѣдственное дѣло* о смерти Димитрія, составленное въ Угличѣ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ (бывшимъ послѣ Царемъ), Окольничимъ Клешнинымъ и Дьякомъ Вылузгинымъ, производившими слѣдствіе по Царскому повелѣнію Государя Ѳеодора Іоанновича, брата Димитріева **). Въ семъ драгоцѣнномъ актѣ изложены допросы слѣдователей и отвѣты разныхъ лицъ, могшихъ объяснить смерть Царевича. Содержаніе онаго есть слѣдующее:

---

*) См. Сѣверный Архивъ 1825 года часть XIII и Московскій Вѣстникъ 1829 г. часть III.

**) Оно писано на столбцѣ, премя различными почерками, на 58 небольшихъ листкахъ, одинъ къ другому приклеенныхъ, и напечатано съ дипломатическою точностію въ Собраніи Государствен. грамотъ, изданныхъ Графомъ Румянцовымъ (во II части подъ No 60), съ вѣрными снимками 22 подписей или рукоприкладствъ тѣхъ лицъ, которыя давали отвѣты Князю Шуйскому.

19 Мая 1591 года (т. е. въ четвертый день послѣ несчастнаго происшествія), Шуйскій пріѣхалъ въ Угличъ съ Окольничимъ Клешнинымъ и Дьякомъ Вылузгинымъ, для изслѣдованія: a) какимъ образомъ не стало Царевича, и b) кѣмъ и за что убиты Дьякъ Битяговскій, управлявшій хозяйствомъ Царицы, сынъ его Данило, сынъ Царевичевой мамки Боярыни Василисы Волоховой—Осипъ, Никита Качаловъ, Данило Третьяковъ, и нѣсколько посадскихъ людей? При допросахъ показали:

1) *Михайло Нагой* (братъ Царицы, матери Димитріевой): »Мая въ 15 день въ субботу, въ 6 часу дня, зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ, а онъ, Михайло, въ тѣ поры былъ у себя на подворьи и чаялъ онъ того, что горитъ. . . . . . бѣжалъ къ Царевичу на дворъ, а Царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ, да Никита Качаловъ, да Данила Битяговскій, и пришли на дворъ многіе посадскіе люди, а *Михайло* Битяговскій пріѣхалъ тутожъ на *дворъ*, и Михайла Битяговскаго и сына его Данила и тѣхъ всѣхъ людей, побили черные; а онъ, Михайло Нагой, посадскимъ всякимъ людямъ побити ихъ не веливалъ, а былъ онъ все у Царицы, а посадскіе люди сбѣжались на звонъ«....

2) *Григорій Нагой* (братъ Царицы): »Мая въ 15 день, въ субботу, поѣхали они, Михайло братъ его, да онъ, Григорій, къ себѣ на под-

ворье обѣдать; и только они пришли на подворье, ажно зазвонили въ колокола, и чаяли они, что загорѣлось, и прибѣжали на дворъ, ажно Царевичь Дмитрій лежитъ, набрушился самъ ножемъ въ падучей болѣзни, что и прежъ того на него болѣзнь была; а какъ они пришли, а Царевичъ еще живъ былъ и при нихъ преставился. А Михайло Битяговскій былъ у себя на подворьи и прискакалъ къ Царицѣ на дворъ, и на дворъ прибѣжали многіе люди посадскіе и посошные, и почали говорить, невѣдомо кто, что будто зарѣзали Царевича Дмитрія Михайловъ сынъ Битяговскаго Данило, да Осипъ Волоховъ, да Никита Качаловъ; а Михайло Битяговскій учалъ разговаривать, и посадкіе люди кинулись за Михайломъ Битяговскимъ, и Михайло убѣжалъ въ брусяную избу на дворѣ, и посадскіе люди выломали двери и Михайла выволокли, и тутъ его убили до смерти, а Данила Третьякова тутъ же съ Михайломъ убили вмѣстѣ, а сына Михайлова Данила Битяговскаго и Никиту Качалова убили въ Дьячьей въ розрядной избѣ; а Осипа Волохова привели къ Царицѣ вверхъ, къ Церкви, къ Спасу, и тутъ его предъ Царицею убили до смерти; а людей Михайловыхъ Битяговскаго 4 человѣкъ, и Осиповыхъ Волохова дву человѣкъ, и посадскихъ людей трехъ человѣкъ, гдѣ кого изымали, убили чернью, невѣдомо гдѣ, и того

онъ не вѣдаетъ, про што тѣхъ людей побили. А людей они посадскихъ сбирали для Князя В. И. Шуйскаго, да для А. П. Клешнина, да Е. Вылузгина; а блюлись отъ Государя опалы, чтобъ кто Царевичева тѣла не укралъ; а въ колоколъ де звонить учалъ пономарь, Огурцомъ зовутъ»... (*Подпись: К сѣмъ рѣчемъ Григорей руку приложилъ*).

3) *Вдова Василиса Волохова* (Боярыня, мамка Царевичева, мать Осипа Волохова): »Разболѣлся Царевичь Дмитрій въ среду, нынѣшняго 99 году Мая въ 12 день, падучею болѣзнію, и въ пятницу де ему маленько стало полегче, и Царица де его Марья взяла съ собою къ обѣднѣ, и отъ обѣдни пришотчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтрее, въ субботу, пришотчи отъ обѣдни, Царица велѣла Царевичу на дворъ итти гулять; а съ Царевичемъ были: она, Василиса, да кормилица Орина, да маленькіе робятки жильцы, да постельница Марья Самойлова; а игралъ Царевичъ ножикомъ, и тутъ на Царевича пришла опять тажъ черная болѣзнь, и бросило его о землю, и тутъ Царевичь самъ себя ножемъ покололъ въ горло, и било его долго, да туто его и не стало. А и прежъ того, сего году въ Великое говѣнье, тажъ надъ нимъ болѣзнь была падучій недугъ, и онъ покололъ сваею и матерь свою Царицу Марью; а вдругорядь на него была тажъ болѣзнь пе-

редъ Великимъ днемъ, и Царевичъ объѣлъ руки Ондреевой дочкѣ Нагова, одва у него Ондрееву дочь Нагова отняли. И какъ Царевичъ въ болѣзни въ чорной покололся ножемъ, и Царица Марья сбѣжала на дворъ, и почала ее, Василису, Царица Марья бити сама полѣномъ, и голову ей пробила во многихъ мѣстахъ, и почала ей, Василисѣ, приговаривать, что будто се сынъ ея Василисинъ Осипъ, съ Михайловымъ сыномъ Битяговскаго, да Никита Качаловъ, Царевича Дмитрія зарѣзали; и она, Василиса, почала ей бить челомъ, чтобъ велѣла Царица дать сыскъ праведный; а сынъ ея и на дворѣ не бывалъ; и Царица де велѣла ее тѣмъ же полѣномъ бить по бокамъ Григорью Нагому, и тутъ ее только чуть живу покинули замертво; и почали звонити у Спаса въ колокола, и многіе посадскіе и всякіе люди прибѣжали на дворъ; и Царица де Марья велѣла ее, Василису, взять посадскимъ людямъ, и мужики де ее взяли и ее ободрали и простоволосу ее держали предъ Царицею; и прибѣжалъ де на дворъ Михайло Битяговскій и почалъ было разговариватъ посадскимъ людямъ и Михайлу Нагому, и Царица де Марья и Михайло Нагой велѣли убить Михайла Битяговскаго и Михайлова сына, и Никиту Качалова и Данила Третьякова; а говорила де Царица міру: *то де душегубцы Царевичу!* А сынъ ея, Осипъ въ тѣ поры былъ у

себя, и какъ началъ шумъ быть великій, и сынъ ея Осипъ прибѣжалъ къ Михайловѣ женѣ Битяговскаго, и тутъ его поймали посадскіе люди и привели его еще жива предъ Царицу, и Михайлову жену Битяговскаго съ дочерьми передъ Царицу жъ привели; и Царица де міру молвила: *то де убоица Царевичу сынъ ея Осипъ Волоховъ*, и сына ея Осипа тутъ до смерти убили; а убивъ и прохолкали, что надъ зайцемъ..... Да была жоночка уродливая *(юродивая)* у Михайла у Битяговскаго, и хаживала отъ Михайла къ Андрею къ Нагому, и сказали про нея Царицѣ Марьи, и Царица ей велѣла приходить для потѣхи, и та жоночка приходила къ Царицѣ, и какъ Царевичу смерть сталася, и Царица ту жонку, послѣ того два дня спустя, велѣла добыть и велѣла ее убитижъ, что будтось та жонка Царевича портила.«

4) *Жильцы Царевичевы*, которые съ нимъ играли, Петрушка Самойловъ сынъ Колобова, Баженко Неждановъ сынъ Тучковъ, Ивашко Ивановъ сынъ Красенскаго, Гришка Андреевъ сынъ Козловскаго: »Игралъ де Царевичь въ тычку ножикомъ съ ними на заднемъ дворѣ, и пришла на него болѣзнь падучій недугъ, и набросился на ножъ . . . . . Были за Царевичемъ въ тѣ поры только они четыре человѣка жильцовъ, да кормилица, да постельница; а Осипа Волохова и Данила Михайлова сына Битягов-

скаго въ тѣ поры за Царевичемъ не было и за Царевичемъ не хаживали«.

5) *Орина Жданова*, жена Тучкова (Царевичева кормилица): »Ходилъ Царевичъ Дмитрій въ субботу по двору, игралъ съ жилицы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на Царевича болѣзнь черная; а у него въ тѣ поры былъ ножъ въ рукахъ, и онъ ножемъ покололся, и она Царевича взяла къ себѣ на руки, и у нея Царевича на рукахъ и не стало.»

6) *Марья Самойлова* (постельница): »Царевичь Дмитрій ходилъ въ субботу по двору и тѣшился съ жильцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь черный недугъ, и его бросило о землю, а у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ тѣмъ ножикомъ самъ покололся.«

7) *Андрей Александровичъ Нагой:* »Царевичь ходилъ на заднемъ дворѣ и тѣшился съ робяты, игралъ чрезь черту ножемъ, и закричали на дворѣ, что Царевича не стало, и сбѣжала Царица сверху; а онъ, Андрей, въ тѣ поры сидѣлъ у ѣствы, и прибѣжалъ тутожъ къ Царицѣ, а Царевичь лежитъ у кормилицы на рукахъ мертвъ; а сказываютъ, что его зарѣзали; а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ. А на Царевичѣ бывала болѣзнь падучая; да нынѣ въ Великое говѣнье у дочери его руки переѣлъ, а и у него, Андрея, Царевичь руки ѣдалъ же въ болѣзни, и у жильцовъ и у постельницъ; какъ на него болѣзнь придетъ

и Царевича какъ станутъ держать, и онъ въ тѣ поры ѣстъ въ нецывеньи за что попадется. А какъ побили Михайла Битяговскаго и тѣхъ всѣхъ, которые побиты, того онъ не вѣдаетъ, кто ихъ велѣлъ побить, а побила ихъ чернь, посадскіе люди. А онъ былъ у Царевичева тѣла безотступно, и тѣло онъ Царевичево внесъ въ церковь.« *Слѣдуетъ подпись.*

8) *Огурецъ* (пономарь Царяконстантиновскій, вдовый попъ): »Какъ Царевича Дмитрія не стало, а онъ въ тѣ поры былъ дома, и зазвонилъ въ городѣ у Спаса сторожъ Максимко Дмитріевъ сынъ Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ; и какъ прибѣжалъ къ Спасу, и къ нему на встрѣчу бѣжитъ кормоваго двора стряпчій Суббота Протопоповъ, и велѣлъ ему у Спаса въ колоколъ звонить, да ударилъ его въ шею, и велѣлъ ему сильно звонить: а говорилъ ему Суббота предъ Григорьемъ Нагимъ, а сказалъ, что ему велѣла звонить Царица Марья, и онъ по тому и звонилъ въ колоколъ *). А про Царевичеву Дмитріеву смерть сказалъ, что Царевичь Дмитрій Мая въ 15 день, въ субботу игралъ на заднемъ дворѣ съ жильцы ножемъ,

*) Григорій Нагой, против сего показалъ: Сказывалъ ему онъ же Огурецъ, что звонить велѣлъ Суббота.

и пришла на него старая болѣзнь, падучій недугъ, и тутъ его ударило о землю, и онъ бьючися, ножемъ самъ себя покололъ.«

9) *Суббота Протопоповъ* (Кормоваго Дворца стряпчій, на очной ставкѣ съ Огурцемъ): »Какъ пріѣхалъ на дворъ Михайло Нагой, и велѣлъ ему, Субботѣ, звонить въ колокола для того, чтобы міръ сходился, и онъ приказалъ пономарю Огурцу звонить. Какъ люди многіе сошлися, и Михайло Нагой велѣлъ убити Михайла Битяговскаго; а была у нихъ межъ себя прежъ того брань за то, что Михайло Нагой у Михайла у Битяговскаго спрашивалъ, сверхъ Государеву указу, денегъ изъ казны; и Михайло ему отказалъ, что ему, мимо Государевъ указъ, денегъ не давывать; а Михайлова сына Битяговскаго и тѣхъ всѣхъ, которые побиты, убили черню, не вѣдаетъ за что.«

10 *Θеодоритъ* (Архимандритъ Воскресенскій): »Мая въ 15 день въ субботу, служилъ онъ литургію въ Алексѣевскомъ монастырѣ, и въ 6 часу дня, послѣ обѣдни, зазвонили у Спаса, и онъ тотчасъ съ Алексѣевскимъ Игумномъ, съ Саватьею послали слугъ провѣдати, а чаяли того, что-либо горитъ гдѣ, и слуги имъ пришотчи, сказали, что они слышали отъ посадскихъ людей и отъ посошныхъ, что будто се Царевича Дмитрія убили, а того не вѣдомо, кто его убилъ; и они поѣхали въ городъ,

и какъ они пріѣхали въ городъ, а Царевичево ужъ тѣло въ Спасѣ лежитъ; а Михайло Битяговскій, и сынъ его Данило, и Никита Качаловъ, и Данило Третьяковъ, и Михайловы люди Битяговскаго, и Осипова люди Волохова, и посадскіе люди 3 человѣка лежатъ побиты. А Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ, Архимандритѣ, и при Игуменѣ Саватіи, къ церкви къ Спасу, предъ Царицу, только чуть жива, и тутъ его предъ Царицею прибили до смерти, а Михайлову жену Битяговскаго съ двѣмя дочерьми привели тутъ же къ Спасу и хотѣли ихъ побитижъ, и онъ, Архимандритъ Ѳеодоритъ, и Игуменъ Саватія ухватили Михайлову жену Битяговскаго съ дочерьми и отняли ихъ и убити ихъ не дали, и посадскіе люди Михайлову жену и дочерей держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили въ полату за сторожи« *(Подпись: къ симъ рѣчемъ Архимаритъ Ѳедоритъ руку приложилъ).*

11) *Саватія* (Игуменъ Алексѣевскаго монастыря) показалъ согласно съ Ѳеодоритомъ.

12) *Богданъ* (Попъ Царяконстантиновскій, Григорія Нагаго отецъ духовный), — сказалъ: »что онъ въ тотъ день, въ субботу, ѣлъ у Михайла у Битяговскаго, и почали звонить въ городѣ у Спаса въ колоколъ, и Михайло послалъ людей своихъ провѣдати въ городѣ, и чаялъ то, что гдѣ загорѣлося, и прибѣжали

Михайловы люди къ Михайлу на подворье, сказали, что Царевича Дмитрія не стало; и Михайло тотчасъ пріѣхалъ на дворъ къ Царевичу, а посадскіе люди многіе на дворъ мечутся съ рогатинами, и съ топоры, и съ саблями; и Михайло почалъ имъ разговаривати, для чего вы прибѣжали съ топоры, и съ саблями, и съ рогатинами? и они за Михайломъ учалися гоняти, и Михайло ушелъ было у нихъ въ брусяную избу съ Даниломъ Третьяковымъ; и они де у избы высѣкли двери, да Михайла Битяговскаго и Данила Третьякова, выволокши изъ избы, убили до смерти, потому, что имъ почалъ разговаривать; а Михайловъ сынъ Битяговскаго Данило въ тѣ поры былъ у отца своего, у Михайла, на подворьи, обѣдалъ.« *(Подпись: Богданъ Священникъ руку приложилъ).*

13) *Иванъ Мурановъ* (Углицкій губный Староста): »Тѣшился де Царевичь у себя на дворѣ съ жильцы своими, съ робятки, тыкалъ ножемъ, и въ тѣ поры пришла на него немочь падучая, — зашибло его о землю и учало его бити, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ по горлу самъ.«

14) *Кирило Моховиковъ* (сытникъ кормоваго дворца): »Какъ де Царевичъ боленъ накололся ножемъ, и учали звонить, и Михайло Битяговскій, прискочивъ ко двору къ воротамъ, а ворота были заперты, и онъ побѣжалъ къ

же—и всѣхъ простилъ. Доселѣ правленіе его было счастливо и утѣшительно: народъ торжественно возсылалъ къ небу мольбы о здравіи его; имя же Борисово проклинали. Немедленно выбили монету въ воспоминаніе новаго Государя и для всеобщаго употребленія. Разсказываютъ писатели, преданные Димитрію, что въ то время, когда всѣ ожидали отъ него счастія въ будущемъ, найдены были въ Государственной казнѣ ненавистныя сокровища [127], несмѣтное количество золота и серебра на нѣсколько милліоновъ, также двѣнадцать мѣръ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ: все это частію разточено имъ при жизни, частію роздано изъ тщеславія, и все вмѣстѣ съ нимъ изчезло.

Днемъ коронованія назначено было 1 Сентября, когда Россіяне, подобно древнимъ Іудеямъ, начинаютъ новый годъ: Димитрій для многихъ причинъ ускорилъ торжество, и короновался въ концѣ Іюля. А чтобы подкрѣпить свое право на корону, пригласилъ въ Москву мать Царевича, заключенную повелѣніемъ Бориса, послѣ мнимой смерти сына ея, въ небольшомъ монастырѣ, далеко отъ столицы. Для сего посланы были за нею знатнѣйшіе сановники; самъ онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу, съ притворнымъ уваженіемъ, едва завидѣлъ ее издали, скочилъ съ лошади, прошелъ значительное пространство пѣшкомъ и со слезами бросился въ

ея объятія. Послѣ того, съ открытою головою, провожалъ колесницу своей матери до самаго замка; отсюда Царица чрезъ нѣсколько времени переселилась со всѣми женщинами своими въ монастырь, куда обыкновенно удаляются благороднѣйшія вдовы и дѣвицы [128]. Въ продолженіе всего этого времени, любопытные замѣтили, что мать истиннаго Димитрія отвѣчала Царю подобными же ласками, искренними или притворными, неизвѣстно: впрочемъ перенесенная изъ печальнаго уединенія въ кругъ радости и веселія, она не могла смотрѣть безъ восторга даже и на Самозванца, коему обязана была такимъ благодѣяніемъ.

По вступленіи Димитрія на престолъ и по окончаніи торжественныхъ обрядовъ, патеръ Николай Кнермоковскій, изъ ордена Іезуитовъ, привѣтствовалъ его краснорѣчивымъ словомъ; Сенатъ также приносилъ ему поздравленіе. Царь отвелъ Іезуитамъ обширный дворъ, недалеко отъ Дворца, гдѣ они могли свободно священнодѣйствовать по Римскому обряду; уже тогда, подстрекаемый усерднымъ желаніемъ ихъ, онъ обнаружилъ бы тайныя мысли души своей, если бы не остановилъ его Шуйскій, который, помышляя о престолѣ, искалъ удобнаго случая исполнить своей замыселъ.

Полагаясь на обманчивую тишину внутреннюю и внѣшнюю, Димитрій началъ заботиться

комъ ся самъ себя покололъ и отъ того и умеръ; и какъ пришелъ шумъ великій, и они разбѣжалися.«

19) *Разсыльщики Углицкіе* въ челобитной Государю отъ 20 Мая пишутъ: »Бьемъ тебѣ, Государь, челомъ и плачемся, чтобъ намъ отъ тебя, Государя, съ виноватыми не погибнуть; что, Государь, Царевичъ Князь Дмитрій Ивановичъ, а ходилъ по двору, тѣшился сваею въ кольцо съ своими же жильцы съ молодыми въ нынѣшнемъ 99 году, Мая въ 15 день, въ субботу, и пришла, Государь, на него того дни болѣзнь падучая недугъ, а и прежъ того Государь, на немъ была жъ та болѣзнь по мѣсяцѣмъ безпрестанно; и какъ на немъ въ субботу та болѣзнь пришла, и его бросило о землю, и онъ тою сваею, которою игралъ, покололся, а то мы слышали отъ дворовыхъ людей; и прискочилъ, Государь, съ его двора къ Царицѣ на дворъ Михайло Нагой пьянъ, на конѣ, и велѣлъ звонить въ колокола, и тутъ сбѣжалъ міръ весь со вся четыре стороны съ копьи, и съ рогатинами, и съ топоры. А Дьякъ Михайло Битяговскій, слышавъ тотъ шумъ, пришелъ съ сыномъ въ Дьячью избу; а подалъ вѣсть Михайлу Битяговскому сытникъ Кирило Моховиковъ, что Царевичъ боленъ чернымъ недугомъ; и Михайло Битяговскій пришелъ на дворъ къ Царицѣ, а сынъ Михайловъ остался

въ Дьячьей избѣ. И Михайло, Государь, Нагой велѣлъ Михайла Битяговскаго убить до смерти; а Михайло Битяговскій кричалъ, что Михайло Нагой велитъ убити для того, что Михайло Нагой добываетъ ведуновъ, и ведуны на Государя и на Государыню, а хочетъ портить; и тутъ, Государь, Михайла Битяговскаго убили до смерти въ Дьячьей избѣ, а Данила Третьякова и Кирила Моховикова (?) велѣлъ Михайло убити на переходѣхъ; а Никиту Качалова убили за его шурина, за жильца, да за Осипа за Волохова, что Никита учалъ говорить, чтобъ его шурина не убили, и оній за Никиту Качалова и Осипа Волохова убили до смерти.... *)

»Іюня во 2 день, Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всея Русіи, слушавъ Углицкаго обыску..... приказалъ Боярамъ и Дьякамъ съ Углицкимъ обыскомъ итти на Соборъ къ Іову Патріарху всея Русіи, и къ Митрополитамъ, и къ Архіепископамъ, и ко Владыкамъ, и ко всему освященному Собору, и велѣлъ Государь передъ Патріархомъ на Соборѣ тотъ обыскъ прочесть.«

*) Кромѣ сихъ лицъ, Князь Шуйскій допрашивалъ трехъ подключниковъ, девятерыхъ сторожей сѣнныхъ, троихъ конюховъ, троихъ подъячихъ, и нѣкоторыхъ другихъ людей.—Всѣ они показали: „Слышали, что Царевичъ покололся ножемъ самъ въ падучей болѣзни.“

»И какъ, по Государеву приказу, Іову Патріарху всея Русіи и всему Собору Углицкое дѣло прочли, и тутожъ на Соборѣ Іову Патріарху Сарскій и Подонскій Геласія Митрополитъ говорилъ: »Извѣщаю тебѣ, Іову Патріарху и всему освященному Собору, котораго дни ѣхати мнѣ съ Углича къ Москвѣ, и Царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила мнѣ съ великимъ прошеньемъ: какъ Михайла Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ побили, и то дѣло учинилось грѣшное, виноватое; чтобъ мнѣ челобитье ея донести до Государя Царя и Великаго Князя, чтобъ Государь тѣмъ бѣднымъ червемъ, Михайлу съ братьею, въ ихъ винѣ милость показалъ. Да Митрополитъ же Геласія на Соборѣ Іову Патріарху подалъ челобитную, а ему тое челобитную далъ на Угличѣ городовый прикащикъ Русинъ Раковъ, и въ той Русиновѣ челобитной пишетъ:«

. . . »Въ нынѣшнемъ, Государь, году, Мая въ 15 день въ субботу, на шестомъ часу дня, тѣшился, Государь, Царевичъ у себя на дворѣ съ жильцы своими, съ робятки, тыкалъ, Государь, ножемъ, и въ тѣ поры на него пришла падучая немочь, и зашибло, Государь, его о землю, и учало его бити; да какъ его било, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ самъ и отъ того, Государь, и умеръ; и учюлъ *(услышалъ)*, Государь, язъ въ городѣ звонъ, и язъ,

Государь, прибѣжалъ на звонъ, ажно въ городѣ многіе люди и на дворѣ на Царевичевѣ; а Михайло Битяговскій, да сынъ его Данило, да Никита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данило Третьяковъ, да ихъ люди, лежатъ побиты; и я, Государь, прибѣжалъ къ Спасу, и меня, Государь, Михайло, да Григорій Нагіе изымали, а Михайло, Государь, Нагой мертво пьянъ; привели, Государь, меня къ цѣлованью, и одного, Государь, дни велѣли мнѣ крестъ шестья цѣловать: *буде ты нашъ?* А Михайла Битяговскаго, да и сына его велѣлъ убити язъ; а Никиту Качалова, да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей ихъ велѣлъ побити я же, для того, что они у меня отымали Михайла Битяговскаго съ сыномъ. И послѣ, Государь, того въ первый вторникъ, въ вечеру приказалъ Михайло человѣку своему Тимохѣ, велѣлъ принести куря живой, въ другомъ часу ночи вшелъ въ Дьячью избу, а меня послалъ въ рядъ ножовъ имать, и я съ собою взялъ посадскаго человѣка Кондрашу Оловянишника, и взялъ въ ряду два ножа, у Ѳили у дехтярника ножъ, а другой ножъ у посадскаго жъ человѣка у Василья у Ильина; а ножъ мнѣ далъ, да саблю Григорій Нагой; и послалъ меня Михайло Нагой на Михайловъ дворъ Битяговскаго, да со мною послалъ Спасскаго Соборнаго попа Степана, да посадскихъ людей, Третьяка Ворожейкина,

да Кондрашу Оловянишника, а велѣлъ мнѣ искати въ Михайловѣ повалушѣ палицы желѣзной, и язъ нашелъ и къ нему привезъ; онъ, Государь, меня послалъ въ Дьячью избу, и велѣлъ мнѣ взять сторожа Овдокима, да взялъ язъ посадскаго человѣка Ваську Малафеева, да мнѣ же велѣлъ изъ Дьячьей избы въ чуланѣ курицу зарѣзалъ и кровь въ тазъ выпустилъ, и ножи и палицу кровью измазали, и Михайло мнѣ Нагой приказалъ класти къ Михайлу Битяговскому ножъ, сыну его ножъ, Никитѣ Качалову ножъ, Осипу Волохову палицу, Данилу Третьякову саблю, Михайлову человѣку Кузмину самопалъ, его же человѣку Павлу ножъ, Василисину человѣку Васкѣ самопалъ, а велѣлъ, Государь, убити Михайло Нагой Михайла Битяговскаго и съ сыномъ по недружбѣ; многижды съ нимъ бранивался про Государево дѣло, и въ тотъ день съ ними бранился о посохѣ, что велѣлъ, Государь, съ нихъ взять посохи 50 человѣкъ подъ городъ подъ гуляй, и онъ Государь, посохи не далъ, и Михайло, Государь, Нагой напился пьянъ, да велѣлъ убити Михайла Битяговскаго и съ сыномъ, а Никита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данила Третьяковъ, да ихъ люди учали отъимать, и онъ ихъ велѣлъ побити тутожъ.«

»И Патріархъ Іовъ, со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, слушавъ Углицкаго дѣла и сказу

Митрополита Геласія, и челобитныя прикащика Русина Ракова, говорилъ на Соборѣ: »Въ томъ во всемъ воля Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи: а прежде сего такого лихаго дѣла и такіе убійства стались и кровопролитье отъ Михайла отъ Нагаго и отъ мужиковъ, николи не было! А предъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ всея Русіи, Михайла и Григорья Нагихъ и Углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная, что Царевичу Дмитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ; а онъ, Михайло Нагой, Государевыхъ приказныхъ людей Дьяка Михайла Битяговскаго, съ сыномъ и Никиту Качалова, и иныхъ дворянъ и жильцовъ и посадскихъ людей, которые стояли за Михайла за Битяговскаго и за всѣхъ за тѣхъ, которые стояли за правду, и разговаривали посадскимъ людямъ, что они такую измѣну сдѣлали, велѣлъ побити напрасно, умышленьемъ за то, что Михайло Битяговскій съ нимъ, съ Михайломъ Нагимъ, бранился почасту за Государя, что онъ Михайло Нагой держалъ у себя ведуна Ондрюшу Мочалова, и иныхъ многихъ ведуновъ, и за тое великое измѣнное дѣло Михайло Нагой съ братьею, и мужики, Угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. А то дѣло земское градское, въ томъ вѣдаетъ Богъ, да Государь Царь и Великій Князь Ѳе-

доръ Ивановичъ всея Русіи; все въ его Царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость; о томъ Государю какъ Богъ извѣститъ; а наша должная молити.... о Государскомъ здравіи и тишинѣ межъусобной брани.«

»И Государь Царь и Великій Князь приказалъ Боярамъ и велѣлъ Углицкое дѣло по договору вершить; а по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявились, велѣлъ Государь посылати.»

Въ слѣдствіе сего, привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитріеву съ мужемъ и вѣщуна Мочалова въ оковахъ, снова допрашивали ихъ, наконецъ кончили дѣло: всѣхъ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую Царицу постригли и отвезли въ пустыню Св. Николая на Выксѣ (близь Череповца), тѣла Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою почестію; а гражданъ тамошнихъ, признанныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ (*Истор. Госуд. Россійс.* X. 141).

Карамзинъ видитъ въ Углицкомъ розыскѣ памятникъ безсовѣстной лживости Шуйскаго,

сохраненный временемъ какъ бы въ оправданіе бѣдствій, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ пали на главу, уже вѣнценосную, сего слабаго, если и не безбожнаго человѣкоугодника; говоритъ, что Шуйскій допрашивалъ тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями; призывалъ, кого хотѣлъ; писалъ, что хотѣлъ . . . . утаилъ свидѣтельство истины, мірское, единогласное, записалъ только отвѣты Михайлы Нагаго, какъ бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ. Вѣроятно, продолжаетъ Исторіографъ, не всѣ показанія Михайла Нагаго были записаны, а въ другихъ допросахъ, ложь была смѣшена съ истиною, чтобы дать силу первой. Одни сіи допросы, явно ознаменованные дѣйствіемъ страха, угрозъ, принужденія, совѣсти нечистой, свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова.«

Упрекъ столь важный и рѣшительный, уничтожающій силу акта, на коемъ основанъ приговоръ Собора Святителей и Боярской Думы, надлежало бы подтвердить свидѣтельствомъ несомнѣннымъ, напримѣръ явною уликою *), или сознаніемъ если не самого Бориса, по крайней мѣрѣ, кого либо изъ *клевретовъ* его; но такого свидѣтельства Карамзинъ не приводитъ, и

*) Мы не знаемъ *Синодика* Борисова.

основываетъ свое обвиненіе на лѣтописяхъ безъименныхъ, гдѣ сказано: »Князь Василій (Шуйскій) начатъ распрашивати града Углича всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ *Царевичъ* закался самъ? Они же вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юные, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михайла Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники; Князь же Василій пришедъ съ товарищи къ Москвѣ, и сказа Царю Өеодору неправедно, что самъ себя заклалъ.« Ниже увидимъ, сколь несправедливы были наши Лѣтописцы къ Борису Годунову; здѣсь же разсмотримъ Углицкій розыскъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) точно ли записаны Шуйскимъ показанія свидѣтелей? 2) Почему не сказано, что говорила Царица? 3) Дѣйствительно ли поручено ею Митрополиту Геласію представить Собору поданное имъ объявленіе?

На первый вопросъ отвѣчать трудно; не льзя однакожь не замѣтить: а) что многіе свидѣтели подписались подъ своими показаніями, именно: Григорій Нагой, вмѣстѣ съ Архимандритомъ Өеодоритомъ и духовнымъ отцомъ своимъ, Священникомъ Богданомъ; Андрей Нагой; Игуменъ Покровскаго монастыря Давидъ; Игуменъ Алексѣевскаго монастыря Савватія, и многіе другіе. Люди, видѣвшіе, по словамъ ихъ, какъ умеръ Царевичъ, не подписались, вѣроят-

но, потому, что не умѣли. b) Судя по образу изложенія, можно думать, что слѣдователи писали именно со словъ допрашиваемыхъ лицъ: стоитъ только сравнить, *какъ* говорятъ жильцы, Архимандритъ, кормилица, пономарь.

Труднѣе объяснить, почему не приведены слова Царицы: ее, безъ сомнѣнія, спрашивали? Вѣроятно потому, что считали неприличнымъ мѣшать ее съ подданными. Впрочемъ обстоятельство это не важно: она не видала, какъ погибъ сынъ ея. Наконецъ вся сила заключается въ объявленіи Митрополита Геласія: дѣйствительно ли говорилъ сей Святитель на Соборѣ, согласно съ волею Царицы—матери? Этотъ вопросъ, кажется, разрѣшить легко: можно ли думать, чтобы Соборъ легкомысленно повѣрилъ Геласію, не бывъ убѣжденъ въ истинѣ словъ его? Но по своей ли волѣ Царица рѣшилась на такое объявленіе, – этого не объяснилъ бы и Юмъ.

По крайней мѣрѣ, Углицкій розыскъ не наводитъ и тѣни подозрѣнія на Бориса Годунова. Кто же обвиняетъ его? Его обвиняютъ Шуйскій, производившій розыскъ, и Царица мать Димитрія! Въ слѣдъ за ними всѣ писатели современные, Русскіе и иностранные. Вотъ слова ихъ:

Шуйскій, низринувъ Отрепьева и овладѣвъ престоломъ, издалъ нѣсколько окружныхъ грамотъ или манифестовъ, коими старался убѣдить народъ, что человѣкъ, называвшій себя

Димитріемъ, былъ Самозванецъ. Въ одной изъ сихъ грамотъ, изданной немедленно по избраніи его Царемъ, сказано глухо: »Мать Царевича Дмитрія, инока Марѳа, и ея братъ Михайло Нагой съ братіею, всѣмъ людямъ Московскаго Государства подлинно сказывали, что сынъ ея Царевичъ Дмитрій *умре* подлинно и погребенъ на Угличѣ, а тотъ воръ (Отрепьевъ) называется Царевичемъ Димитріемъ ложно. »(*Собр. Государ. Грам.* ч. *II. стр.* 300). Но тогда же (21 Мая 1606 года) обнародована грамота отъ имени Царицы—матери, за подписью Дьяка Шипилова; Царица пишетъ: »Сынъ нашъ Царевичъ Дмитрій Ивановичъ убитъ на Угличѣ предо мною и предъ братьею моею отъ Бориса Годунова, а нынѣ лежитъ онъ на Угличѣ.« То же сказано отъ имени ея мѣсяца черезъ три, по случаю перенесенія мощей Св. Димитрія: »Сына моего Царевича Димитрія, пишетъ Царица, убили по Борисову велѣнію Годунова; а меня послѣ того держали въ великой нужѣ, и родъ мой по дальнымъ городамъ разосланъ былъ.« (*Собр. Госуд. Грам. II. стран.* 317).

Шуйскій повторяетъ слова ея въ двухъ грамотахъ, именно въ тѣхъ, коими онъ доказываетъ самозванство своего предшественника, мнимаго Димитрія. Въ одной (отъ 2 Іюня 1606 года) онъ пишетъ: »Въ прошломъ 99 году, за грѣхи всего православнаго Христіанства, Вели-

каго Государя Царевича Дмитрея Ивановича не стало, послѣ убивства Бориса Годунова, . . . и за его дѣло смертъ ему *(Борису)* злую далъ.« Въ другой грамотѣ, отъ 9 Декабря 1606, сказано: »Блаженныя памяти, Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи былъ сынъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ, и тотъ убитъ, по велѣнью Бориса Годунова, на Угличѣ.« *(Собр.* »*Госуд. Грам. II. стр.* 311. 320).

Каждый спроситъ, почему же Шуйскій утаилъ истину въ свое время? Боялся ли онъ Годунова, или былъ задобренъ имъ? Это извѣстно одному Богу! Не льзя опять не замѣтить: Шуйскій былъ человѣкъ неблагодарный, но не трусъ; это доказалъ онъ поступками съ Димитріемъ Самозванцемъ. Сверхъ того, не видно, чтобы онъ получилъ отъ Бориса особенную награду, какъ надлежало бы ожидать: и при Ѳеодорѣ, и при Годуновѣ, онъ оставался просто Бояриномъ, не болѣе: такъ не награждаютъ за престолъ! Но свидѣтельство Царицы? Царица показала сперва, что сынъ ея умеръ волею Божіею, потомъ, что его убилъ Борисъ; признала своимъ сыномъ Отрепьева, и потомъ отвергла его. Вѣрьте чему угодно! Скажутъ: обстоятельства понуждали ее говорить ложъ: почему же не могла она клеветать и на бѣднаго Бориса по обстоятельствамъ?—Для чего и она, и Шуйскій писали о смерти Димитрія? Для того, чтобы

разсѣять ослѣпленіе Русскихъ, которые признавали Царевичемъ каждаго негодяя: Шуйскій лучше всего надѣялся достигнуть сей цѣли, представивъ Димитрія мученикомъ, невинно погибшимъ. На кого же возложить вину, если не на Бориса, котораго уже Самозванецъ объявилъ злодѣемъ Царевича?—Однимъ словомъ, въ Государственныхъ актахъ нашихъ о семъ случаѣ, такъ много встрѣчается противорѣчій, что читатель безпристрастный долженъ теряться въ безчисленныхъ догадкахъ. Послушаемъ, что говорятъ свидѣтели посторонніе, современные писатели Русскіе и иностранные.

II.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ РУССКІЕ.

1) *Патріархъ Іовъ*, возведенный въ достоинство Первосвятителя при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ правленіе Бориса Годунова, и рѣшившій Углицкое дѣло, описывая подробно царствованіе Ѳеодора, ни слова не говоритъ о смерти Царевича. *Руск. Лѣт. Никон. сп. VII стр.* 316—359.

2) *Авраамій Палицынъ* разсказываетъ сей случай слѣдующимъ образомъ: »Великаго убо Царя Ѳеодора брата Царевича Дмитрія Ивановича, не единоматерня, отдѣлиша на Углечь, всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ совѣтомъ, да во своемъ пространствіи съ мате-

рію си пребываетъ. Сему же Царевичу Дмитрею естествомъ возрастающу и братне царство и величество слышащу и отъ ближнихъ си смущаему, занеже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, и часто въ дѣтскихъ глумленіихъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближнѣйшихъ брата си, паче же о семъ Борисѣ; и врази суще, и ласкатели и великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лже составливающе, съ сими подходятъ вельможи, паче же сего Бориса, и отъ многія смуты ко грѣху сего низводятъ: его же краснѣйшаго юношу отсылаютъ и нехотяща въ вѣчный покой, въ лѣто 7099; памяту же его крови ради неповинныя во всей Россіи торжествовася, и великимъ даромъ чудесъ отъ Бога обогащенъ быти. Егда же заколенъ бысти той незлобивый агнецъ Дмитрей Царевичь, тогда весь градъ Углечь возмятеся, и емше убійцъ его, Данилку Битяговскаго, Никиту Качалова и самого Михайла Битяговскаго, смерти предаша. Борисъ же, за тѣхъ убійцъ, Углечанъ болѣ двою сотъ человѣкъ погуби; овѣхъ же въ Сибирь сосла, инѣхъ же въ темницахъ лютыми смертьми умори; матерь же его Царицу Марію неволею постричи повелѣ, и пятнадесять лѣтъ въ скорби пребысти *).«

*) Изъ современнаго списка Сказанія объ осадѣ Троицкаго монастыря.

3) *Въ Лѣтописи о мятежахъ:* *) »Бысть Боляринъ Борисъ, рекомый Өедоровичъ Годуновъ, ненавидяше братію свою Боляръ; Болярежъ его не любяху, что многіе люди погубихъ напрасно. И вложи діаволъ ему въ мысль извести праведнаго своего Государя Царевича Дмитрія, и помышляше себя, аще изведу Царскій корень и буду самъ властелинъ въ Руси, яко же окаянный Стополкъ (*Святополкъ*) помышляше на братью свою Бориса и Глѣба, аще побію братію свою и буду единъ властелинъ въ Руси, а не вѣдя того, яко Богъ власть кому хочетъ, тому дастъ; сей же окаянный Стополкъ посла на братію свою на убойство, такожде и Борисъ посла на Угличь, чтобы сего праведнаго окормити зельемъ. Ему же праведному Царевичу Дмитрію даваху смертоносное зелье, овогда въ ѣствѣ, овогда въ питьѣ. Богъ же, храняй праведника, не хотя втайнѣ его праведную душу увести приняти, а хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити всему міру. Борисъ же, то

*) Кѣмъ и когда составлена сія Лѣтопись, достовѣрно не извѣстно; можно догадываться, что сочинитель жилъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ и писалъ въ 1630 году, какъ видно изъ заглавія оной. См. *Русс. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 1.*

слышавъ, яко ничто его не вреди, и оскорбѣся о томъ зѣло и призва братію свою Годуновыхъ, и совѣтниковъ своихъ Андрея Елешіина (*Клешнина?*) съ товарищи, и повѣдаша имъ, яко ни что его вредитъ. Единъ же отъ нихъ Годуновъ, Григорій Васильевичъ, къ ихъ совѣту не приста, и плакася о томъ горько; они же его къ себѣ не призываху и его чужахусь. Сіи же совѣтницы Борисовы умыслиша ему послати кого изобравъ, и его праведнаго убити, и изобраша Володимера, рекомаго Загрязскаго, да Никифора Чепчюгова, и изъ нихъ единаго послати имъ, иже по Володимеру и Никифору извѣстиша; онижъ люди богобоязливые, не токмо что надъ нимъ сдѣлати, и помыслити надъ своимъ Государемъ не хотяху. Возвѣстиша же то Борису, что не хотяше изъ нихъ ни одинъ ѣхати; онъ же зѣло прискорбенъ бысть, яко ничто хотѣніе его не совершается. Совѣтникъ же его Андрей Клешнинъ рече ему: и яко не скорби о томъ, есть у меня братія и други, будетъ твое желаніе исполнено. Тѣмъ же Никифору и Володимеру, что ихъ воли не сотворили, многія бѣды и злыя напасти содѣяху имъ; той же Андрей Клешнинъ пріиди въ домъ свой и возвѣсти братіе своимъ и другамъ; они же, отъ нихъ ни единъ на такое окаянство уклонишась. И вниде дьяволъ въ единаго отъ нихъ предстоящимъ, рекомый Михайло Битяговскій,

и яко же войде сатана во Іуду Скаріотскаго, . . .
тако и сей окаянный Михаилъ мышля на своего Государя, на такого безскверна агнца, и шедъ возвѣстити Андрею Клешнину: я хощу волю вашу сотворити. Андрей же радостенъ бысть, и шедъ къ Борису и возвѣсти ему все по ряду. Борисъ же того Михаила повелѣлъ привести съ великою радостію, и обѣща ему воздать великую честь, и ударивъ (*одаривъ*) его отпусти на Углечь; да съ нимъ же отпустилъ сына его Данилка, да Микитку Качалова, и велѣ имъ вѣдати на Углечѣ все. Они же идоша на Углечь, аки волки пыхающи на праведнаго, и пріидоша на Углечь вскорѣ, и начаша всѣмъ владѣти. Царица Марья Өедоровна, видя ихъ злокозненное умысліе, и нача его беречи, никуды отъ себя изъ хоромъ не пущаше. Онижъ окаянніи, совѣтовавше съ мамкою его съ Марьею Колоховою (*Волоховою*), да съ сыномъ ея Данилкою и сдумаша они, чтобъ его праведнаго явно убити въ лѣто 7099 (1591), мѣсяца Маія въ 15 день. Мати жъ его благовѣрная Царица Марья, бывше у себя въ хоромѣхъ, сіяжъ окаянная мамка Волохова рече праведному лестію, аки змія прельстивъ Евву, такъ же и окаянная обольсти мати его, и взятъ его, поведуюши на дворъ. Кормилица же его, воспитавшая его сосцемъ своимъ, не хотяше пустити его; она же окаянная едва не силою веде на

заколеніе. Сія же кормилица его, идущи съ нимъ на нижнее крыльцо, сіи же окаянніи, аки звѣрія ярости исполнены, течаху на крыльцо. Той же злодѣй Данилко Волоховъ, пріятъ его праведнаго за руку и рече ему: сіе у тебя, Государя новое ожерельеце? Онъ же ему отвѣща и глаголя тихимъ гласомъ, и подня ему выю свою и рече ему: сіе есть старое ожерелье. Они же окаянніи свою аки змія ужали жаломъ, кольну ножемъ праведнаго по шеи и не захватти ему гортани. Сія же кормилица, видя пагубу Государя его (*ея*), паде на немъ и нача кричати; тотъ же окаянный Данилко поверже ножъ свой, побѣже. Союжникижъ его Данилко Битяговскій, да Микитка Качаловъ, начаша ее бити, едва живу оставиша, праведнаго же у ней отняша, и заклаша аки агнца не скверна, юнца осмолѣтна. Они же окаянніи побѣгоша. Мати жъ его, видя пагубу сына своего, и кричаше надъ нимъ. О чудо! Праведное ужасно како мертвенное тѣло трепеташась на великій часъ, аки голубь, той же часъ убіенный. Слышаху во градѣ и на посадѣ, по вратсомъ (*вратамъ*) ѣздяху, біяху и вопіяху: что сидите! Царя у васъ нѣсть! Они же выбѣжаху за врата кой же за свои, ни видя же ни кого; въ та же времена, на Государевѣ дворѣ не бяше никого: братія же его и дядя разыдошась по домамъ, что время бысть полуденное. Единъ же собор-

ный пономарь, видя такую пагубу и запреся на колокольницѣ, и бити начатъ въ колоколъ; окаяннiи же къ нему приступаху, хотяще его убити и не можаху. Людiежъ его и братья и дядья и всѣ люди града Углича сбѣгошась на его Государевъ дворъ, и видѣша себѣ пагубу, Государя своего лежаща мертва; матижъ его и кормилица тутожъ у тѣла его лежащи, аки мертвы; онижъ надъ тѣломъ его вопiяху, и сихъ убiйцевъ Михайла Битяговскаго и съ женою и съ ихъ совѣтники побиша каменьемъ *). Той же Микитка и Данилко побѣжа, и отбѣжа дванадесять верстъ, кровь же праведнаго вопiяше къ Богу, не попусти ихъ; они же окаяннiи возвратишась назадъ. Гражданежъ и тѣхъ побиша каменьемъ, и всѣхъ ихъ окаянныхъ побиша дванадесять человѣкъ, и повергоша въ яму на снѣдѣнiе. Тѣло же его праведное положиша во гробъ, и внесоша въ соборную церковь Преображенiя святаго; къ Царю же Өедору заслаша гонца возвѣстити, яко убiенъ бысть братъ его отъ рабъ. Гонцажъ приведоша на Москвѣ къ Борису. Борисъ же велѣлъ грамоты переписати, а писать повелѣлъ яко удержимъ (*одержимъ*) бысть недугомъ и самъ себя зарѣзалъ небереженiемъ Нагихъ, и донести грамо-

*) Убили Битяговскаго; жена его осталась въ живыхъ. См. выше.

ты до Царя Өедора. Царь же, слыша убіенье брата своего, на многъ часъ плакашеся, и не можаше ничто проглаголати, и посла про то сыскати, и тѣло его праведное погрести Болярина Князя Василія Ивановича Шуйскаго, да съ нимъ Андрея Клешнина и властей, и тѣхъ Нагихъ велѣно привезти къ Москвѣ. Князь же Василій со властьми пріидоша вскорѣ на Углечь и осмотри тѣла праведнаго заклана, и помянувъ свое согрѣшеніе, плакася горько на многъ часъ и не можаше проглаголати ни съ кѣмъ, аки нѣмъ стояше; тѣло же его праведное погребоша въ соборной церкви Преображенія святаго. Князь же Василій начатъ распрашивати града Углича всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ заклася самъ? они же вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юнше, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михайла Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники. Князь же Василій пришедъ съ товарищи къ Москвѣ, и сказа Царю Өедору неправедно, что самъ себя заклалъ. Царь же Өедоръ положи опалу на Нагихъ; Борисъ же съ Бояры поидоша къ пыткѣ, и Михайла Нагаго и Андрея и сихъ Нагихъ пыташа накрѣпко, чтобъ они сказали что самъ себя заклалъ; они же никакъ того не сказаша; то и глаголаху, что отъ рабъ убьенъ бысть. Борисъ же, разъяряся, хотяше и досталь-

ныхъ погубить; Царицу жъ Марью повелѣ постричи и повелѣ сослати въ пусто мѣсто за Бѣлоозеро, а Нагихъ всѣхъ разосла по городамъ, по темницамъ; градъ же Углечь посла и повелѣ разорити, что биша тѣхъ окаянныхъ и на него глаголаху; иныхъ казняху, инимъ языки рѣзаху, иныхъ по темницамъ разсылаху; множество же людей отведоша въ Сибирь, и поставиша градъ Пелымъ, и ими насадиша, и отъ тогожъ Углечь запустѣлъ. Тѣхъ же окаянныхъ и убойцевъ повелѣ хранить и погрести ихъ окаянное тѣло честно; тое же окаянную мамку Волохову и тѣхъ убойцевъ женъ устроиша, подавалъ и жалованье многое и вотчины.« (*Русская Лѣтопись по Никон. списку*, *VIII*. 15–20.)

Прочія Лѣтописи Русскія, Морозовская, Ростовская и другія, (доселѣ еще ненапечатанныя), сколько можно судить по отрывкамъ, въ главныхъ обстоятельствахъ согласно съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ повѣствуютъ о смерти Царевича. На нихъ-то основалъ Карамзинъ плѣнительное описаніе сего событія. Если вѣрить нашимъ лѣтописямъ безусловно, Годуновъ заслужилъ въ полной мѣрѣ проклятіе потомства. Но можно ли вѣрить имъ безусловно? Пусть рѣшитъ самъ читатель; намъ остается только напомнить ему: 1) Кто были сочинители сихъ

Лѣтописей, неизвѣстно; видно только, что они писали уже въ царствованіе Романовыхъ, коихъ родъ былъ гонимъ Борисомъ; 2) мы не знаемъ, откуда сіи Лѣтописцы почерпали свѣдѣнія о самыхъ *тайныхъ помышленіяхъ и думахъ* Годунова; 3) угождая духу времени, они старались очернить память его явно-нелѣпыми выдумками: разсказывали, напримѣръ, будто Борисъ отравилъ Царя Ѳеодора, даже нареченнаго зятя своего, Герцога Датскаго, нескромно обнаруживалъ замыслы свои разнымъ лицамъ, и проч. и проч. Но Авраамій Палицынъ обвиняетъ также Годунова? Свидѣтельство его безъ сомнѣнія важно: ибо Палицынъ былъ къ нему снисходительнѣе прочихъ Лѣтописцевъ, и сверхъ того лучше многихъ могъ узнать истину. Однакожь нельзя рѣшительно опираться и на него: сей Историкъ, слѣдуя общей молвѣ, говоритъ только, что Царевича отослали въ вѣчный покой: иначе Палицынъ и писать не могъ, когда всѣ отъ высшаго до низшаго называли Бориса *убойцею.*

III.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ ИНОСТРАННЫЕ.

Изъ сихъ свидѣтелей наиболѣе заслуживаютъ вниманія тѣ люди, кои были въ Россіи въ началѣ XVII вѣка: Беръ, Петрей и Маржеретъ; также Паерле и Дету. (См. ихъ извѣстія въ на-

шемъ собраніи, часть I стр. 102, пр. 84. часть II стр. 2, и третью часть). Всѣ они, исключая Дету, приписываютъ Годунову преступный замыселъ на жизнь Царевича, съ такою рѣшительною увѣренностію, что потомство, читая отдѣльно ихъ показанія, не должно сомнѣваться; но сравнивъ ихъ извѣстія, находитъ явныя противорѣчія: *Беръ* говоритъ, что Царевичъ зарѣзанъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игрывалъ; *Петрей*, что его убили ночью, когда онъ сошелъ съ крыльца посмотрѣть на пожаръ; *Маржеретъ* и *Паерле*, что истинный Царевичъ спасся, а умерщвленъ подложный, не соглашаясь въ обстоятельствахъ: первый разсказываетъ, что убійцею былъ одинъ, и тотъ погибъ на мѣстѣ злодѣянія; а второй, что злодѣевъ было нѣсколько, и что они зарѣзали мнимаго Царевича въ постели. *Дету* слышалъ отъ разныхъ лицъ, что Димитрія закололи, когда онъ сходилъ съ крыльца!

Сообразивъ всѣ показанія свидѣтелей, вникнувъ во всѣ обстоятельства времени, каждый вѣроятто согласится, что Годуновъ если не со всѣмъ правъ, по крайней мѣрѣ не кругомъ виноватъ, и что для каждой души благородной было бы утѣшительно снять проклятіе съ мужа великаго, обвиняемаго, *можетъ быть*, только по стеченію обстоятельствъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Долгъ переводчика заставилъ меня передать слово въ слово столь несправедливый приговоръ объ Іоаннѣ Грозномъ, который, не взирая на свои недостатки, заслужилъ многими дѣлами благодарность потомства. Въ семъ случаѣ свидѣтельство Паерле не имѣетъ никакого вѣса: во 1) онъ не былъ въ Россіи въ царствованіе Іоанна и писалъ о немъ по одной наслышкѣ, по словамъ иноземцевъ, враговъ нашихъ; во 2) самое простое замѣчаніе доказываетъ нелѣпость его сужденія: Неронъ умертвилъ собственную мать свою; можно ли говорить, чтобы Іоаннъ даже сіе чудовище превзошелъ свирѣпостію!

2) Сію басню авторъ, безъ сомнѣнія, слышалъ отъ Поляковъ. Такъ разсказываетъ одинъ изъ нихъ, Жмудскій дворянинъ Товяновскій, о мнимомъ спасеніи Царевича Димитрія (см. *Zycie I. P. Sapiehy, изд. въ 1781, въ Варшавѣ*, и *Исторію Госуд. Россійс. томъ XI, стр. 309*): „Годуновъ, предпріявъ умертвить Димитрія, за тайну объявилъ свое намѣреніе Царевичеву медику, старому Нѣмцу,

именемъ Симону, который, притворно давъ слово участвовать въ семъ злодѣйствѣ, спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ ли онъ столько душевной силы, чтобы снести изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно будетъ искусить оными твердость его? Царевичъ отвѣтствовалъ: „ имѣю!“ а медикъ сказалъ: „ Въ сію ночь хотятъ тебя умертъ„ вить. Ложась спать, обмѣняйся бѣльемъ съ „юнымъ слугою, твоимъ ровесникомъ; поло„жи его къ себѣ на ложе, и скройся за печь: „чтобы ни случилось въ комнатѣ, сиди без„молвно и жди меня.“ Димитрій исполнилъ предписаніе. Въ полночь отворилась дверь; вошли два человѣка, зарѣзали слугу вмѣсто Царевича и бѣжали. На разсвѣтѣ увидѣли кровь и мертваго: думали, что убитъ Царевичъ, и сказали о томъ матери. Сдѣлалась тревога, Царица кинулась на трупъ и въ отчаяніи не узнала, что сей мертвый отрокъ не сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми: искали убійцъ; рѣзали виновныхъ и невинныхъ; отнесли тѣло въ церковь, и всѣ разошлися. Дворецъ опустѣлъ, и медикъ въ сумерки вывелъ оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украйну, къ Князю Ивану Мстиславскому, который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Іоанновыхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ докторъ и Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію искать безопасности въ Литвѣ. Сей юноша присталъ

къ странствующимъ инокамъ, былъ съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской, и наконецъ явился въ домѣ Князя Вишневецкаго." Въ опроверженіе этой басни, мы привели выше въ особенной статьѣ, всѣ обстоятельства кончины Димитріевой. *См. Розыскъ о смерти Димитрія.*

Самозванецъ тщательно скрывалъ обстоятельства мнимаго спасенія своего отъ смерти. Вступивъ на престолъ, онъ издалъ окружную грамоту или манифестъ, въ коемъ говоритъ только, что Богъ укрылъ его отъ козней Годунова. Вотъ собственныя слова его: „Отъ Царя и Великаго Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи въ Сибирь, на Верхотурье, Неудачѣ Остафьевичу Плещееву, да Головѣ Матвѣю Степановичу Хлопову. Божіемъ произволеніемъ и его крѣпкою десницею покровеннаго насъ отъ нашего измѣнника, отъ Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый, не хотя его злокозненнаго промысла исполнити, и меня Государя вашего прироженнаго, Богъ невидимою силою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ. И я, Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Русіи, нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божіею помощію, сѣлъ на престолъ прародителей своихъ, на Московскомъ Царствѣ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царствія; и на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Боя-

ре наши, и Окольничіе, и всякіе приказные люди всего нашего Государства, и иноземцы намъ, прироженному Государю своему, крестъ цѣловали; и мы ихъ пожаловали вины ихъ имъ отдали." *(Собр. Госуд. Грам. II. стр. 201)*.

3) Не Годуновъ, а Соборъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства смерти Димитріевой, донесъ Государю, что Царевичъ самъ себя умертвилъ въ падучей болѣзни.

4) См. выше, въ *Розыскѣ о смерти Царевича Димитрія*, приговоръ Собора и рѣшеніе Государя.

5) Мрачная клевета, которою къ сожалѣнію и нѣкоторые изъ Русскихъ лѣтописцевъ стараются очернить память Годунова. Но нелѣпостію разсказа они сами опровергаютъ себя; напримѣръ, Морозовскій лѣтописецъ баснословитъ такимъ образомъ: „Учреди онъ лукавый Борисъ Годуновъ нѣкое „отравное зеліе, и пойде вверхъ къ Царю, и „вниде въ полату во время стола и вшедъ, „сталъ у поставца.... и Государь позна въ „немъ чрезъ Св. Духа проклятую мысль, и „рече: *О любимый Правитель мой! твори, что „пришелъ еси.... подаждь ми уготованную чашу пити*... Онъ же окаянный, по-

хвативъ изъ поставца чашу златую, и на-ливъ въ ню меду, и отворотяся всыпа зеліе, и поднесъ Государю, и Царь чашу у него принялъ, и оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ.... и выпилъ всю, и рече: *О Борисе! подаждь ми и другую чашу; сладко бо ми есть твое растворение* . . . . Царица же Ирина прослезися, и рече: *что, Государь, ты глаголеши?* и не хотѣла дати ему другой чаши пити. Царь же рече Царицѣ: *Остави мя; уже бо судъ Божій приспѣ ми.* Царица же не познала рѣчей Царя своего, но познала коварство брата своего. Борисъ же стоя поклонися и изыде вонъ, и радовашеся, что Царя и благодѣтеля своего опоилъ.... и Государь Царь Θеодоръ Ивановичъ сталъ изнемогати, и жилъ по той отравѣ только 12 дней." *Карамз. Истор. Госуд. Россійс. X. пр. 366.*

6) Послушаемъ, что говорилъ самъ Воевода Сендомирскій нашимъ Боярамъ объ участіи своемъ въ дѣлѣ Самозванцевомъ, отвѣчая на ихъ вопросы по смерти Лжедимитрія:

„Отвѣтъ на предложеніе господъ Думныхъ, сдѣланное Пану Воеводѣ Сендомирскому."

„Какимъ образомъ тотъ человѣкъ явился въ Польшѣ?"

„Прежде, чѣмъ появился, пребывалъ онъ въ Кіевѣ, въ монастырѣ, въ старческомъ

одѣяніи; а потомъ, бывъ у господина Воеводы Кіевскаго, не хотѣлъ сказаться, и пришелъ къ Князю Адаму Вишневецкому, сказывая и въ томъ его обнадеживая, что онъ есть истинный потомокъ усопшаго Великаго Князя Московскаго Ивана, предлагая то, какъ его Господь Богъ, помощію доктора его отъ смерти спасъ, положа на то мѣсто инаго мальчика, который въ Угличѣ зарѣзанъ; а потомъ тотъ докторъ отдалъ его къ нѣкоторому Боярскому сыну для воспитанія, который тогда присовѣтовалъ скрыться ему между чернецами. Князь Адамъ извѣстіе о томъ учинилъ брату своему Князю Константину Вишневецкому, зятю его милости господина Воеводы, а потомъ его и къ нему отдалъ. И въ то время слуга господина Канцлера Литовскаго, именемъ Петровскій, въ Жаложицы къ Князю Константину Вишневецкому пріѣхалъ, сказывая, какъ онъ ему въ Угличѣ служилъ, и увѣдомляя о знакахъ, которые онъ на его тѣлѣ видѣлъ, и призналъ его за истиннаго сына усопшаго Великаго Князя Московскаго Ивана. И о томъ помянутый Князь Его Королевскому Величеству донесъ: Король же повелѣлъ, представить его къ себѣ; и ѣхалъ съ нимъ помянутый Князь чрезъ Самборъ. Тогда же господинъ Воевода, имѣя нужду къ Его Величеству, обще съ ними ѣхалъ, и въ то время съ нимъ знакомство возъимѣлъ. Тамъ же

въ Самборѣ, нѣкоторый слуга господина Воеводы, пойманный подъ Псковомъ и нѣсколько лѣтъ находившійся въ неволѣ, зналъ его еще въ дѣтствѣ и призналъ его за того же."

„Для чего господинъ Воевода къ себѣ его принялъ?"

„Свидѣтельство, которое не токмо онъ самъ о себѣ, но и тотъ Петровскій, и Московскій народъ, приходившій къ нему даже до Кракова, о немъ давали, не токмо господину Воеводѣ, но и самому Королю, и многимъ господамъ Сенаторамъ, казалось вѣроятнымъ. И такъ безъ сомнѣнія можно было тому вѣрить, что свои и посторонніе люди согласно признавали."

„Для чего ему Король деньги давалъ."

„Въ видѣ милостыни далъ ему деньги чрезъ господина Воеводу изъ тѣхъ денегъ, которыя онъ Королю, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ злотыхъ, платить былъ долженъ. Также и прочіе господа ему деньги давали и тѣми деньгами онъ долги оплачивалъ."

„Для чего господинъ Воевода его провожалъ?"

„Для того, что никто не сыскался, ктобы его порицалъ и противное что либо о немъ сказывалъ. А Его Королевское Величество, разсуждая о перемиріи съ Борисомъ, на то ему господину Воеводѣ позволеніе далъ, дабы безъ затрудненія Рѣчи Посполитой Польской справедливости своей искалъ,

какъ ему извѣстно, и съ тѣмъ онъ отъ Короля съ господиномъ Воеводою поѣхалъ. А господинъ Воевода въ томъ намѣреніи съ нимъ путь предпринялъ, что если бы кто изъ Сенаторовъ Московскихъ на границѣ отозвался, что онъ не есть дѣдичъ и истинный сынъ усопшаго Великаго Князя Ивана; то господинъ Воевода не сталъ бы его провожать и назадъ возвратился бы, до границы не доѣзжая. Однакожъ, вмѣсто сопротивленія Москвичей, каждый день много къ нему людей прибывало; замки Моравскъ, Черниговъ и Путивлъ добровольно поддались; почему господинъ Воевода полагалъ, что онъ истинный дѣдичъ, и что вся Москва его за Государя согласно признать намѣрена."

„Для чего господинъ Воевода по Донскихъ и Запорожскихъ Казаковъ посылалъ?"

„Не господинъ Воевода, а покойникъ." *(Собр. Госуд. грам. II. 293—296)*.

Паерле вездѣ хочетъ доказать, что Сигизмундъ былъ *въ сторонѣ* въ дѣлѣ Димитрія: то же говорятъ и Польскіе писатели. Въ опроверженіе сего ложнаго мнѣнія, приведемъ слова *очевидца*, Секретаря Королевскаго, Александра Чилли (Alessandro Cilli Historia di Moscovia, въ Dz. Pan. Zygmunta): „Я самъ „видѣлъ, говоритъ онъ, какъ Нунцій обни„малъ и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ „о Россіи, и говоря, что ему должно тор-

„жественно объявить себя Католикомъ для „успѣха во своемъ дѣлѣ. Димитрій съ видомъ „сердечнаго умиленія, клялся въ непремѣн-„номъ исполненіи даннаго имъ обѣта, и „вторично подтвердилъ сію клятву въ до-„мѣ у Нунція, въ присутствіи многихъ Вель-„можъ. Угостивъ Царевича пышнымъ обѣ-„домъ, Рангони повезъ его во дворецъ. Си-„гизмундъ, обыкновенно важный и велича-„вый, принялъ Димитрія въ кабинетѣ, стоя, „и съ ласковою улыбкою. Димитрій поцѣло-„валъ у него руку и разсказалъ ему всю свою „Исторію. Чиновникъ Королевскій далъ „знакъ Царевичу, чтобы онъ вышелъ въ „другую комнату, гдѣ Воевода Сендомирскій „и всѣ мы ждали его. Король остался на-„единѣ съ Нунціемъ, и чрезъ нѣсколько ми-„нутъ призвалъ Димитрія. Положивъ руку „на сердце, смиренный Царевичъ болѣе вздо-„хами, нежели словами, убѣждалъ Сигизмун-„да быть милостивымъ. Тогда Король съ „веселымъ видомъ, приподнявъ свою шляпу, „сказалъ: Да поможетъ вамъ Богъ, Москов-„скій Князь Димитрій! а мы, выслушавъ и „разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, не-„сомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына, „и въ доказательство нашего искренняго бла-„говоленія, опредѣляемъ вамъ ежегодно 40.000 „злотыхъ на содержаніе и всякія издержки. „Сверхъ того вы, какъ истинный другъ „Республики, вольны сноситься съ нашими

„Панами и пользоваться их усерднымъ „вспоможеніемъ." *См. Карамз. Ист. Госуд. Рос. XI. стр. 133.*

7) Паерле, описывая походъ Самозванца отъ предѣловъ Польши до Москвы, не упоминаетъ, откуда онъ почерпнулъ приводимыя имъ подробности, коихъ не могъ быть свидѣтелемъ; впрочемъ, кажется, онъ пользовался источникомъ довольно вѣрнымъ: ибо извѣстія его, относительно ко времени, по большой части согласны съ Дневникомъ Лжедимитріевымъ, веденнымъ вѣроятно самимъ Воеводою Сендомирскимъ, или кѣмъ либо изъ его спутниковъ, и напечатаннымъ во II части Собранія Государ. Грам. стр. 167—173, съ подлинника, хранящагося въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Мы приводимъ сей дневникъ, въ дополненіе къ Паерле, въ современномъ переводѣ.

„Путь съ его милостію Царевичемъ, лѣта Господня 1604 года, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

Августъ.

		мили.
25.	Жупновицы, - - - - - - - - - - -	2.
26.	Лубень - - - - - - - - - - - - - -	4.
27.	Сокольники - - - - - - - - - - -	4.
28.—7	Сентября, тамъ же.	

Сентября. *мили.*

8. Гае - - - - - - - - - - - - - - - - 3.
9.—12. Глиняны - - - - - - - - - - - 2.
13. Князье. Господина Сендом. до Буска 3.
14. Плусовъ. Г. Воев. Любельскаго - - 2.
15. Зборовъ. Г. Воев. Любельскаго - - 2.
16. Езерна *). Г. Воев. Любельскаго - 23.
17. Боркъ. Г. Стар. Каменц: - - - 3.
18. Скалатъ. Г. Ходкевичевъ. *Мѣстечко въ Тарноп. области* - - - - - - - - 2.
19. Тамъ же.
20. Маначинъ. К. Константина Вишневецкаго - - - - - - - - - - - - - 4.
21. Тамъ же
22. Трисѣнники. К. Константина Вишневецкаго - - - - - - - - - - - - 2.
23. Олешинъ - - - - - - - - - - - 4.
24. Тамъ же.
25. Игнатовка. Шляхецкая - - - - - - 3.
26. Тамъ же
27. Западинка. Г. Сеняв. *Нынѣ Западницы, деревня въ Волын. губ.* - - - - - 2.
28. Кердановица. Шляхецкая - - - - - 2.
30. Липинья. Владѣніе Г. Лащева. *Городъ Литинъ въ Подольск. губ.* - - - 2.

Октябрь.

1. Салашевъ. Владѣніе Г. Галицкаго - - 2.
2.—4. Стрижевъ. Г. Стрижев. *Стрижевка, село на Бугѣ, въ Подольск. губ.* - 3.

*) Сіи девять мѣстечекъ находятся въ Галиціи, на пути отъ Самбора къ Тарнополю.

Октября. *мили.*

5. **Новогребля. Г. Воев. Брацлав.** *Деревня въ Кіевск. губ.* - - - - - - - - - - - 3.

6. **Губинъ. Княгини Козицкой.** *Губино, Деревня въ Кіевск губ.* - - - - - - - 2.

7.—9. **Бѣлиловка. Княгини Козицкой.** *Село на рѣкѣ Ставицѣ, въ Кіевск. губ.* - 3.

10. **Верховня. К. Розинскаго** - - - - - 3.

11. **Ставище. К. Розинскаго.** *Деревня въ Кіевск. губ.* - - - - - - - - - - - - 4.

12. **Хвастовъ. К. Бискупа Кіевскаго.** *Фастовъ, мѣстечко въ Кіевск. губ.* - - - 2.

13.—15. **Васильковъ. Моныстыря Кіевскаго.** *Городъ въ Кіевск. губ.* - - - - - - - 4.

16. **Бѣлогородка. Г-жи Горностаевой отъ Г. Воев. Кіевск.** *Городъ въ Кіевск. губ.* - 3.

17.—19. **Кіевъ** - - - - - - - - - - - - 3.

20.—22. **Надъ Днѣпромъ** - - - - - - - 2.

23.—25. **За Днѣпромъ** - - - - - - - - 2.

26. **За Сваромъ. Монастырская.** *Сваромье (?) деревня въ Черн. губ.* - - - - - - - 3.

27.—28. **За Жукиномъ *) Шляхецкая. Прислано изъ Моравска съ объявленіемъ подданства** - - - - - - - - - - - 4.

29—30. **При Полчовѣ. Приходили Московскіе люди, предаваясь въ подданство, и тамъ же Воеводы отданы** - - 3.

31. **Моравскъ **). Замокъ отданъ 19 часу** - - - - - - - - - - - - - - - $1\frac{1}{2}$.

---

*) Деревня на Деснѣ, въ Черниг. губ.

**) Мѣстечко Моровскъ, на Деснѣ въ Черниговь. губер.

Ноября. *мили.*

Ноябрь.

1. Въ лагерѣ. - - - - - - - - - - - - - 2.
2. Въ лагерѣ. Боярскій сынъ далъ знать о разрывѣ и шпіонъ пойманъ - - - 3.
3. Въ лагерѣ. Московскіе люди на 80 коняхъ пріѣзжали - - - - - - - - - 2.
4. Въ лагерѣ. Черниговъ поддался - - 3.
5. Черниговъ отобранъ - - - - - - - 1.
6.—15. Тамъ же.
14. Въ лагерѣ, за рѣкою Свиницею - - 2.
15. Въ лагерѣ, за рѣкою Сновою - - - 6.
16. Въ лагерѣ за мостомъ при деревнѣ - 3.
17. Въ лагерѣ - - - - - - - - - - - - 4.
18. Обозомъ. Принесена Папежская грамота - - - - - - - - - - - - - - - 1.
19. Обозомъ - - - - - - - - - - - - - - 4.
20. Обозомъ - - - - - - - - - - - - - - 4.
21. Подъ Новогородкомъ. *Новогородъ Сѣверскій, Черн. губ.* - - - - - - - - - 1.
22.—23. Тамъ же.
24. Тамъ же. Подъ замкомъ пальба.
25.—28. тамъ же. Съ субботы на воскресенье всю ночь пальба; пріѣзжали Путивляне, давая знать о пойманіи Воеводъ.
29. Тамъ же. Воеводы изъ Путивля приведены.
30. Тамъ. же. Казаковъ 200 поймали.

Тамъ же плѣнникъ въ замокъ впущенъ.

Декабря
и Путивляне извѣстіе учинили о пониманіи 200 стрѣльцовъ Московскихъ.

Декабрь.

1. Тамъ же. Путивляне голову стрѣлецкаго и съ сотниками отдали.

2,—3. Тамъ же. Мисекъ въ Польшу отправленъ.

4. Тамъ же. Рыльчане пріѣхали, объявляя, что Рыльскъ поддался и Воеводы пойманы. Тогожъ дня изъ Комарницкой волости люди пріѣхали, съ объявленіемъ подданства, и двухъ Воеводъ привели.

5.—6. Тамъ же.

7. Тамъ же. Передались изъ замка 80 Москвитянъ.

6.—9. Тамъ же.

10. Тамъ же. Получено извѣстіе о сдачѣ Курска. Тогожъ дня привезены 5 Воеводъ изъ Рыльска и 2 изъ Комарницкой волости.

11. Тамъ же Стали мы палить изъ большихъ пушекъ.

12. Тамъ же.

13. Тамъ же. Получено извѣстіе, что волость Кромы поддалась.

14. Тамъ же. Наше войско побило 100 челов. Москв.

15.—18. Тамъ же.

19. Тамъ же. Отецъ Петръ выѣхалъ съ Г. Щукою.

ми и.

Декабря.

20.—23. Тамъ же.

24. Тамъ же. Московскихъ 100 человѣкъ вошли въ замокъ.

25. Тамъ же. Наши побили Москвитянъ, которые въ замокъ приходили. Тогожъ дня, съ пятницы на субботу, принесено ко мнѣ письмо изъ войска Борисова.

26. Тамъ же. Три солнца видѣли.

27. Тамъ же.

28. Тамъ же. Войско Борисово приближалось, и при переправѣ, за милю отъ насъ, наши съ ними стрѣлялись. Тогожъ дня передались отъ нихъ два Боярина.

29. Тамъ же. Передался Бояринъ изъ войска Борисова.

30. Тамъ же. Начало стычки съ войскомъ Борисовымъ; побито нѣсколько.

31. Тамъ же. Счастливое, по милости Божіей, сраженіе съ войскомъ Борисовымъ; побито до 4000 человѣкъ.

Январь.

1. Тамъ же. Войска Запорожскаго пришло 4000.

2.—11. Тамъ же.

12. Съ Новогородка въ Нергодѣ - - - - 2.

13. Въ лѣсу при деревнѣ. Тревога - - - 4.

14. Надъ болотомъ при деревнѣ - - - 5.

мили.

Января

Надъ озеромъ, и того дни разъѣхались съ его М. Царевичемъ.

15. За Путивлемъ. Уѣхали - - - - - - 2.

16. Надъ озеромъ - - - - - - - - - - 6.

17. Въ лѣсу подъ горою - - - - - - - 2.

18. Подъ буеракомъ въ полѣ - - - - - 4.

19. Въ Перашинѣ. К. Юрья Вишеневец. *Гор. Пырятинъ въ Полт. губ.* - - - 6.

20—22 Тамъ же.

23. Іогашинъ Госпожи Воев. Волынской. *Мѣстечко Яготинъ въ Полт. губ.* - - 7.

24. Переяславль. Госпожи Воев. Волынской. *На Трубежѣ, въ Полт. губ.* - - 4.

25. Тамъ же.

26. Борисполь. Господина Гетмана Польскаго. *Мѣстечко въ Полт. губ.* - - - 6.

27. Кіевъ - - - - - - - - - - - - - 5.

28. Подъ Бѣлогородкою. *Мѣстечко въ Кіевск. губер.* - - - - - - - - - - - 4.

29. Бразиловъ. *Нынѣ Брусиловъ, мѣст. въ Кіевской губер.* - - - - - - - - - 7.

30. Котельня. Г. Тишкевича. *Мѣст. въ Волын. губер.* - - - - - - - - - - - - 7.

31. Слободище. Г. Тишкевича - - - - 4.

Февраль.

1. Черторія. Г. Краковск. *Мѣст. Новая Черторія, на Случѣ, въ Волын. губ.* - 7.

2. Гричевъ. Г. Воев. Брацлав. *Грицовъ, мѣст. въ Волынской губерніи* - - - 4.

мили.

Февраль.

3. Камень. Г. Челганскаго - - - - - - - 8.
4. Вербовъ. К. Михаила Вешневец. - - 5.
5. Жалоище. К. Константина Вишневец. *Залоише (?) въ Галиціи* - - - - - - 5.
6. Тамъ же.
7. Кильчиче. Г. Ходкевичевъ - - - - - 5.
8. Львово. *Лемберегъ въ Галиціи* - - - 9.
9. Тамъ же.
10. Лубень. - - - - - - - - - - - - - - 4.
11. Самборъ. *Городъ на Днѣстрѣ въ Галиціи* - - - - - - - - - - - - - - - 6.

12—17. Тамъ же.

На оборотѣ надпись: „Дневная записка Московскаго пути, т. е. трактъ, по которому слѣдовалъ Царь Димитрій изъ Польши въ Москву, иждивеніемъ Г. Воев. Сендомирскаго."

8) Такъ называется сіе мѣстечко (нынѣ Моровскъ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова) и на картѣ Россіи, составленной въ началѣ XVII вѣка по чертежу Царевича Өеодора Борисовича Годунова. См. 3 часть Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ.

9) Klein Novogrodeck. Авторъ разумѣетъ Новгородъ Сѣверскій.

10) Bornica Ogarowa. Борисъ, свѣдавъ о вступленіи Лжедимитрія въ Россію, послалъ

сначала къ Сигизмундовымъ Вельможамъ дядю Разстригина, Смирнаго Отрепьева, а въ послѣдствіи дворянина Огарева къ самому Королю.

Въ то же время приказалъ вписать въ Розрядной книгѣ слѣдующую статью:

„Учинилась вѣсть Государю Царю и Великому Князю Борису Θедоровичу всея Русіи, что назвался въ Литвѣ воръ Государскимъ именемъ Царевичемъ Дмитреемъ Углицкимъ, Великаго Государя Царя Ивановымъ сыномъ.

„А тотъ воръ Разстрига Гришка сынъ сотника Стрѣлецкаго Богдана Отрепьева, постригшись былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ, и въ 111 году (1603) сшелъ на Сѣверу и сбѣжалъ за рубежъ въ Литву и пришелъ въ Печерскій монастырь, а съ нимъ воръ жъ чернецъ Мисаило Повадинъ, и умысля дьявольскою кознію, разболѣлся до умертвія и велѣлъ бить челомъ Игумену Печерскому, чтобъ его поновилъ и въ духовнѣ (*на исповѣди*) сказалъ, будто онъ сынъ Великаго Государя Царя Ивана Васильевича, Царевичъ Дмитрій Углицкій, а ходитъ будто въ искусѣ не постриженъ избѣгаючи, укрываяся отъ Царя Бориса, и онъ бы Игуменъ, послѣ его смерти, про то всѣмъ объявилъ; и послѣ того всталъ, сказалъ, будто полегчело ему.“

„И тотъ Игуменъ съ тѣхъ мѣстъ учалъ

его чтить, чаялъ то правда и вѣдомо учинилъ Королю и Сонаторѣмъ; а тотъ Разстрига, сложивъ черное платье, сшелъ къ Сендомирскому, называючись Царевичемъ, да и Московскаго Государства во всей Сѣверѣ и въ Польскихъ городѣхъ учинилось то вѣдомо.“ *Собр. Госуд. Грам. II стр. 163.*

О родѣ и племени Самозванца, представлено было въ послѣдствіи, въ Декабрѣ 1606 года, Польскимъ Сенаторамъ слѣдующее обстоятельное извѣстіе посломъ Царя Василія Ивановича Шуйскаго, Княземъ Волконскимъ:

„Онъ (*Самозванецъ*) былъ не Царевичъ Дмитрей, *но* богоотступникъ, еретикъ, чернецъ, Разстрига Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, а въ мірѣ его звали Юшкомъ (*Юріемъ*). Дѣдъ его Замятня былъ пострижень въ Чудовѣ монастырѣ, а отца его, Богдана, зарѣзалъ Литвинъ на Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ. А онъ Юшка былъ въ холопѣхъ у Бояръ у Никитиныхъ, дѣтей Романовича, и у Князя Бориса Черкасскаго, и заворовався, постригся въ чернцы, и былъ въ чернцахъ въ Суздалѣ, въ Спасскомъ Евѳимьевѣ монастырѣ, и въ Галичѣ у Ивана Предтечи, и по инымъ монастырямъ, а послѣ того былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ съ годъ, а ставилъ его въ дьяконы Іовъ Патріархъ Московскій и всея Русіи, а потомъ взялъ его къ себѣ Іовъ Патріархъ

Московскій *для* письма, и онъ учалъ воровать и безчинствовать, и впалъ въ еретичество, и за тѣ его богомерзкія дѣла съ Собору хотѣли сослать въ заточенье на смерть, и онъ, злокозненный врагъ, свѣдавъ о томъ, сбѣжалъ въ Литву въ Кіевъ, и былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ и въ Дерманѣ монастырѣ въ дьяконѣхъ же; и послѣ того тотъ воръ, по дьявольскому ученью, отвергся Христіанскія вѣры, образъ Ангельскій испоругалъ, черенческое платье съ себя свергъ, и по вражью совѣту, своимъ злодѣинымъ обычаемъ и по умышленію Сендомирскаго Воеводы и Вишневецкихъ и иныхъ, которые ему совѣтовали, злочестивый и скаредный свой языкъ на злодѣйское дѣло извострилъ, учалъ называтись блаженныя памяти, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи сыномъ Царевичемъ Дмитреемъ Углицкимъ" (*Собр. Госуд. грам. II, стр. 322*).

11) Такъ описываетъ Паерле Добрынское сраженіе. Извѣстія его не согласны ни съ Беровыми, ни съ Маржеретовыми. По словамъ Бера, честь побѣды принадлежитъ Нѣмецкой дружинѣ, а по сказанію Маржерета, Нѣмцы Борисовы разбѣжались вмѣстѣ съ прочими, и только Русская пѣхота могла остановить Самозванца. Маржеретъ, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ болѣе вѣроя

тія: ибо онъ самъ участвовалъ въ Добрынской битвѣ.

12) Cosakhen *Duinski*, то есть Донскіе Казаки, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ.

13) Pedihorzen. Пятигорцы обитали по Кубани и Тереку, какъ видно изъ карты Царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, и Древ. Росс. Идрогр. стр. 58.

14) Такъ въ подлинникѣ. Ошибка очевидна: авторъ разумѣетъ рѣку *Кромъ*.

15) Борисъ Годуновъ умеръ 13 Апрѣля 1605 года; а войско передалось Самозванцу подъ Кромами 7 Мая. Слѣдовательно спустя почти мѣсяцъ по смерти его.

Лжедимитрій увѣдомлялъ Станислава Мнишка, нареченнаго шурина своего, слѣдующимъ письмомъ о покорности войска, осаждавшаго Кромы:

„При объявленіи благосклонности нашей, желаемъ вашей милости добраго отъ Господа Бога здравія.

„Писали мы къ вамъ въ прежнихъ письмахъ нашихъ чрезъ Сверскаго, объявляя о поведеніи нашемъ; а нынѣ, что по отъѣздѣ вашемъ случилось, извѣстно чинимъ: по волѣ всемогущаго Бога, по смерти Борисовой, главное войско, съ которымъ мы подъ Новго-

родкомъ дѣло имѣли, нѣсколько недѣль насъ подъ Кромами ожидая, подлинное о насъ, яко о природномъ Государѣ, извѣстіе получа, къ намъ Князя Ивана Голицына, великаго и знатнаго чековѣка въ Государствахъ нашихъ, такожъ и пословъ изъ всѣхъ повѣтовъ, съ объявленіемъ подданства и повиновенія прислало, милосердія прося, дабы мы имъ оную вину, которою они, съ невѣденія, противъ насъ, природнаго Государя, учинили, простить изволили, сказывая то: „Мы всѣ тѣмъ лукавымъ обманомъ отъ Бориса прельщены были, какъ и по смерти Борисовой, сыну его въ томъ присягать и его за Государя имѣть хотѣли; а противъ Гришки Отрепьева, котораго онъ быть именовалъ, противостоять обѣщались; но форма присяги инако намъ выдана была, не такъ, какъ мы разумѣли, понеже въ оной формѣ имя Гришки не упомянуто, дабы мы противнымъ образомъ съ тобою, природнымъ Государемъ нашимъ, В. Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ поступали и тебя въ Государи себѣ не избрали. Мы же совершенно остереглись и единогласно сказали, дабы ты, яко природный Государь, по воспріятіи престола святой памяти предковъ своихъ, надъ нами благополучно въ многолѣтныя времена государствовать изволилъ; и тамъ, вмѣсто присяги Борисову сыну учиненной, тебѣ присягу учинили.“ Нѣкоторыхъ Сенаторовъ, которые

сторону Борисову держали, связавъ, къ самому столичному городу Москвѣ нѣсколькихъ знатныхъ людей послали, объявляя, что я подлинный сихъ Государствъ дѣдичъ, и къ тому ихъ склоняя, дабы и они, такъ какъ и тѣ, намъ подданство и присягу исполнили. А ежели бы на то склониться не хотѣли, то принудить ихъ къ тому силою. Сверхъ того, насъ, чрезъ пословъ своихъ, усильно просятъ, чтобы мы безъ замедленія на коронацію поспѣшали; почему мы въ скорости изъ Путивля, Мая 25 дня, прямо къ Москвѣ ѣдемъ. Что же съ нами впредь чиниться будетъ, о томъ васъ увѣдомить не оставимъ. Изъ Путивля, 24 Мая 1605 года. *(Собр. Госуд. грам. II. стр. 196)*.

16) Послѣ свидѣтельства Бера и Петрея (см. I часть Сказ. Совр. о Д. С. стр. 58), не остается никакого сомнѣнія, что вдова Бориса Годунова и сынъ его Ѳеодоръ удавлены по приказанію Самозванца.

17) Не такъ-то скоро: Самозванецъ вступилъ въ Москву 30 Іюня, а Царица пріѣхала 28 Іюля: слѣдовательно чрезъ цѣлый мѣсяцъ, хотя она жила только въ пятистахъ верстахъ отъ столицы. Это значитъ, что мать Св. Димитрія не вдругъ согласилась на обманъ.

*

18) Многіе готовы были присягнуть, говоритъ Беръ, что Лжедимитрій былъ сынъ ея!

19) По ходатайству Царицы-Матери, говоритъ Маржеретъ. — Какое дѣло было Полякамъ до Шуйскаго? „Совѣсть, вѣроятно, терзала сію несчастную пособницу обмана, замѣчаетъ справедливо Карамзинъ: спасая мученика истины, Мареа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ.“

20) Власьева, Великаго Секретаря и Казначея.

Кромѣ Власьева, Лжедимитрій послалъ въ Польшу Секретаря своего Яна Бучинскаго, который писалъ къ нему въ Январѣ 1606 года слѣдующее любопытное донесеніе:

„Много было мнѣ писати къ Вашей Царской милости то, что ся здѣсь дѣлало, и много о томъ кручинюсь, что было мнѣ писать того не съ кѣмъ; какъ приказалъ былъ Ваша Царская милость послать Горемыку, и язъ велѣлъ ему готовиться, и наяснѣйшая Панна Горемыки мнѣ отъ себя посылати не велѣла, потому что де все у него и что ему прикажетъ, то все онъ дѣлаетъ - и того для язъ не послалъ Горемыки, а съ инымъ ни съ кѣмъ писати подлинно не имѣлъ А нынѣ пишу, что добре не любо было нѣ

которымъ нашимъ Панамъ пріѣздъ мой съ тѣмъ вашимъ наказомъ, потому что еще Король и первыя грамоты вашей, которую Гасевскій принесъ, Панамъ Радамъ не казалъ. Пригонилъ гонецъ вашъ на пословъ вашихъ по опасную грамоту, и Паны Рада думали, какъ опасная грамота на вашихъ пословъ дати, съ Царскимъ ли титломъ, или безъ титла? И гонецъ де, чаю, безъ титла грамоты не возметъ. И досадовали Паны Рада на Короля, для чего имъ по ся мѣста Король первыя грамоты не показалъ, и многіе Паны Королю говорили, что вы Его Королевской милости за его великія добродѣтели злымъ отдаешь, а толькобъ онъ тебѣ не помогалъ, и онъ бы за то много дѣлъ по Борисѣ взялъ, а отъ тебя ничего добраго не чаетъ. Въ одной грамотѣ пишешь, чтобы съ тобою случитись и совокупитись противъ Турскаго, а въ иной пишешь съ отказомъ и грозячи Его Королевской милости; а хочешь того, чтобъ тебя писалъ: *непобѣдимымъ Цесаремъ*, сего ни единъ на свѣтѣ Крестьянскій Государь такъ не дѣлаетъ. Колибъ де тебя кто иной писалъ *непобѣдимымъ*, ино бы то было не диво, а то ты самъ себя такъ пишешь; а такое слово Богу одному подобаетъ; поганцы некрещеные такъ дѣлаютъ, которые не знаютъ всесильности Божіей; а ты де большее Богажъ не знаючи, такъ ся называешь предъ Богомъ, и

по твоей де и той великой спѣси и гордости, подлинно тебя Богъ сопхнетъ съ столицы твоей, и надобе то указать всему свѣту и Москвѣ самой, какой ты человѣкъ, а и сами Москвичи о томъ догадаются, какой ты человѣкъ, и что имъ хочешь сдѣлати, коли ты не помнишь добродѣтели Короля, Его милости; — а тѣ слова говорилъ Панъ Воевода Познаньскій..... *(Собр. Госуд. Грам. II. стр. 258)*.

21) Авторъ разумѣетъ бравъ Сигизмунда съ Констанціею, дочерью Стирійскаго Эрцгерцога Карла.

22) Въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевны Анны.

23) По свидѣтельству Боплана, Бахматами—Baquemates—назывались лошади Татарскія, неуклюжія, малорослыя, но весьма быстрыя и неутомимыя, съ длинными густыми гривами. То же говоритъ и Гваньини въ описаніи Татаръ Крымскихъ. Description d'Ukranie, 1660, стр. 38.

24) Это были Рынды.

25) Не только Цари, но и Великіе Князья никогда не искали титула Королевскаго.

6) Не Иванъ Васильевичъ, а Василій Ивановичъ Шуйскій, вступившій на престолъ чрезъ десять дней послѣ сего бракосочетанія.

27) Такъ въ подлинникѣ.

Въ поясненіе извѣстій Паерле о свадьбѣ Лжедимитрія съ Мариною, приводимъ слѣдующій современный отрывокъ брачнаго обряда, сохранившійся въ нашемъ Архивѣ:

,,.... Передъ Государынею итти дружкамъ, а за ними протопопу со святою водою, да со крестомъ, въ патрахели и въ поручахъ саженыхъ, а за Государынею итти свахамъ всѣмъ и Боярынямъ сидячимъ; а вести Государыню подъ ручку Воеводѣ отцу ея, да Княжъ Ѳедоровѣ Княгинѣ Ивановича Мстиславскаго. И пришедъ въ столовую избу, протопопу благословить Государыню на мѣсто крестомъ; а какъ изготовится все, и итти къ Государю сказати про то дружкѣ Боярамъ Князю Дмитрею Ивановичу, да Григорью Ѳедоровичу, да Рождественскому протопопу. И Государь пойдетъ изъ хоромъ въ столовую же избу, а передъ Государемъ итти поѣзду и дружкамъ всѣмъ, да протопопу съ святою водою и со крестомъ; а пришедъ, протопопу говорити *достойно есть*, и благословить Государя и Государыню крестомъ; да говоритъ протопопъ молитвы обручальныя по чину, а дружки въ тѣ поры рѣжутъ

караваи и сыры и подносятъ ширинки. А какъ обручанье отойдетъ, и Государю и Государынѣ итти въ грановитую палату постельнымъ крыльцомъ; а путь слати сукна и бархаты изъ столовыя избы отъ Царскаго мѣста до грановитыя палаты до Царскаго мѣста и до Пречистой, и въ Пречистой вдвое. А въ столовой у обручанья быти одному Воеводѣ Сендомирскому, да тѣмъ, которые въ поѣзду; а Воеводинымъ пріятелямъ и Литовскимъ посламъ всѣмъ дожидатись Государева выходу въ золотой полатѣ, послати полавочники бархатные. И какъ Государыня придетъ въ грановитую полату къ Цесарскому престолу, и сядетъ Государь; и въ тѣ поры, пришедъ къ Государынѣ, говорить рѣчь тысяцкому Боярину Князю Василью Ивановичу: „А наяснѣйшая и Великая Государыня Цесарева и Великая Княгиня Марья Юрьевна всея Русіи! Божьимъ праведнымъ судомъ, и за изволеньемъ наяснѣйшаго и непобѣдимаго Самодержца Великаго Государя Дмитрея Ивановича, Божьею милостью, Цесаря и Великаго Князя всея Русіи, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Цесарское Величество изволилъ васъ, наяснѣйшую Великую Государыню взяти себѣ въ Цесареву, а намъ въ *Государыню* (?), и Божьею милостію, обручанье Ваше Цесарское нынѣ совершилось; и вамъ бы наяснѣйшей и Великой Государынѣ

нашей, по Божьей милости и по изволенію Великаго Государя нашего, Его Цесарскаго Величества, вступити на свой Цесарскій маестатъ, и быти съ нимъ Великимъ Государемъ на своихъ преславныхъ Государствахъ.“ А изговоря, протопопу благословить крестомъ на мѣсто; и какъ Государыня сядетъ на своемъ Цесарскомъ мѣстѣ, и въ тѣ поры велитъ Государь итти Литовскимъ посламъ и Воеводинымъ пріятелямъ, по списку; взяти списокъ у Воеводы. А явить Литовскихъ пословъ Ѳоонасью *(Власьеву)*; и Государь пожалуетъ велитъ Литовскимъ посламъ сѣсти по прежнему, а Воеводѣ сидѣти на старомъ мѣстѣ, а Боярамъ и Окольничимъ и дворянамъ всѣмъ сидѣти по мѣстамъ, а поѣзду стоять. А Патріархубъ со всѣмъ соборомъ притти въ церковь на третьемъ часу, и пѣти молебны; а въ навечерье того дни велѣти въ соборной церкви и по монастырямъ и по всѣмъ церквамъ пѣти всенощное и праздновати Троицѣ. А чинъ въ соборной церкви устроити: поставити середъ церкви налой съ паволокою, гдѣ стояти Царскому чину, а паволака прежняя; да устроити чертожное мѣсто, сдѣлати новое пошире стараго, а у него 12 степеней, обалочи багрецомъ; да поставити Государю престолъ Персидскій золотъ съ каменьемъ, да колодка золотная, а съ правую сторону поставить стулъ Патріарху, а съ лѣвыя

Государынѣ Цесаревѣ поставити стулъ большой золотой, да колодочка золотная бархатная, или камчата. А отъ чертожнаго мѣста слати сукнажъ багрецовыя и бархаты Государю и Государынѣ съ золотомъ, а Патріарху бархатъ черпъ; и поставити отъ чертожнаго мѣста по обѣ стороны скамьи, гдѣ сидѣти властямъ; а послать полавочники Государевы 2 на рядъ съ плетенки. А устроивати Окольничему Ивану Ѳедоровичу Колычеву, да Думному дворянину Григорью Микулину, а съ ними земскимъ приказнымъ людямъ и дьякамъ. А какъ въ соборной церкви уготовается, и Государь пошлетъ на казенный дворъ по Царской чинъ; а итти постельничему Семену Шапкину, да стряпчему Князю Лукѣ Львову, да протопопа Ѳедора, да дву дьяконовъ Благовѣщенскихъ. И какъ Царскій чинъ принесутъ, и Государь Цесарь и Великій Князь Цесарскій чинъ велитъ приняти Конюшему Михаилу Ѳедоровичу Нагово, и поднести къ себѣ, и прикладывается къ животворящему кресту и цѣлуетъ корону; а духовникъ говоритъ *достойно есть*. Потомъ пошлетъ съ Михайломъ же тотъ Царскій чинъ къ Государынѣ Цесаревѣ, и Государыня ступитъ съ своего мѣста ступени съ три, и прикладывается ко кресту и цѣлуетъ корону, и приложась, велитъ Государь приняти крестъ и корону и діадиму протопопу Ѳедору, и нести на главѣ,

покрывъ пеленою, къ пречистой Богородицѣ; и отпустити ихъ въ Соборную церковь ко пречистой Богородицѣ съ Бояриномъ съ Михайломъ Өедоровичемъ, а блюдо нести дьяку Өедору Янову. А въ то время, какъ несутъ, звонити во всѣ колокола, и встрѣтитъ чинъ Царскій Патріархъ у дверей, вышедъ изъ церкви со всѣмъ соборомъ, а принять у протопопа Царскій санъ Митрополитамъ Новгородскому, да Ростовскому, и поднесутъ къ Патріарху, а Патріархъ поставитъ на налоѣ. А проводя, Бояринъ Михайло Өедоровичъ пойдетъ къ Государю и скажетъ, что уготовано. А въ церкви, у Царскаго сану и у мѣста оставити Окольничего Ивана Колычева, да Думнаго дворянина Григорья Микулина, да дьяка Өедора Янова. И Государь Цесарь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всея Русіи и Государыня Цесарева и Великая Княгиня Марья Юрьевна всея Русіи пойдутъ въ соборную церковь вмѣстѣ, по ряду; а вести Государя подъ правую руку Воеводѣ Сендомирскому, а Государыню вести подъ лѣвую руку Мстиславской Княгинѣ. А передъ Государемъ итти столникомъ и стряпчимъ, да Воеводинымъ пріятелямъ и посламъ, а за ними поѣздъ; а за поѣздомъ нести скипетръ Князю Василію Васильевичу Голицыну, яблоко нести Петру Өедоровичу Басманову; а достальнымъ Боярамъ и Думнымъ людямъ и дворянамъ и

приказнымъ людямъ и пріятелямъ Воеводинымъ итти за Государемъ. А протопопъ Өедоръ, отнесчи корону, снявъ съ себя ризы, въ патрахели идетъ ко Пречистой, передъ Государемъ и передъ Государынею кропитъ. А на крыльцѣ, для береженья, быти Головамъ Стрѣлецкимъ двѣмъ человѣкомъ; а по пути уставливати народы: по праву отъ грановитыя полаты Головы два человѣка, а съ ними 10 человѣкъ Сотниковъ, да 100 человѣкъ стрѣльцовъ; а по лѣву отъ судныхъ полатъ Головыжъ 2 человѣка, а съ ними 10 человѣкъ Сотниковъ, да 100 человѣкъ стрѣльцовъ; а рцыремъ и драбантамъ своими Капитаны стоять по чину по обѣ стороны, да съ ними стрѣльцы Посниковъ приказъ Огарива. А какъ войдетъ Государь и Государыня въ церковь, и пѣти многолѣтье Государю; а Государь прикладывается къ образамъ къ пречистой Богородицѣ къ чудотворному образу, да къ чудотворцамъ къ Петру и къ Іонѣ; а Государынѣ итти за Государемъ, а вести подъ руку Воеводѣ, да Княжъ Өедоровѣ Княгинѣ Мстиславскаго, да передъ неюжъ итти дружкамъ, а позади итти свахамъ, а у образовъ и у чудотворцевъ, гдѣ Государынѣ прикладыватися, приступцы сдѣлати колодочки, смотря по мѣстамъ. А въ церкви въ тѣ поры уставливаютъ народы Окольничіе, да Стольники. А Патріархъ отъ себя пошлетъ Архимандри-

ша, да Игумена, да ключарей; и какъ Государь и Государыня, прикладываясь у образовъ, придетъ къ Патріаршу мѣсту, и Патріархъ со всѣми властьми поклонится Государю и Государынѣ, и благословитъ Государя и Государыню, и возведетъ Государя и Государыню на чертожное мѣсто; а вести Государя по правую руку Патріарху, а Государыню по лѣвую руку Митрополиту Новгородскому. А власти сядутъ по скамьямъ, а Бояре станутъ за Государемъ у столпа по правую сторону, а по лѣвую сторону стоятъ Боярынямъ; а стоятъ у Патріарха архидіакону, да протодіакону, по правую сторону за Государемъ, а Боярынямъ по лѣвую сторону у Государыни, пониже чертожнаго мѣста. И посидѣвъ, Государю говорити рѣчь Патріарху; и Патріархъ благословитъ Государя и Государыню, и говоритъ Государю рѣчь. И послѣ рѣчи, велитъ Патріархъ 2 Архимандритамъ Троицкому, да Володимірскому, да Игумену Пафнутьевскому, да Осиповскому принести животворящій крестъ на другомъ на златомъ блюдѣ, а у нихъ примутъ 2 Архіепископа Смоленскій да Рязанскій, и поднесутъ къ Патріарху, и Патріархъ, поцѣловавъ, благословитъ и положитъ на Государыню Цесареву; и архидіаконъ начнетъ малую октенью, и по октеньѣ, Государыня преклонитъ главу, и Патріархъ возложитъ на верхъ главы Го-

сударыни руку и говоритъ молитву во услышанье всѣмъ. И по молитвѣ пошлетъ Патріахъ Архимандрита Владимірскаго, да Спасскаго, до Игуменовъ 2 Борисоглѣбскаго, ... да Угрѣшскаго, по бармы, по діадиму; а у Архимандритовъ пріимати Митрополитъ Крутецкій, да Архіепископъ Суздальскій, и принесутъ къ Патріарху, и Патріархъ, пріявъ, цѣлуетъ и знаменуетъ ими Государыню Цесареву, и Государыня ихъ цѣлуетъ; а Патріархъ возложитъ на Государыню, и благословитъ крестомъ, и говоритъ молитву. И по молитвѣ, пошлетъ Патріархъ по Царскую корону Архіепископовъ двухъ Архангельскаго, Астраханскаго, да Архимандритовъ двухъ, Симоновскаго, да Андрониковскаго; а у нихъ примутъ Митрополиты Новгородскій, Ростовскій, и принесутъ Патріарху; и Патріархъ, перекрестивъ рукою, благословитъ Государыню крестомъ и положитъ на нея. А свахамъ предъ тѣмъ, какъ принесутъ корону, сняти вѣнецъ, въ которомъ будетъ Государыня; и въ то время позакрыти покровцы низаными. И потомъ Митрополиты, и Архіепископы и Епископы, вшедъ на мѣсто, благословляютъ Государя и Государыню. И послѣ того Государь, принавъ Государыню за десную руку, посадитъ и самъ сядетъ; и посидѣвъ мало, Цесарь и Цесарева и Патріархъ встанутъ, а Архидіаконъ начнетъ октенью большую; и

по октеньи, Патріархъ говоритъ молитву Пречистой. И по молитвѣ, Цесарь и Цесарева и Патріархъ и власти сядутъ на своихъ мѣстахъ, и Архидіаконъ кличетъ на амбонѣ многолѣтье Государю и Государынѣ Цесаревѣ, и Священники въ олтарѣ поютъ многолѣтье Государю и Государынѣ, а дьяки на правомъ крылосѣ поютъ многолѣтье по трожды. И по многолѣтьи, Патріархъ, вставъ со всѣми властьми, поздравляютъ Государя и Государыню; а послѣ того здоровают Государя и Государыню Бояре и дворяне и всякіе люди. А послѣ совершенья молебна, Государь и Государыня и Патріархъ сойдетъ съ чертожнаго мѣста и начнетъ обѣдню; а Государь Цесарь станетъ на своемъ Цесарскомъ мѣстѣ, а Государыня пойдетъ въ придѣлъ Дмитрія Селунскаго, а съ нею свахи и боярыни не многія, кому Государь укажетъ, А послѣ херувимской, какъ осѣнятъ свѣщею, положитъ Патріархъ на Государыню чѣпь злату Мономахову, а Государю итти съ Государынею вмѣстѣ. А какъ учнутъ пѣти кенаники, и въ тѣ поры постельничему Семену Шапкину послати передъ Царскими дверьми коверъ, а на верхъ ковра бархатъ золотой; а архидіаконъ и протодіаконъ зовутъ Государыню Цесареву на помазанье и къ причастію, а Государь пойдетъ съ неюжъ. И послѣ совершенія обѣдни, тутожъ передъ Царскими дверьми бы-

ти вѣнчанью; а вѣнчати протопопу Ѳедору, а Патріарху и властямъ стояти на своемъ мѣстѣ. А у Государя и у Государыни стоять тысяцкому и дружкамъ и свахамъ, а Боярамъ и Думнымъ людямъ стояти за Царскимъ мѣстомъ, а народъ въ тѣ поры изъ церкви выслати; а съ виномъ съ церковнымъ стоять и наряжать Аѳанасій Алекс. Нагой, а скляницу держати Семену Шапкину, а Государеву корону на блюдѣ держать Конюшему М. Ѳ. Нагово, а у Государыни свахѣ, Андреевѣ женѣ Александровича. А осыпати Государя Цесаря и Великаго Князя Дмитрія Ивановича всея Русіи Боярину Князю Ѳ. И. Мстиславскому, у Пречистыя на рундукѣ, какъ пойдетъ изъ двери; а мису держати Казначею Василью Головину, а золотыя деньги носить казенному дьяку Меньшему Булгакову. А пути всѣ слати сукны багрецы, а на нихъ бархаты; а слать Казначею Василью Петровичу Головину, да казеннымъ 5 дьякамъ. А какъ изъ двери пойдетъ, и въ дверяхъ осыпати трижды, и итти къ грановитой полатѣ въ столовую избу, и у грановитой полаты и у столовой осыпать вездѣ по трижды; а Литовскихъ пословъ отпустить отъ Пречистыя. А пришедъ Государь въ столовую избу, посидитъ не много за столомъ до третьей ѣствы, а ѣствы подать приказные и пойдетъ Государь въ свои хоромы; а поѣзду провожать до постель-

ныхъ хоромъ, а воеводѣ Сендомирскому и Тысяцкому до постели. А за столомъ быти Воеводѣ и пріятелямъ его и Боярамъ не многимъ. А большаго стола на первый день не будетъ, а быть большимъ столамъ въ грановитой полатѣ по три дни; сидѣть Воеводѣ и посламъ и пріятелямъ Воеводскимъ въ кривомъ столѣ, а противъ ихъ; и потчивать Бояринъ П. Ѳ. Басмановъ, да Окольничій К. Григорій Ромодановскій, да Думный дворянинъ Гр. Микулинъ, да приставы. А слугамъ Воеводскимъ и посольскимъ и жолнырамъ лучшимъ выбравъ человѣкъ до 150, посадити въ золотой полатѣ; а потчивать ихъ Думнымъ Дворянамъ, Пушкинымъ, да дьяку Шипилову. А мусикѣ на первой день не быть, а быть въ грановитой полатѣ за большимъ столомъ.“ (*Собр. Госуд. грам. II. 289—293*).

28) Причина сего посольства неизвѣстна: вѣроятно Самозванецъ хотѣлъ вооружить Персидскаго Шаха на Турковъ.

29) Въ подлинникѣ: Bladini Dyetie.

30) Gregorius Wokiof. Самозванца умертвили двое: Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ (*Карамз. Истор. Государ. Россійс. XI пр. 532*). Волуева Нѣмцы называютъ Wolnik и Mulnik. Исторіографъ Миллеръ никакъ не

могъ разгадать этого имени и думалъ, что Mulnik есть имя нарицательное Мыльникъ, т. е. мыловаръ (Samml. Russ. Gesch. V. 357). И въ Беровой лѣтописи стоитъ Mulnick: тамъ описка, кажется, очевидная.

31) Паерле совершенно оправдываетъ нашихъ Бояръ въ непристойномъ дѣлѣ, взведенномъ на нихъ Пасторомъ Мартиномъ Беромъ. (См. I часть Сказ. сов. о Д. С. пр. 78.)

32) Въ подлинникѣ Sklinskytwor. Въ письмѣ В. Сендомирскаго упоминается о какомъто Склинскомъ; вѣроятно по имени его названъ дворъ, гдѣ жилъ Бучинскій (Соб. Госуд. Грам. II. 286).

33) Ignaciewiz. Кажется это былъ Татищевъ, Михайло Игнатьевичъ. Авторъ перемѣшалъ имена.

34) Безсмысленная сказка! Въ примѣчаніяхъ къ Беровой лѣтописи, я уже объяснилъ, почему въ семъ случаѣ дерзкія слова иноземца, Лютеранина, врага нашего, не заслуживаютъ никакого вѣроятія (см. I час. Сказ. сов. о Д. С. пр. 85). Считая излишнимъ повторять свое мнѣніе, сдѣлаю еще одно замѣчаніе: изъ грамоты Царской видно, что въ Угличъ отправлены за мощами Св. Димитрія Митрополитъ Ростовскій Фила-

ретъ, Епископъ Астраханскій Θеодосій, Архимандритъ Спасскій Сергій, Архимандритъ Андроновскій Авраамій, Князь Воротынскій, Бояре Шереметевъ, Григорій и Андрей Нагіе (*Собр. Госуд. Грам. часть II, стр. 311*); всѣ сіи особы единогласно засвидѣтельствовали нетлѣнность мощей Св. Отрока; уже одно это свидѣтельство удостовѣрило бы насъ въ святости Царевича, если бъ мы и не имѣли другихъ доказательствъ: можно ли думать, чтобы такія особы, какъ Филаретъ, согласились содѣйствовать обману Шуйскаго? Въ такомъ случаѣ, надобно было бы лишить человѣка всякаго нравственнаго достоинства.

35) Іоаннъ IV назначилъ Димитрію въ удѣлъ Угличь, Дмитровъ и Городецъ.

36) См. примѣч. 6.

37) Въ Московскомъ Архивѣ хранятся большею частію сіи акты, о коихъ упоминаетъ Паерле. Приводимъ изъ нихъ вполнѣ самый любопытный: договоръ Лжедимитрія съ Воеводою Сендомирскимъ, писанный 25 Мая 1604 года на Польскомъ и Русскомъ языкахъ.

„Мы, Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію, Царевичъ Великой Русіи, Углецкій, Дмитровскій и иныхъ, Князь отъ колѣна,

предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и дѣдичь."

„Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только по примѣру иныхъ Монарховъ и предковъ нашихъ, но и всѣхъ христіански живущихъ, за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ негожъ, усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи въ Королевствѣ въ Польскомъ, въ дому честнемъ, великаго роду, житья честнаго и побожнаго, пріятеля и товарыща, съ которымъ бы мнѣ, за помочью Божіею, въ милости и любви непремѣняемой житіе свое проводити, ясневельможную Панну Марину съ Великихъ кончицъ Мнишковну, Воеводенку Сендомирскую, Старостенку Львовскую, Самборскую, Меденицкую и проч., дочь ясневельможнаго Пана Юрья Мнишка съ Великихъ кончицъ, Воеводы Сендомирскаго, Львовскаго, Самборскаго, Меденицкаго и проч. Старосты, Жупъ Русскихъ Жупника, котораго мы, испытавши честность, любовь и доброжелательство (для чего мы взяли его себѣ за отца) и о томъ мы убѣдительно его просили, для большаго утверженія взаимной нашей любви, чтобы вышереченную дочь свою Панну Марину за насъ выдалъ въ замужство. А что тепере мы есть не на Государствахъ своихъ и то теперь до часу: а какъ дастъ Богъ, буду на

своихъ Государствахъ жити, и емубъ попомнити слово свое прямое, вмѣстѣ съ Панною Мариною, за присягою; а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо обѣма сдержати и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся. А впередъ во имя Пресвятыя Троицы, даю ему слово свое прямое Царское: что женюсь, на Паннѣ Маринѣ; а не женюсь, и язъ проклятство на себя даю, утверждая сіе слѣдующими условіями. Первое: кой часъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго Государства, язъ Пану отцу его милости дамъ десять сотъ тысячь злотыхъ Польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея, Панны Марины, будущей жены нашей, изъ казны нашей Московской выдамъ клейнотовъ драгоцѣннѣйшихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея, Панны, отцу, въ небытность его по какой либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ Царскимъ словомъ обѣщаемъ. Другое то: какъ вступимъ на нашъ Царскій престолъ отца нашего, и мы тотчасъ пословъ своихъ пришлемъ до наяснѣйшаго Короля Польскаго, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое нынѣ промежъ насъ,

было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ сдѣлати безъ убытка. Третее то: той же прежъ реченной Паннѣ женѣ нашей дамъ два Государства великія, Великій Новгородъ да Псковъ, со всѣми уѣзды, и съ думными людьми, и съ дворяны, и съ дѣтьми Боярскими, и съ попы, и со всѣми приходы, и съ пригородки, и съ мѣсты, и съ селы, со всякимъ владѣньемъ, и съ повольностью, со всѣмъ съ тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми Государствы владѣли и указывали: а мнѣ въ тѣхъ въ обоихъ Государствахъ, въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, ничѣмъ не владѣти, и въ нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпляемъ, и даруемъ ей Паннѣ то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помочью Божіею, съ нею вѣнчаемся, и мы то все, что въ нынѣшнемъ нашемъ письмѣ написано, отдадимъ ей, и въ *Канцрѣріи* нашей ей то въ вѣки напишемъ, и печать свою Царскую къ тому приложимъ. А будетъ у нашей жены, по грѣхомъ, съ нами дѣтей не будетъ, и тѣ обои Государства ей приказати намѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, и вольно ей будетъ своимъ служилымъ людямъ помѣстья и вотчины давати, и купити и продавати, также вольно ей, какъ ся ей полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣльныхъ Государствахъ монастыри и костелы ставити Римскіе, и Бискупы и Попы Латинскіе, и школы поставляти и

ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити; а самой жити съ нами; а Попы свои себѣ держати, сколько ей надобе, также набоженство своей Римскіе вѣры держати безо всякіе забороны, якожъ и мы сами, съ Божіею милостію, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все Государство Московское въ одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ Римскіе устроити. А того Боже намъ не дай, будетъ тѣ наши рѣчи въ Государствахъ нашихъ не полюбятся, и въ годъ того не сдѣлаемъ; ино будетъ вольно Пану отцу и Паннѣ Маринѣ со мною розвестися, или пожалуютъ побольше того подождутъ до другаго году. А язъ теперe въ томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, съ крестнымъ цѣлованьемъ, что мнѣ то все сдѣлати по сему письму, и присягою на томъ на всемъ при свящцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сей записи сдержати крѣпко и всѣхъ Русскихъ людей въ вѣру Латинскую привести. Писана въ Самборѣ, мѣсяца Мая 25 дня, лѣта 1604.

Подпись: *Царевичъ Димитрій.*

38) Datsow. Вѣроятно Ташевъ.

39) Въ подлинникѣ Patska. Шмидтъ - Фисельдекъ думаетъ, что это слово значитъ *Батюшка*, и что такъ называли начальника

мятежниковъ. Мнѣніе совершенно ложное: Паерле разумѣетъ извѣстнаго Истому Пашкова.

40) То же свидѣтельствуетъ Петрей.

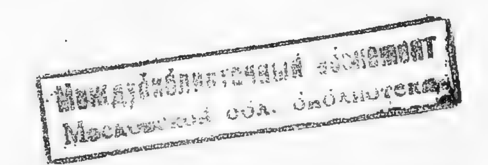
41) Korsak. Должно быть Корсаковъ.

42) Въ подлиникѣ Fedorowitz и Plotno---- извѣстные мятежники Лжепетръ и Болотниковъ. См. о нихъ Берову Лѣтопись.

43) Напомнимъ еще читателю свидѣтельство Александра Чилли. Смот. выше примѣч. 6.

44) Въ рукописи, которою я пользовался, къ сожалѣнію, недостаетъ листовъ двухъ или трехъ; ихъ нѣтъ и въ спискѣ Волфенбиттельской библіотеки. Изъ дѣлъ нашего Архива мы знаемъ, что послы Литовскіе заключили съ Боярами 25 Іюля 1608 года перемиріе на 3 года и 11 мѣсяцевъ; исходатайствовали свободу Маринѣ и отцу ея; клялись въ дружбѣ и любви; наконецъ отправились во свояси. Паерле достигъ Кракова 15 Декабря 1608 года.

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЗАПИСКИ ГЕОРГА ПАЕРЛЕ.

Глава I.

Исторія Царя Димитрія.

Глава II.

Дневникъ Георга Паерле.

РОЗЫСКЪ О СМЕРТИ

Царевича Димитрія Углицкаго.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ.

